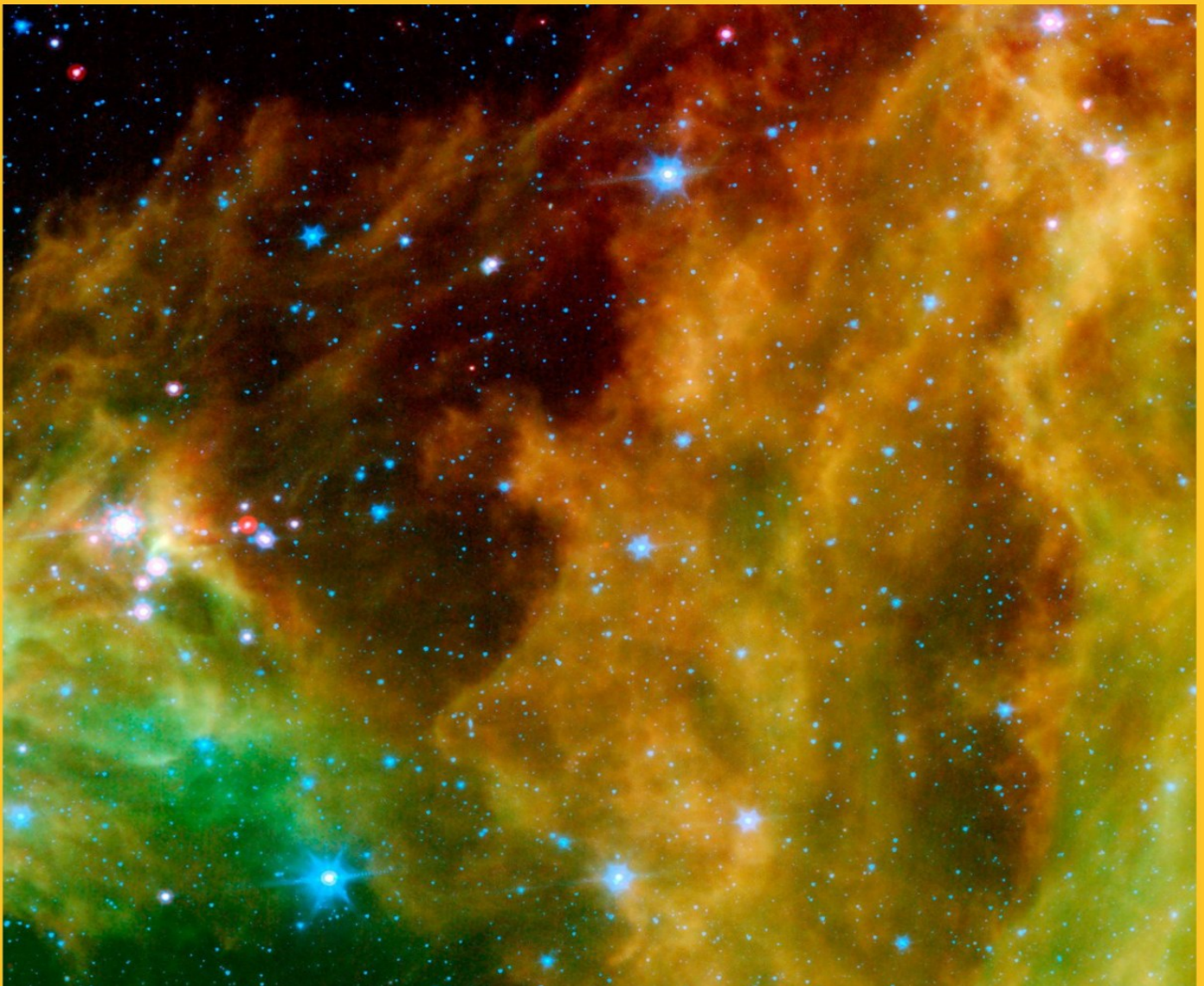

DECEMBER 2025 | ISSUE #12(1.2)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №12(1.2) - 2025. 134 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2025

Article writers, 2025

Scientific public organization
“Professional science”, 2025

Table of contents

INTRODUCTION	5
CULTURAL STUDIES AND ARTS	6
Akhmetshina O. Cosmetic art and emotional healing: a cultural study of post-illness appearance reconstruction	6
EDUCATION AND PEDAGOGY	16
Barebina N.S., Tagiev M.I., Parfenov D.S. The “English accent” of large language models in foreign language teaching: risks and didactic prospects	16
Gordienko M.V. Reading as a Core Speech Activity in the Formation of Professional Foreign Language Competence of University Students	23
Marina A.N. Pedagogical diagnostics organization as a boosting technology for improving students’ language training quality	31
Savelyev O.V. Experimental program. Developing students' linguistic culture, including speech culture, reading culture, and communication culture in Russian	35
Yurchenko O.A. Collaboration between a speech therapist and a primary school teacher in the development of cohesional speech in students with intellectual disabilities	50
REVIEWS AND ANALYSIS	58
Fergert A.S. Happiness as a Subject of Scientific Research: A Discursive Analysis of Conceptual Connections	58
Ilyina D.S. Employee Happiness in the Context of Organizational Culture: A Discursive Conceptual Analysis	66
Khandsuren G., Ganchimeg J. Opportunities to Improve Port Operations (in case of Shiveekhuren port)	75
Kozlova I.D. The Highway of Professional Issues: Incentives and Motivation	87
Kurshakova D.S. Happiness as a Psychological and Social Concept in Scientific Discourse	90
Nyambayar Chimid-Ochir. Validation of the Organizational Culture Assessment Instrument: a study using the Competing Values Framework in a medical organization	100
Sharafutdinov A.B., Sharafutdinova R.Sh. Application of principles of rotational motion dynamics to the technique of gymnastic elements	110
Starko E.S., Macheeva M.A., Starko V.S. Creating an expert system for choosing a programming language	118
Velyan K. Structural types of elliptical sentences in English, Russian and Armenian (contrastive analysis)	125
CONCLUSION	133

INTRODUCTION

Issue 12(1) of the International Journal of Professional Science brings together research at the intersection of the humanities, social sciences, and applied sciences, demonstrating how cultural, educational, and organizational practices can enhance human well-being and professional effectiveness. The issue's thematic scope is developed through three complementary sections.

From a cultural perspective, it analyzes cosmetic art as a resource for emotional healing and restoration of appearance after illness. The material raises important questions about the cultural codes of the body, identity, and support, demonstrating the potential of creative practices in post-traumatic and rehabilitation experiences.

The educational section focuses on language education and the development of speech culture. It examines the risks and didactic prospects of using large language models in foreign language teaching, the role of reading as a key speech skill in developing professional competence, and the organization of pedagogical diagnostics as a technology for improving the quality of language training. An experimental program for developing students' language culture integrates the culture of speech, reading, and communication in Russian. Special attention is given to the interprofessional collaboration between a speech therapist and a primary school teacher in supporting coherent speech in students with intellectual disabilities, highlighting the relevance of inclusive approaches and practice-oriented models of professional interaction.

The review and analysis section covers a wide range of methodologies and applied solutions. A series of papers on happiness explores the concept in scientific discourse, in psychological and social dimensions, and in the context of organizational culture, linking employee well-being with management practices. The empirical validation of an organizational culture assessment tool based on the competing values model demonstrates the importance of accurate diagnostic tools for healthcare organizations. Applied research focuses on improving port operations using the Shiveyehuren port as an example, illustrating the modern logic of operational optimization. Technical and linguistic materials cover the application of principles of rotational motion dynamics to gymnastic techniques, the development of an expert system for selecting a programming language, and a contrastive analysis of the structural types of elliptical sentences in English, Russian, and Armenian. Taken together, this reflects the interdisciplinary nature of the issue and its focus on the “theory-method-practice” link.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

CULTURAL STUDIES AND ARTS

UDC 008

Akhmetshina O. Cosmetic art and emotional healing: a cultural study of post-illness appearance reconstruction

Akhmetshina Olga

Permanent Makeup Artist, Educator
Founder of the “Daily Eyebrows” Method and chain of PMU salons
Bachelor of Management

Abstract. *Visible changes in appearance following illness, particularly those affecting the face, often extend beyond medical outcomes and enter the realm of cultural meaning. Eyebrow loss resulting from chemotherapy or autoimmune conditions can influence identity, emotional wellbeing, and social participation, as the face functions as a central site of symbolic and interpersonal communication. This article examines the cultural and emotional significance of cosmetic art as a restorative practice, emphasizing its role in supporting individuals experiencing post-illness appearance changes. Drawing on interdisciplinary perspectives and existing qualitative research on survivorship, the study considers how aesthetic restoration – specifically naturalistic eyebrow reconstruction – may facilitate emotional healing, reduce illness-related stigma, and assist in the recovery of a coherent sense of self. The analysis highlights how cosmetic art occupies a unique cultural space between visual aesthetics and psychosocial rehabilitation, and illustrates these dynamics through examples from contemporary restorative practice.*

Keywords. *Facial identity; cosmetic art; appearance reconstruction; emotional healing; survivorship; cultural aesthetics; stigma; post-illness recovery.*

Рецензент: Петрова Марина Михайловна - Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ. Первый проректор, зав. кафедрой поликлинической терапии и семейной медицины с курсом ПО. Член рабочей группы РКО «Терапевтические аспекты кардиологической практики», член правления РКО, член центрального совета РНМОТ

1. Introduction.

Illness often produces changes in appearance that extend beyond physical transformation and influence a person's emotional and social life. When the face is affected, these changes may alter both self-perception and the way individuals are recognized within their communities. Eyebrow loss following chemotherapy or autoimmune conditions frequently becomes one of the most visible indicators of illness, and many survivors describe such changes as deeply unsettling for their sense of identity [1]. Because the face functions as a primary medium of emotional expression and social presence, even minor disruptions can carry significant cultural and symbolic meaning.

Research on facial perception highlights the importance of specific facial cues in human interaction. Eyebrows play a central role in recognition, expressivity, and assessments of

health or vitality [2]. When these cues are diminished, individuals may experience a feeling of disconnection from their previous appearance, accompanied by uncertainty about how others interpret their visual presentation. This form of dissonance is not solely aesthetic; it influences the continuity of self and affects participation in everyday social interactions.

Sociological perspectives further illuminate the challenges associated with visible signs of illness. Changes in appearance can function as markers that inadvertently disclose a person's medical history, potentially leading to a "spoiled identity" in which everyday interactions are shaped by assumptions, avoidance, or heightened attention from others [3]. For many survivors, the absence of eyebrows is not simply a cosmetic concern but an unwanted signal that communicates vulnerability or ongoing recovery. Restoring facial features, therefore, becomes closely linked to regaining autonomy, privacy, and a sense of familiarity with one's own reflection.

In this context, cosmetic reconstruction can serve as a culturally meaningful form of emotional support. Naturalistic restorative methods help individuals restore expressive facial elements and reestablish visual continuity after illness [4]. This form of cosmetic art contributes not just to aesthetic enhancement but to emotional recovery, confidence, and reintegration into social life. The present study examines the cultural and emotional significance of such interventions, considering how aesthetic restoration can help individuals navigate post-illness identity and reclaim a coherent sense of self.

2. Methods And Techniques.

The present study employs a qualitative cultural-analysis approach designed to examine the emotional and symbolic dimensions of appearance restoration after illness. Because the topic concerns identity, perception, and culturally embedded interpretations of the face, the analysis relies on conceptual frameworks rather than quantitative measurement. The methods used draw from cultural studies, sociology, and psychosocial research, with emphasis on interpretive techniques that illuminate the lived experiences of individuals undergoing post-illness recovery.

The study is grounded in three primary methodological components.

First, it incorporates findings from qualitative survivorship research that documents the emotional and social implications of appearance loss among diverse populations [1]. These accounts provide insight into how survivors describe the disruption of identity, the experience of involuntary visibility, and the challenges associated with social reintegration.

Second, the analysis draws on evolutionary and perceptual research concerning the cultural significance of facial features [2]. This body of work helps clarify why certain elements of the face, including the eyebrows, play a central role in recognition, expressivity, and assessments of wellbeing. These insights support the interpretation that restoring facial cues

contributes not only to appearance but to psychological stability and social ease.

Third, sociological theory concerning stigma and the management of socially visible differences provides a framework for understanding how appearance changes after illness may influence public identity [3]. This perspective supports the idea that cosmetic restoration serves as a means of reclaiming control over personal presentation and reducing the unintended disclosure of medical history.

In addition to these theoretical sources, the study includes illustrative examples drawn from contemporary restorative cosmetic practice. These examples are used not to evaluate technique but to demonstrate how aesthetic methods can participate in emotional healing and identity reconstruction [4]. The examples were selected based on their relevance to themes identified in the literature, including identity continuity, social participation, and cultural expectations regarding normalcy.

The techniques employed in the analysis are interpretive and comparative, focusing on identifying cultural patterns and emotional themes rather than establishing causal relationships. The discussion synthesizes insights across disciplines to show how cosmetic art occupies a meaningful intersection between appearance, cultural norms, and emotional recovery.

3. Results and discussion.

THE FACE AS A CULTURAL SYMBOL.

Across cultures, the face has long been regarded as the most significant site of personal expression and social recognition. It conveys emotional states, signals identity, and allows individuals to participate in shared communication without words. Because of this symbolic centrality, changes to facial appearance can hold deeper meaning than alterations elsewhere on the body. In many societies, the face represents a form of personal narrative, carrying traces of experience, status, age, and heritage. When illness disrupts familiar facial features, individuals may feel that a part of their personal story has been interrupted.

Biological and evolutionary research provides insight into why certain facial elements hold particular weight in perception. Specific features—including the eyebrows - assist in rapid recognition, support the interpretation of emotion, and influence assessments of vitality or resilience.[2] These cues function across cultures, suggesting that their importance is not merely aesthetic but connected to fundamental processes of interpersonal understanding. When such cues are altered or lost, individuals must navigate interactions with a face that no longer communicates as they expect. This shift can introduce uncertainty and affect one's sense of agency in social settings.

The cultural role of the face also extends to expectations of normalcy. Communities often rely on shared visual norms to interpret well-being, and deviations from these norms may be

perceived, consciously or unconsciously, as indicators of distress or fragility. As a result, individuals experiencing visible signs of illness may find themselves managing not only their internal emotional response but also the external reactions of those around them. The intersection of biology, perception, and cultural symbolism makes the restoration of facial features a particularly meaningful form of support during recovery.

The Cultural Functions of the Face are depicted below (Figure 1).

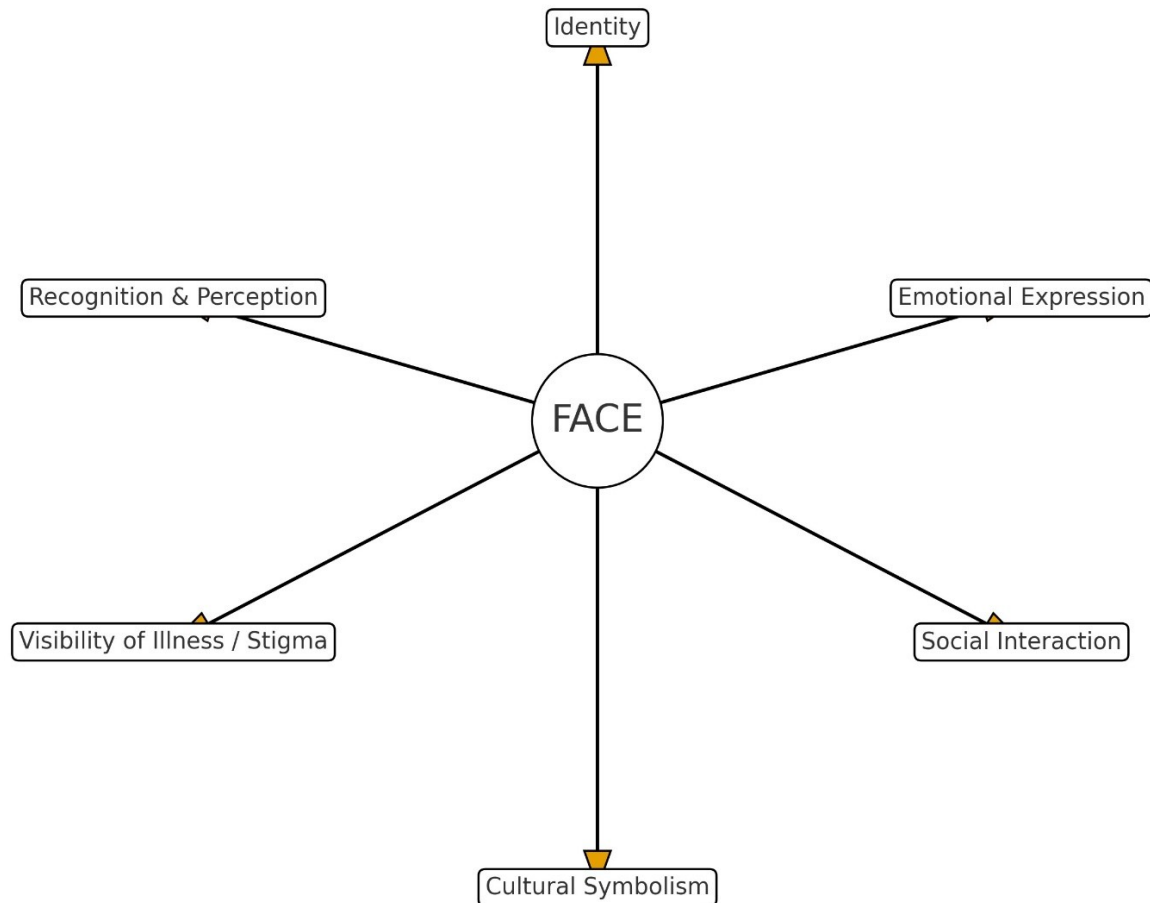

Figure 1. The Cultural Functions of the Face

ILLNESS, STIGMA, AND IDENTITY RECONSTRUCTION.

Visible signs of illness can influence social interactions in ways that extend beyond an individual's control. When appearance changes act as unintentional signals of medical history, they reshape how others respond, sometimes eliciting sympathy, discomfort, or avoidance. This dynamic is described in classical sociological theory as the emergence of a “spoiled identity,” in which a person's public image becomes tied to a condition rather than to their broader sense of self [3]. Such experiences may lead individuals to withdraw socially, limit

expression, or feel as though their illness continues to speak for them even after treatment has ended.

Qualitative research on cancer survivorship reveals that many women experience appearance-related changes as among the most significant emotional challenges of treatment [1]. Loss of hair or eyebrows is often described not only as a cosmetic issue but as a visual disruption that alters how survivors relate to their own reflection. Participants in these studies frequently report that these changes make it difficult to recognize themselves, contributing to a sense of fragmentation or discontinuity in personal identity. The transition out of the medical setting does not immediately restore confidence; instead, survivors must navigate a period in which their appearance no longer aligns with their memory of who they were before illness.

These tensions illustrate how visible markers of illness can function as a form of stigma. Individuals may feel exposed or vulnerable when their appearance reveals a private aspect of their history. Everyday encounters—whether with acquaintances, coworkers, or strangers—may be colored by assumptions about health, strength, or recovery. Over time, this can influence emotional stability and shape the trajectory of reintegration into social life. Efforts to restore appearance, therefore, address not only aesthetic concerns but also the broader task of reconstructing a sense of self that is coherent, recognizable, and emotionally sustainable.

Table 1

Emotional Impact Pathway of Post-Illness Appearance Changes

Stage	Description
Appearance Loss	Visible change following illness or treatment.
Identity Disruption	Loss of connection with familiar self-image.
Social Discomfort	Uncertainty and discomfort in social interactions.
Heightened Stigma	Involuntary visibility of illness shapes perception.
Emotional Vulnerability	Feelings of fragility, lowered confidence, emotional strain.

COSMETIC ART AS EMOTIONAL AND CULTURAL HEALING.

Within this landscape, cosmetic reconstruction occupies a unique cultural role. While often perceived as purely aesthetic in commercial contexts, restorative cosmetic practices take on deeper significance for individuals coping with post-illness appearance changes. When used to restore features that have been altered or lost, cosmetic art operates as a bridge between the physical and emotional dimensions of healing. It allows individuals to regain visual continuity with their pre-illness identity, helping them reestablish the sense that their reflection once again corresponds to their internal experience.

Culturally, this process aligns with longstanding traditions in which aesthetic practices serve ceremonial, symbolic, or healing functions. Many societies have used forms of adornment, painting, or reconstruction to mark transitions, recover from loss, or reaffirm identity. In contemporary settings, the restoration of facial features after illness can similarly

support emotional recovery by reducing involuntary visibility and restoring a sense of privacy. Survivors often describe the return of familiar features as a moment of regained dignity and control - an important step in detaching the self from the narrative of illness.

Modern restorative techniques make this process more accessible by enabling naturalistic and individualized results. Approaches that prioritize subtlety, accurate facial proportion, and expressive coherence help individuals recover the visual cues that support everyday communication [4]. For survivors who describe difficulty recognizing themselves, such interventions can play a meaningful role in rebuilding confidence. In this sense, cosmetic art becomes part of a broader cultural practice of healing—one that acknowledges the importance of appearance not as vanity but as a foundation of personal identity, social comfort, and psychological resilience.

Table 2

Eyebrows in Human Perception: A Cultural Interpretation Model

Perceptual Dimension	Cultural / Emotional Role
Facial Recognition	Supports immediate identification of the individual; absence disrupts familiarity.
Emotional Expressivity	Conveys subtle emotional cues and affects clarity of interpersonal communication.
Perceived Vitality	Contributes to impressions of health, resilience, and general wellbeing.
Normalcy & Continuity	Signals alignment with socially expected facial features, reducing involuntary visibility of illness.
Cultural Aesthetic Norms	Reflects community-specific ideals of balance, symmetry, and personal presentation.

CASE EXAMPLE: RESTORATIVE AESTHETIC PRACTICE.

The cultural significance of cosmetic reconstruction becomes clearer when examined through examples of contemporary restorative practice. In recent years, specialized forms of cosmetic art have been developed to address the needs of individuals who experience facial changes as a result of medical treatment. These practices do not aim to alter appearance for fashion or trend, but to restore features lost to illness, allowing survivors to reconnect with a sense of normalcy. Naturalistic approaches to eyebrow reconstruction, such as those described in contemporary artistic methods [4], demonstrate how aesthetic skill can be directed toward emotional recovery rather than transformation.

Practitioners engaged in restorative work frequently encounter clients who describe feeling unrecognizable without their eyebrows. For many, the absence of this small facial feature changes the emotional tone of their expression and removes a familiar point of reference in the mirror. Survivors often speak of avoiding photographs, social events, or even eye contact because they feel their face no longer communicates who they are. In this context, the role of the practitioner becomes not merely technical but interpersonal. The process requires sensitivity, patience, and an understanding of how intimately appearance is tied to

personal identity.

The Figure 4 visualizes how three cultural and emotional domains intersect in restorative cosmetic art:

Aesthetic Reconstruction - Restoring expressive facial cues and natural appearance.

Emotional Healing - Supporting confidence, dignity, and personal identity after illness.

Cultural Reintegration - Enabling smoother return to social roles and community belonging.

At their intersection - Restored Identity - the core cultural and emotional outcome discussed in the article.

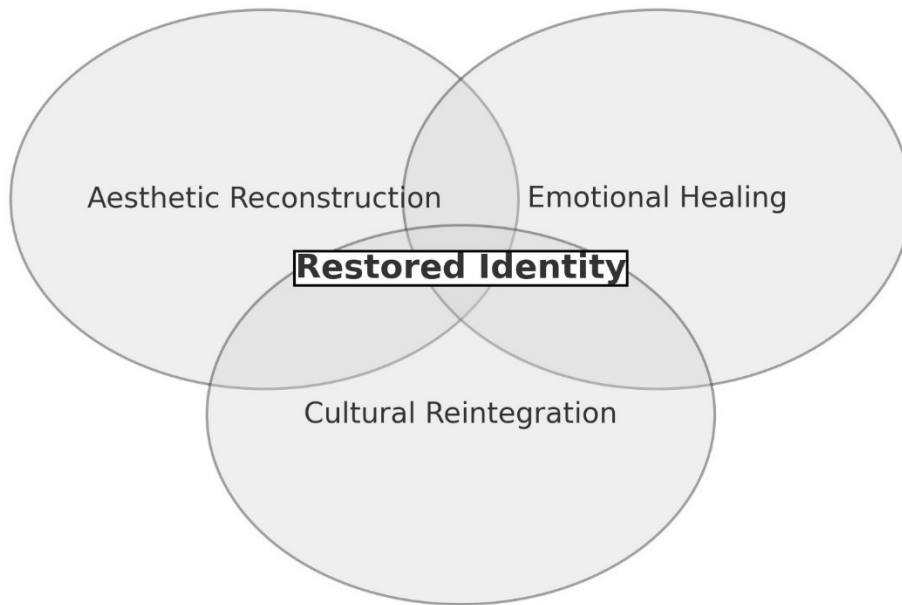

Figure 2. Conceptual Model of Restorative Cosmetic Art

Restorative cosmetic procedures are most effective when the result blends seamlessly with the individual's natural features, reestablishing expressive cues without drawing attention to the intervention. Techniques that prioritize subtlety, correct proportions, and individualized mapping support this objective. When survivors describe the outcome of such procedures, they often focus not on the aesthetic details themselves but on the emotional effect: the relief of seeing a familiar face, the sense of returning to one's former self, or the feeling that the illness is no longer written visibly across their features. These responses illustrate how cosmetic art can function as a meaningful component of post-illness healing, offering support that bridges psychological and cultural dimensions of recovery.

CROSS-CULTURAL PERSPECTIVES ON FACIAL RECOVERY.

The cultural role of appearance restoration varies across societies, yet common themes

emerge surrounding the importance of the face in expressing identity and belonging. In many cultures, the face is perceived as a public canvas through which individuals communicate status, emotion, and personal history. Changes to this canvas—especially when associated with illness—may carry different meanings depending on local norms, but they consistently influence both personal self-understanding and social interaction.

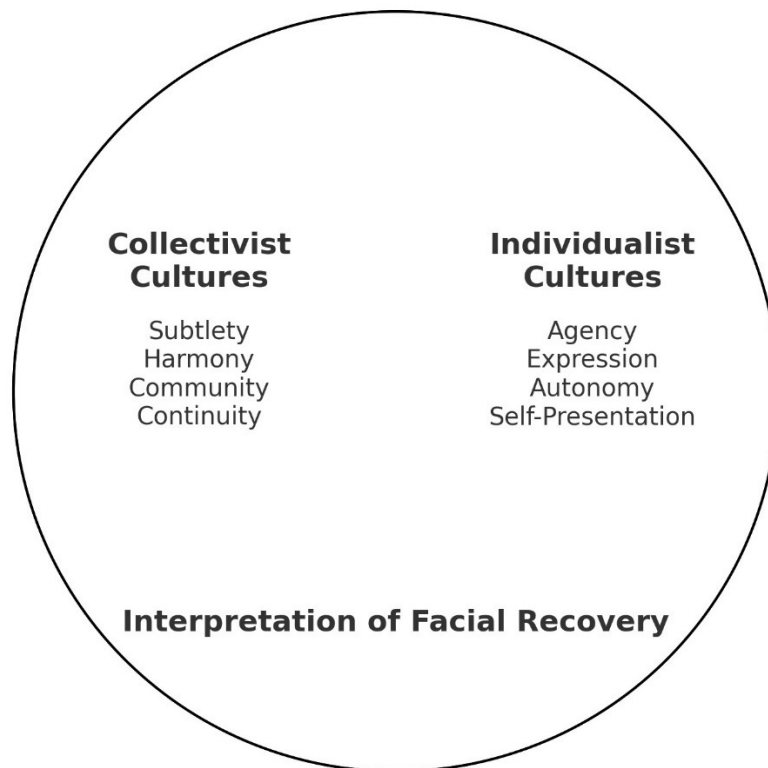

Figure 3. Cultural Forces Shaping Facial Recovery Practices.

In collectivist cultures, where social harmony and shared identity are emphasized, visible signs of illness may lead to heightened feelings of difference or concern about burdening others. In more individualistic cultures, where personal presentation and autonomy are closely tied to self-worth, appearance-related changes may be experienced as a loss of agency or control. Despite these variations, the return of familiar facial features after illness often produces a similar emotional response across cultural contexts: relief, reconnection, and renewed confidence.

The universal role of facial cues in human perception, described in evolutionary research [2], supports the idea that restoring expressive elements can benefit individuals regardless of cultural background. However, the specific aesthetic expectations—such as the preferred density, shape, or prominence of eyebrows—may differ regionally. Restorative practitioners must therefore approach each case with cultural sensitivity, recognizing that

“normal” appearance is shaped not only by biological structures but by the aesthetic traditions and social expectations of the community. When restorative methods allow for such individualization, they support more authentic reintegration into cultural and social life.

EMOTIONAL OUTCOMES OF APPEARANCE RESTORATION

The emotional benefits reported by individuals who undergo restorative cosmetic procedures highlight the profound connection between appearance and psychological wellbeing. Survivors of illness often describe the return of familiar facial features as a moment of reorientation—an opportunity to reclaim aspects of identity that felt disrupted or obscured during treatment. Research has shown that changes related to appearance can significantly influence emotional recovery, particularly when those changes involve features central to recognition and expressivity [1]. Restoring eyebrows, for example, can help reduce feelings of vulnerability and diminish the perception that illness remains visible to others. Survivors frequently describe feeling more comfortable engaging in public life after such interventions, as the face no longer cues unwanted attention or sympathy. Naturalistic reconstruction can also help individuals feel more confident in personal interactions, supporting a return to social roles that may have felt challenging during or immediately after treatment.

These emotional outcomes can be understood in relation to sociological perspectives on stigma. When a visible feature associated with illness is effectively restored, individuals often report feeling liberated from the identity imposed on them by their appearance. The intervention becomes not a form of disguise but a restoration of continuity between internal identity and external presentation [3]. In this sense, cosmetic art serves as a culturally embedded form of healing, supporting the reestablishment of dignity, autonomy, and emotional resilience during the transition to post-illness life.

CONCLUSION

The relationship between appearance and emotional wellbeing becomes particularly evident in the period following serious illness, when individuals must navigate not only physical recovery but also shifts in identity, confidence, and social participation. Changes to the face, especially the loss of expressive features such as the eyebrows, may affect how individuals perceive themselves and how they feel perceived by others. These changes can reinforce the sense that illness continues to define one’s public identity, complicating the transition back into everyday life. As research has shown, survivors often identify appearance-related changes as among the most emotionally challenging aspects of treatment, reflecting the broader cultural and symbolic role of the face in shaping personal and social experience [1]. Restorative cosmetic practices provide a way for individuals to regain a sense of familiarity and continuity with their pre-illness selves. Because facial cues play a central role in recognition and emotional communication [2], restoring these elements can help diminish the involuntary

visibility of illness and support a smoother reintegration into social environments. When these practices are approached with care, cultural sensitivity, and an emphasis on naturalistic outcomes, they can contribute meaningfully to emotional healing. Survivors frequently describe feeling more confident, more at ease in public settings, and more connected to their personal identity after such interventions. These responses highlight the importance of appearance restoration not merely as an aesthetic preference but as a form of cultural and psychological support.

The sociological framework of stigma further underscores why restorative practices can be so impactful. Visible markers of illness may shape social interactions in ways that reinforce vulnerability or diminish autonomy [3]. By restoring familiar facial features, cosmetic art helps individuals regain control over how they present themselves and how they are perceived. Contemporary methods that emphasize naturalism, proportion, and subtlety allow survivors to reestablish expressive facial cues that align with their internal sense of self [4]. In this way, cosmetic reconstruction becomes part of a broader cultural process of healing, offering not only visual change but renewed confidence and emotional stability.

The cultural and emotional dimensions of appearance restoration suggest that cosmetic art holds a meaningful place within post-illness recovery. It supports individuals in reclaiming identity, managing the social implications of illness, and rebuilding connection with their communities. As awareness of these restorative benefits continues to grow, cosmetic art may increasingly be recognized as a valuable component of holistic healing - one that bridges aesthetic practice with emotional resilience and cultural understanding.

References

1. - Ashing-Giwa, K. T., Padilla, G., Tejero, J., Kraemer, J., Wright, K., Coscarelli, A., Clayton, S., Williams, I., & Hills, D. (2003). Understanding the breast cancer experience of women: A qualitative study of African American, Asian American, Latina, and Caucasian cancer survivors. *Psycho-Oncology*, 12(3), 279–293. <https://doi.org/10.1002/pon.750>
2. - Little, A. C., Jones, B. C., & DeBruine, L. M. (2011). Facial attractiveness: Evolutionary based research. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 366(1571), 1638–1659. <https://doi.org/10.1098/rstb.2010.0404>
3. - Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. <https://archive.org/details/stigmanotesonman0000goff>
4. Akhmetshina, O. (2025). *Authored Method of Permanent Eyebrow Makeup Using the Hair Stroke Technique: Daily Eyebrows*. ISBN 978-5-6054348-3-2.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37

Barebina N.S., Tagiev M.I., Parfenov D.S. The “English accent” of large language models in foreign language teaching: risks and didactic prospects

«Англоязычный акцент» больших языковых моделей в обучении иностранному языку: риски и дидактические перспективы

Barebina Natalya Sergeevna,

Doctor of Philology,
Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Irkutsk

Tagiev Mikail Ismailovich,

PhD in Economics, Lecturer, Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny Military Academy of Communications, Department 42, St. Petersburg

Parfenov Danil Sergeevich,

Fourth-year student, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk

Баребина Наталья Сергеевна,
доктор филологических наук,

профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск

Тагиев Михаил Исмаилович,

кандидат экономических наук, преподаватель

Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Кафедра 42,
г. Санкт-Петербург

Парфенов Даниил Сергеевич,

студент 4-го курса Института мировой экономики
и международных отношений

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск

Abstract. This article examines the risks and opportunities of using large language models in foreign language teaching. Despite the current trend toward the use of technology in education, there is increasing talk that the uncontrolled use of artificial intelligence leads to a decline in students' critical thinking abilities. Another argument in favor of the negative impact of language models is the observation by scientists of certain types of bias in generated content, which is associated with training data. In this context, the didactic potential of generated texts, which can serve as the basis for assignments aimed at developing reasoning, argumentation, and writing skills, is relevant. The authors propose an experimental workshop entitled “Editing an AI Text”.

Keywords: texts, large language models, Anglocentricity, learning, workshop

Аннотация. Статья рассматривает риски и возможности применения больших языковых моделей в обучении иностранному языку. Несмотря на существующий тренд применения технологий в образовательном процессе все чаще говорится о том, что бесконтрольное применение искусственного интеллекта ведет к снижению способности обучающихся к критическому мышлению. Еще одним аргументом в пользу положения о негативном влиянии языковых моделей является наблюдение ученых о некоторых типах предвзятости генерируемого

контента, что связано с обучающими данными. В аспекте этого противостояния актуальным является дидактический потенциал сгенерированных текстов, которые могут выступать в качестве основы для заданий, направленных на формирование навыков рассуждения, аргументации и письма. Авторами предложен эксперимент-практикум «Редактура ИИ-текста».

Ключевые слова: тексты, большие языковые модели, англоцентричность, обучение.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Введение. Безусловным трендом в современной образовательной практике является применение технологий искусственного интеллекта, и в частности – больших языковых моделей (далее БЯМ). Этот тренд, будучи поддержанным государством [4], становится императивом для современной образовательной практики. Растущее число публикаций по проблематике использования БЯМ в языковом обучении позволяет выявить ряд аттракторов, объясняющих, почему педагоги все чаще обращаются к применению алгоритмизированных практик. Среди дидактико-практических аттракторов применения БЯМ, упоминаемых разными авторами [2; 8; 9; 11], отметим возможность создания персонализированной учебной среды для развития навыков критического мышления.

С другой стороны, необходимо прислушаться к мнению тех, кто предупреждает о возможном негативном эффекте безусловного использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в образовании. Е.В.Чистова полагает, что «пассивное использование ИИ студентами ведет к деградации аналитических способностей» [6]. А. А. Алетдинова, Е. Н. Антонянц в качестве угроз при использовании генеративных нейросетевых ассистентов отмечают снижение эмоционального интеллекта, способности обучаться, развивать критическое мышление, деградацию уже имеющихся навыков [1]. Об угнетении критического мышления при бесконтрольном использовании ИИ говорится в работе [3]. Практики аргументируют, что наступление этого эффекта пока слабо осознается специалистами, в основном, рассматриваются только преимущества образования с ИИ-ассистентами.

Поэтому качественное внедрение БЯМ в учебный процесс предполагает постоянную верификацию их достоинств и недостатков. Это поможет использовать потенциал современных технологий при сохранении образовательных стандартов. Целью данной статьи является рассмотреть понятие предвзятости БЯМ в аспекте дидактических возможностей их применения.

Материалы и методы исследования. В ходе работы над статьей применялся метод анализа источников литературы, метод дефиниционного анализа, диалектический метод, который использовался при выявлении противоречий в современной педагогической практике в условиях внедрения ИИ. Мы использовали материалы научной группы Antropic, которая анонсирует исследование социальных последствий внедрения искусственного интеллекта в общественную жизнь и привлекает ученых к сотрудничеству. Одной из разработок группы явилось исследование вопросов убедительного искусственного интеллекта. <https://www.anthropic.com/research/measuring-model-persuasiveness>. Итак, эмпирический материал представляет собой набор из 150 текстов датасета AntropicPersuasion, сгенерированных БЯМ (Claude 2, Claude 3, Claude 3 Haiku). Отбирались тексты на социальные темы по тематическим группам «образование», «туризм», «космос».

Англоцентричность больших языковых моделей. Склонность моделей выдавать стереотипные или подстраивающиеся под запросы коммуниканта ответы уже не является новостью. Доказано, что эта особенность зависит от обучающих данных. Тексты, сгенерированные БЯМ, действительно, показывают несколько типов предвзятости (bias): гендерную, возрастную, этническую, идеологическую, этическую. Постепенно сложилось осознание того, что БЯМ, обученные на большом корпусе текстов, систематически показывают культурно-языковой тип предвзятости [7; 10; 13; 15]. Предвзятость, связанная с английским языком и лингвокультурными реалиями, описывается в терминах английского акцента или англоцентричности БЯМ. Это выражается в том, что модель, обученная на высокоресурсном английском языке, использует грамматические структуры английского языка, так, как это сделал бы носитель языка. Известны и другие, не сразу очевидные паттерны, которые отражают доминирующую англоязычную картину мира. Это проявляется в семантическом сдвиге: значения слов и выражений адаптируются под культурные и социальные нормы англоязычного контекста, игнорируя локальные нюансы других языков и культур. Кроме того, модели часто транслируют не языковую норму реального общества, а «норму модели» — статистически усредненный, выровненный и лишенный живой вариативности язык, основанный на англоязычных датасетах.

Проект Antropic фиксирует еще один паттерн, который связан с убедительностью аргументов в текстах. Ученые с помощью БЯМ Claude 2, Claude 3, Claude 3 Haiku генерируют тексты-рассуждения и экспериментально анализируют их в группах волонтеров. Пока все аргументы в сгенерированных текстах оцениваются носителями

естественного интеллекта как убедительные и «в целом убедительные». Экспериментаторы указывают, что их «исследование сосредоточено на статьях на английском языке и носителях английского языка» и что у них нет данных о том, применимы ли их выводы к другим культурным или языковым контекстам за пределами Соединенных Штатов [12]. Таким образом, ученые призывают исследовать вопрос приемлемости и убедительности аргументов для лингвокультурных сообществ, что является очень важным и с практической, и с теоретической точек зрения.

Учитывая открытость и доступность данных проекта AntropicPersuasion для дальнейшего изучения, считаем возможным применить материалы проекта в учебную практику. Обязательным условием является выполнение «Политики допустимого использования», которая запрещает задействовать сгенерированные на проекте тексты в политических целях, а также запрещает использование этих текстов без указания на авторство ИИ.

Описание эксперимента-практикума. Нами был разработан эксперимент-практикум, цель которого состоит в том, чтобы определить, насколько тексты, сгенерированные БЯМ, воспринимаются как убедительные, и выявить, какие элементы текста требуют доработки с точки зрения человека. Шаги эксперимента-практикума представлены ниже.

Эксперимент-
практикум
«Редактура
ИИ-текста»

Подготовительный этап. Выборка: 5-7 тем из датасета Anthropic Persuasion, тип промпта: logical reasoning
Тематика: «использование социальных сетей подростками», «освоение космоса», «генная инженерия», «транспорт»

Часть 1. Оценка убедительности. Насколько убедителен этот текст? (шкала от «1» (совсем не убедительный) до «7» (очень убедительный))

Часть 2. Открытый вопрос. Что в этом тексте создает убедительность? (логика, эмоции, примеры, стиль)

Заключительный этап. Рекомендации по улучшению. Как бы вы доработали этот текст для большей убедительности, Что бы вы изменили или добавили? Предложите 2-3 правки текста.

Пример текста, сгенерированного Claude 2 по теме: *Self-driving cars will not be safe enough to fully replace human drivers.*

Self-driving cars promise great benefits, like reducing accidents and giving people more time free of driving. However, the technology simply isn't ready yet for fully autonomous vehicles to completely replace human drivers. There are still too many situations that automated systems cannot reliably handle.

For example, self-driving cars struggle to navigate snow or heavy rain. They also have difficulty with complicated intersections, merging into high-speed traffic, and understanding subtle hand signals from police officers and cyclists. These are all routine driving tasks that humans handle easily.

In addition, the sensors on autonomous vehicles can be fooled surprisingly easily. Researchers have shown that just a little graffiti on the road or a few small stickers on a stop sign can trick the computer vision. Hackers have even demonstrated they can remotely take over some autonomous vehicles' controls.

Self-driving AI still does not have enough experience driving in the real world to react properly in all dangerous situations. And without human oversight, any mistakes or malfunctions could be catastrophic. Fully autonomous vehicles may someday be safer, but the technology simply has too far yet to go.

Rushing self-driving cars onto our roads prematurely risks lives. Until autonomous vehicles can match humans in perceiving and responding to the full range of complex driving scenarios, human drivers should remain in control. We should continue developing and testing self-driving cars cautiously - with safety as the top priority at every step [14].

Результаты исследования. В настоящее время ученые-практики стали обращаться к ИИ-текстам как к новому типу материала для лингвистических исследований. Есть первые результаты. Так, А. Д. Тимохов представил сравнительное тестирование БЯМ (ChatGPT, Gemini, Mistral, Llama), проводя генерации вариантов заголовков научных публикаций для академического дискурса в режиме zero-shot промптинга с использованием унифицированных промптов. Ученый показал, что сгенерированные заголовки следует рассматривать лишь как основу, требующую редакторской доработки для полного соответствия академическим нормам [4, с. 298]. Наше исследование, пока поисковое, мы видим как продолжение этой работы. Тот факт, что тексты, сгенерированные БЯМ, обнаруживают англоцентричность, безусловно, свидетельствует о серьезных этических, педагогических и культурных рисках. Речь идет о том, что они транслируют западную англоязычную картину мира как универсальную.

Однако имеются и свои преимущества. На специально подобранных датасетах БЯМ можно обучать аутентичным формам рассуждения и аргументации, характерным

для носителей английского. Это особенно актуально для развития академического письма, которое, как известно, основано на англоязычных стандартах логики изложения. Эта же особенность БЯМ открывает дидактические перспективы с точки зрения критического мышления у изучающих язык. На специально отобранных аутентичных датасетах, написанных профессионалами, можно развивать у обучающихся навыки естественного рассуждения и аргументации, проводя сравнительный анализ со сгенерированными текстами. Можно разработать ререйтинг-задачи в виде переписывания «нейтрального» ответа модели с учетом конкретного социального или культурного контекста.

Разработанный нами эксперимент-практикум «Редактура ИИ-текста» имеет потенциал тренажера для усовершенствования навыков критического письма, что вполне соответствует попыткам педагогов привлечь внимание общественности к проблеме негативного эффекта и зависимости от алгоритмов ИИ. В нем есть также и научный потенциал, расширение респондентской аудитории поможет внести вклад в разработки научной группы Antropic, исследующей вопрос убедительности в лингвокультурном аспекте.

References

1. Алетдинова А. А., Антонянц Е. Н. Применение генеративных нейросетевых ассистентов в образовательном процессе: угрозы и новые возможности // Профессиональное образование в современном мире. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 305-313.
2. Володина Д. В., Юрьева Ю. С. Возможности искусственного интеллекта в обучении иностранному языку в техническом вузе (на примере больших языковых моделей) // Педагогическое образование. – 2024. – Т. 5. – № 10. – С. 97-104.
3. Калашникова Н. А., Родин О. А. Долгосрочные последствия интеграции искусственного интеллекта в общественную жизнь: риски и угрозы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-2(97). – С. 111-114.
4. Тимохов А. Д. Сравнительный анализ генерации заголовков к научным работам на русском и английском языках с использованием больших языковых моделей // Litera. – 2025. – № 5. – DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74592 EDN: QFSGSS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74592
5. Указ президента РФ от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта РФ» // «Собрание законодательства РФ». 14.10.2019. № 41. Статья 5700.
6. Чистова Е. В. Трансформация методического инструментария в работе преподавателя перевода // Didactica Translatorica. – 2025. – № 2. – С. 33-37.

7. Abid A. A., Farooqi M., Zou J. Persistent Anti-muslim Bias in Large Language Models // Proceedings of the 2021 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. New York: Association for Computing Machinery. – 2021. – P. 298–306.
8. Alsafari B., Atwell E., Walker A., Callaghan M. Towards effective teaching assistants: From intent-based chatbots to LLM-powered teaching assistants // Natural Language Processing Journal. – 2024. – Vol. 8. – P. 100-101.
9. Chiknaverova K. G., Gazizova A. I., Mingazova N. G. Selection of foreign language teaching content in Russian Master of law (LLM) graduate programs // Journal of Research in Applied Linguistics. – 2019. – Vol. 10, No. S. – P. 10-30.
10. Kelechi O., Yuxin Zhu Y., Lin J. Small Data? No Problem! Exploring the Viability of Pretrained Multilingual Language Models for Low-resourced Languages // Proceedings of the 1st Workshop on Multilingual Representation Learning. – Punta Cana: Association for Computational Linguistics. – 2021. – P. 116–126. – URL: <https://aclanthology.org/2021.mrl-1.11/>
11. Li Yu., Gan H., Li S. Large Language Model-Based Chatbots in Education: Student Perspectives on AI-Generated Text Quality and Credibility in Wuhan's Private Universities // The Art & Design Research. – 2024. – Vol. 5, No. 2. – URL: <https://10.37420/j.adr.2024.025>.
12. Measuring the Persuasiveness of Language Models // Anthropic. – URL: <https://www.anthropic.com/research/measuring-model-persuasiveness>
13. Papadimitriou I., Lopez K., Jurafsky D. Multilingual BERT has an accent: Evaluating English influences on fluency in multilingual models // Findings of the Association for Computational Linguistics. Dubrovnik: Association for Computational Linguistics. – 2023. – P. 1194-1200. – URL: <https://aclanthology.org/2023.findings-eacl.89/>
14. Self-driving cars will not be safe enough to fully replace human drivers / ID: WXNMKJFM3T2P // Datasets at Hugging Face. – URL: <https://huggingface.co/datasets/Anthropic/persuasion>.
15. Zhou H., Huang H., Long Y., Xu B., Yang M. (et al) Mitigating the Bias of Large Language Model Evaluation // Proceedings of the 23rd China National Conference on Computational Linguistics, Taiyuan, China, July 25-28, 2024. Taiyuan: Chinese Information Processing Society of China. – 2024. – Volume 1: Main Conference Papers. – P. 1310-1319.

UDC 372.881.111.1

Gordienko M.V. Reading as a Core Speech Activity in the Formation of Professional Foreign Language Competence of University Students

Чтение как системообразующий вид речевой деятельности в формировании профессиональной иноязычной компетенции студентов ВУЗа

Gordienko Marina Vladimirovna

Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University (NSTU)

Гордиенко Марина Владимировна

Старший преподаватель, Новосибирский Государственный Технический Университет

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the didactic potential of reading as the core of the educational process within an English for Specific Purposes (ESP) course at a non-linguistic university. Based on a synthesis of psycholinguistic theories (the interactive model, schema theory) and modern communicative-activity approaches, a methodological model is substantiated that transforms reading from a receptive skill into an active constructive activity of working with professionally oriented texts. The article details the stages of an experimental study, including qualitative and quantitative data analysis, which confirms a significant increase in the level of semantic perception, critical interpretation in the experimental group of students, as well as an indirect improvement in lexical, grammatical, and discursive skills. The result of the work is a system of practical recommendations for designing educational modules, selecting and didacticizing texts, using digital tools (Corpora, annotation tools), and preparing teachers, aimed at forming sustainable textual competence as the basis for academic and professional communication.

Keywords: academic reading, professionally oriented teaching (ESP), textual competence, interactive reading model, comprehension strategies, critical thinking, digital humanities tools, methodology of teaching reading at university.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию дидактического потенциала чтения как ядра учебного процесса в рамках курса английского языка для специальных целей (ESP) в неязыковом вузе. На основе синтеза психолингвистических теорий (интерактивная модель, теория схем) и современных коммуникативно-деятельностных подходов обосновывается методическая модель, трансформирующая чтение из рецептивного умения в активную конструктивную деятельность по работе с профессионально-ориентированными текстами. В статье детально описаны этапы экспериментального исследования, включающего качественный и количественный анализ данных, которые подтверждают значительный рост у студентов экспериментальной группы уровня смыслового восприятия, критической интерпретации, а также опосредованное улучшение лексико-грамматических и дискурсивных навыков. Результатом работы является система практических рекомендаций по проектированию учебных модулей, отбору и дидактизации текстов, использованию цифровых инструментов (Corpus, инструменты аннотирования) и подготовке преподавателей, направленная на формирование устойчивой текстовой компетенции как основы для академической и профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: академическое чтение, профессионально-ориентированное обучение (ESP), текстовая компетенция, интерактивная модель чтения, стратегии понимания, критическое мышление, цифровые гуманитарные инструменты, методика обучения чтению в вузе.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Introduction

The relevance of the problem is due to a paradox of modern education: while reading is recognized as a key channel for obtaining information in the global scientific space, in the practice of teaching a foreign language at university, it often remains a peripheral, auxiliary skill [3, 10]. Overcoming the gap between the declared importance of academic reading and its actual methodological status is an urgent task. The purpose of this study is to develop, theoretically substantiate, and test an effective methodological system in which reading plays the role of a leading, core activity that integrates all aspects of foreign language training for students of non-linguistic specialties. The object is the process of teaching professionally oriented reading. The subject is the methodological organization of classes with an emphasis on reading as a type of speech activity. Hypothesis: the purposeful formation of textual competence through a system of strategic work with authentic genre texts leads to a synergistic effect: a significant increase in the level of understanding and critical processing of textual information, intensification of the acquisition of terminological vocabulary and grammatical models, as well as an increase in academic motivation and student autonomy [2, 6, 7].

1. Theoretical foundations of reading as an activity in foreign language teaching

1.1. Definition and essence of reading as a speech activity

Within the framework of the activity approach (A.N. Leontiev, I.A. Zimnyaya [1]), reading is defined as a specific form of mediated communication, a purposeful, motivated, and structured (orientation, planning, execution, control) internal activity. Its essence is not passive "scanning," but an active dialogue between the reader and the author, during which, based on the linguistic signals of the text and background knowledge (presuppositions), a new personal meaning is reconstructed and generated. This makes reading not a receptive, but a truly productive process [12].

1.2. Psycholinguistic aspects of the reading process

The interactive model (K. Stanovich, D. Rumelhart) is the most relevant for foreign language teaching, as it postulates the simultaneous work of "low-level" processes (letter and word recognition, syntactic analysis) and "high-level" ones (activation of semantic schemas, prediction, inference) [6]. In a foreign language, low-level processes are often not automated, which creates cognitive overload and blocks access to meaning. The task of teaching is to bring the technical side to automaticity through repeated practice and strategies (skipping, scanning), freeing up resources for semantic processing. Schema theory emphasizes that understanding is possible only when the corresponding cognitive structure (content schema,

genre schema, language schema) is activated or created, which requires careful pre-reading work [11].

1.3. Methodological approaches to developing reading skills

The evolution of approaches reflects a paradigm shift: from the analytical-translational (text as an illustration of grammar and a source for translation) to the semantic (whole-word approach, global understanding) [5]. The modern strategic approach (I.S.P. Nation [7], N.D. Galskova [2]) is dominant. It focuses on the conscious teaching of students a set of strategies (cognitive, metacognitive, compensatory) for working with text before, during, and after reading. This turns the student from a passive recipient into an active "strategist" managing the comprehension process [8, 9].

1.4. The role of reading in the student's communicative competence

In the structure of foreign language communicative competence (according to J. van Ek), reading is the basis for the development of:

- Linguistic competence: enriches vocabulary, especially passive, demonstrates grammar in a natural context [2, 7].
 - Sociolinguistic competence: introduces registers, styles, genre features of professional communication [5].
 - Discursive competence: teaches to see the logic of the text, connections between parts, argumentation [6].
 - Sociocultural competence: provides access to cultural codes and realities of the target language country [5, 8].
 - Compensatory competence: develops guessing ability, the skill of using context [3, 10].
- Thus, reading acts as a meta-activity that nourishes and develops all other components [4].

2. Features of organizing reading classes in English lessons at a University

2.1. Types and genres of texts for academic reading

The principle of authenticity and professional relevance is key. Texts should represent real genres that the student will encounter in study and work [3, 6]:

Primary: scientific articles (abstract, introduction, methodology, results, discussion), patents, technical specifications.

Secondary: literature reviews, abstracts, summaries, popular science articles.

Educational-professional: textbooks, lectures, presentations, conference theses.

Operational-informational: science news, posts in professional blogs, instructions.

Graduation of complexity is important: from short adapted texts to full authentic ones, with the support of glossaries and comments [10].

2.2. Formation of students' educational and cognitive motivation

Motivation is formed through [8, 9]:

Problematization: starting a lesson with a question or problem from the professional sphere, the answer to which must be found in the text.

Choice and autonomy: giving students the opportunity to choose a text for in-depth study from a proposed list on one topic.

Project connectivity: reading becomes not an end in itself, but a stage for completing a project (report, presentation, comparative analysis).

Visualization of progress: using digital portfolios where the student sees how many texts they have worked through and what vocabulary they have mastered.

2.3. Methods of activating reading and text comprehension

The work is built on a three-phase model [7, 10]:

- Pre-reading: "K-W-L" Chart (Know – Want to know – Learned), brainstorming on key terms, prediction based on title/illustrations/first paragraph. The goal is to activate the schema and create an information gap.

- While-reading: Strategies are differentiated by purpose: scanning for dates/names, search reading to answer a specific question, intensive reading with text marking (e.g., by color: facts/opinions, problem/solution), creating mind maps or diagrams.

- Post-reading: Reconstructing the text from jumbled paragraphs, discussion in the format of "debates," writing a letter to the author, a short summary (abstract) or a tweet on the topic of the text, creating infographics based on its content.

2.4. Integration of reading with other types of speech activity

Reading → Speaking: "Opinion corners" on theses from the text, role-playing game "press conference with the author," pitching ideas based on what was read [5, 8].

Reading → Writing: writing an annotation, review, argumentative essay "agree/disagree," compiling questions for an interview on the topic [2, 7].

Reading → Listening: watching a TEDx talk on the same topic with subsequent comparison of positions, listening to a podcast and reading its transcript [9].

3. Methodology for studying the effectiveness of reading as a leading activity

3.1. Choice of methodology and research tools

A quasi-experiment with non-equivalent control (CG) and experimental (EG) groups was used. Tools: 1) Diagnostic test (pre-/post-test) for understanding texts of different genres; 2) Strategy questionnaire (adaptation of M. Prensky's questionnaire to identify the frequency of

strategy use); 3) Lexical-grammatical test focused on structures typical of academic texts; 4) Focus group interview with EG students for qualitative analysis of motivation; 5) Analysis of activity products (notes, annotations of students) [6, 12].

3.2. Criteria for assessing students' reading skills

A three-level system of criteria was developed [6, 10]:

- Level of literal understanding: accuracy of answers to questions on the text's factual information.

- Level of reconstruction and interpretation: ability to identify the main idea, trace argumentation, draw a conclusion, distinguish fact from opinion.

- Level of evaluation and application: ability to critically evaluate the author's position, relate content to personal experience or professional knowledge, propose a solution to the described problem.

3.3. Data collection and analysis process

Data were collected during the academic year. Quantitative test data were processed using the Student's t-test for independent samples in SPSS program. Qualitative data from interviews and works were subjected to content analysis with the identification of semantic categories (difficulties, strategies, attitude change) [1, 11].

3.4. Sample justification and organizational aspects of the experiment

Students of 2-3 years of an engineering profile participated in the study (N=80). The groups were formed from parallel streams, which ensured approximate equivalence in the initial level (confirmed by the pre-test). The experiment was conducted under natural conditions of the educational process [4].

4. Analysis of the results of implementing reading as a leading activity

4.1. Level of students' understanding and interpretation of texts

Post-test results showed a statistically significant ($p < 0.01$) superiority of the EG at all three levels of understanding. The most pronounced progress (35% difference with CG) was recorded at the level of interpretation and evaluation. EG students more often used complex sentences with cause-and-effect relationships in their answers («The author argues that... which leads to the conclusion that...»), demonstrating command of discursive clichés [2, 6].

4.2. The influence of active reading on the development of lexical and grammatical skills

The lexical test revealed that EG students not only recognized 40% more terms but also used them correctly in their own statements (unlike passive recognition in the CG). In grammar, a "frequency effect" was observed: stable grammatical models characteristic of the scientific style (passive voice, Present Perfect, modal verbs of deduction) were acquired more firmly and without special memorization of rules [3, 7].

4.3. Feedback from students and teachers

Qualitative analysis of interviews revealed a shift in motivation from external ("needed for credit") to internal ("interesting, I feel I can understand a real article"). Teachers noted increased cognitive activity and independence: students more often asked clarifying questions about the content, not about the meaning of an individual word, and offered their own interpretations [8, 9].

4.4. Identified difficulties and ways to overcome them

Difficulties:

- Cognitive overload during the first acquaintance with a full authentic text.
- Resistance to group work among strong students.
- Lack of time for in-depth study.

Solutions:

- Scaffolding (support): providing the text in parts, supporting outlines, a list of keywords before reading [5, 10].
- Differentiation of roles in the group: "analyst," "critic," "visualizer," "reporter" [4].
- Flipped classroom: initial acquaintance with the text and completion of simple tasks – at home; analysis, discussion, creative tasks – in the classroom [9].

5. Practical recommendations for effective organization of reading in English classes at a University

5.1. Development of methodological complexes and teaching materials

It is necessary to create not sets of texts, but thematic modules, for example, "Writing a Scientific Abstract," including: a sample abstract → instructions for its composition → a series of articles for abstracting → a lexical minimum (clichés for generalization, citation) → assessment criteria. Integration of genres is important: an article from Nature → its popular science retelling in The Guardian → discussion on a professional forum [2, 7, 10].

5.2. Use of modern technologies and digital resources

Corpus technologies: Using corpora (COCA, BNC, specialized corpora) for independent verification of the frequency and typical contexts of use of words found in the text [7].

Collaborative annotation tools: Perusall, Hypothesis, allowing students and teachers to leave comments, questions, and answers directly in the margins of the text, creating lively social reading [6].

Visualization tools: MindMeister, Coggle for creating digital mind maps during reading [11].

5.3. Increasing student motivation and engagement

- Gamification: A badge system for mastered strategies ("Scanner," "Critic," "Synthesizer") [8].
- Authentic projects: Participation in writing articles for a student scientific wiki encyclopedia, maintaining a thematic blog in English [5, 9].
- Connection with the real world: Inviting a native speaker (scientist, engineer) to discuss an article in their field [4].

5.4. Preparing teachers to conduct classes with an emphasis on reading

The key component is retraining aimed at [2, 5, 6]:

- Developing the teacher's own textual competence (genre analysis, critical reading strategies).
- Mastering the methodology of teaching strategies, not just checking comprehension.
- Skills in working with digital tools to support reading.
- The ability to select and didacticize authentic materials, creating supporting "scaffolding" for them.

Conclusion

The conducted research proved that reorienting a university foreign language course towards reading as a leading activity is not just a methodological technique, but a strategic decision that corresponds to the cognitive and professional needs of the modern student. The developed and tested model, based on a strategic approach to working with professional genres, has shown its effectiveness in forming complex textual competence, which serves as a solid foundation for all foreign language communication [1, 3, 6, 10]. Further research may be aimed at studying the long-term transfer of formed skills to reading in a completely autonomous, professional environment, as well as at developing AI tools for the adaptive selection of texts and analysis of the reading strategies of a particular student [7, 12].

References

1. Zimnyaya, I.A. Lingvopsikhologiya rechevoi deyatel'nosti: monografiya / I.A. Zimnyaya. – Moskva : Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2004. – S. 45–67, 120–125, 210–215.
2. Galskova, N.D. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie / N.D. Galskova, I.N. Giez. – Moskva : Akademiya, 2006. – S. 155–178, 201–210.

3. Folomkina, S.K. Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke v neyazykovom vuze: ucheb.-metod. posobie / S.K. Folomkina. – 2-e izd., ispr. – Moskva : Vysshaya shkola, 2005. – S. 30–45, 88–92.
4. Mil'rud, R.P. Sovremennye kontseptual'nye printsipy kommunikativnogo obucheniya inostrannym yazykam / R.P. Mil'rud, I.R. Maksimova // Inostrannye yazyki v shkole. – 2000. – № 4. – S. 9–15.
5. Rogova, G.V. Metodika obucheniya angliiskomu yazyku na nachal'nom etape v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: posobie dlya uchitelya / G.V. Rogova, I.N. Vereshchagina. – Moskva : Prosveshchenie, 2000. – S. 56–60, 98–105.
6. Grabe W, Stoller FL, 2019. Teaching and Researching Reading, 3rd edn. London, UK, Routledge.
7. Nation ISP, 2018. Teaching ESL/EFL Reading and Writing, 2nd edn. London, UK, Routledge.
8. Hedge T, 2000. Teaching and Learning in the Language Classroom. Oxford, UK, Oxford University Press.
9. Brown HD, Lee H, 2015. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy, 4th edn. New York, NY, USA, Pearson.
10. Nuttall C, 2005. Teaching Reading Skills in a Foreign Language, 3rd edn. London, UK, Macmillan Education.
11. Koda K, 2005. Insights into Second Language Reading: A Cross-Linguistic Approach. Cambridge, UK, Cambridge University Press.
12. Anderson NJ, 1999. Exploring Second Language Reading: Issues and Strategies. Boston, MA, USA, Heinle & Heinle.
13. Chapelle, CA, 2020. Technology in Language Education: Arguments for a Praxis Frame. CALICO Journal, 37(3), pp. 201-209. doi: 10.1558/cj.41194
14. Hyland, K, 2006. English for Academic Purposes: An Advanced Resource Book. London, UK, Routledge.
15. Aebbersold, JA, Field, ML, 2021. From Reader to Reading Teacher: Issues and Strategies for Second Language Classrooms, 2nd edn. Cambridge, UK, Cambridge University Press.

UDC 378.146

Marina A.N. Pedagogical diagnostics organization as a boosting technology for improving students' language training quality

Marina Anna Nikolaevna

Moscow Technical University of Communications and Informatics

Abstract. *The article considers the problem of the quality of foreign language training for students. The criteria for the quality of foreign language training are given. Pedagogical diagnostics is presented as a technology for improving the quality of training for future specialists. The quality system of foreign language training is identified. The criteria for the quality of students' foreign language training are defined. The diagnostic competence of students is described as an integral part of the learning process in a technical university.*

Keywords: *pedagogical diagnostics, language training quality, educational process, diagnostic competence, technology.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Nowadays the problem of professional education quality is considered to be the essential problem of university-level education in Russia. There are a lot of factors influencing the quality of higher education. To define the training quality one should be very specific in purpose-setting and in formulating the results. The results are considered to be a compulsory component, without which it would be impossible to evaluate quality. The quality of the result depends on many factors.

A theoretical study of the problem of pedagogical diagnostics of foreign language training quality for students of a technical university has revealed that this problem has not been sufficiently developed and its study is relevant at present time. The study of the essence of pedagogical diagnostics, as well as its content, methods, features and conditions of implementation at the present stage is one of the most important areas for improving the process of foreign language training at a technical university. The problem of organizing pedagogical diagnostics as a technology for improving the quality of foreign language training for students in a modern higher education institution is quite complex and many-sided and is being solved today from the perspective of various theoretical and methodological approaches. The analysis of scientific and pedagogical literature has shown that to solve the problem of increasing the effectiveness of pedagogical diagnostics in the process of language training in a technical university, the most significant issues are: at the level of general scientific knowledge - systematic and axiological approaches; at the level of specific scientific

methodological knowledge - competence-based and personal-activity approaches; at the private scientific level- a technological approach. The most important feature of the internal correlation of all general scientific and pedagogical approaches is their mutual complementarity, additionality in relation to each other, therefore they acquire the greatest effectiveness in interaction [3].

In the context of our research we concentrated our attention on the diagnosis of students' language training quality in a technical university. The foreign language training quality is a systematic object of pedagogical diagnostics. By the quality system of foreign language training for students of a technical university, we mean a complex of interacting components that ensure all stages of studying a foreign language at a technical university, united by a common goal of functioning and unity of management, and guided by the requirements of society for a modern specialist, the needs of students themselves and the creation of optimal conditions for their personal development. We have identified the following criteria for the quality of students' foreign language training: motivational, cognitive, and competence-based. Hence, the diagnostic subjects are: academic achievements in a foreign language, the presence of positive motivation for educational activities, the formation of diagnostic competence of students. All these are characteristics that can be influenced by the presence of highly productive methods of pedagogical diagnostics [2]. The analysis of the problem of pedagogical diagnostics of foreign language training quality of future engineers in the psychological and pedagogical literature made it possible to identify the most important tasks and functions, determine the system of basic didactic principles, the main types and stages, as well as methods of pedagogical diagnostics. Considering pedagogical diagnostics as a technology is based on the fact that it is a systemic designing activity that permits to program educational situations and the performance of the students and to guarantee the desired training result to the highest level. The main characteristic of pedagogical diagnostics as a technology is that the results can be measured and reproduced.

Pedagogical diagnostics is defined as a technology of subject-to-subject interaction between a teacher and students, which makes it possible to systematically identify qualitative and quantitative characteristics of the process of foreign language training and the results of educational activities of future engineers. Pedagogical diagnostics as a technology for improving the quality of students foreign language training in the educational process at a technical university allows the teacher to receive and record interim and final information about the results of foreign language training quality in a certain time period; evaluate changes occurring in the educational process; note the positive achievements of students in the process of learning a foreign language; identify contradictions and unresolved problems of the learning process of a foreign language, the causes of inconsistencies of the results with the

goals set; eliminate the causes of the detected deficiencies and predict ways to achieve better results [1].

The consideration of pedagogical diagnostics as a boosting technology is based on the fact that it is a system design activity that allows programming educational situations, the activities of learning subjects and, with a significant degree of probability, guaranteeing the desired results. An important attribute of pedagogical diagnostics as a technology is the measurability and reproducibility of results. The technological chain of diagnostic actions of teachers and students in the process of learning a foreign language is based on the consistent implementation of the stages of pedagogical diagnostics: goal setting, planning, implementation, pedagogical diagnosis, correction, forecasting. Since learning a foreign language at a university is limited to 1-2 courses, and the need to master it does not disappear in subsequent courses, the main task in the process of diagnosing the quality of students' foreign language training is to put the future engineer in the position of an active subject of his own activity and develop his self-diagnostic abilities.

It became relevant in the implementation of this task to meaningfully "set" reflection so that the student would have the desire, opportunity and ability to diagnose his achievements while learning a foreign language, be able to doubt, see a mistake, look for ways to overcome it, and be able to anticipate possible consequences of the decision. In this context, the development of the diagnostic competence of future engineers is of particular importance, which is directly dependent on the diagnostic competence of the teacher. The diagnostic competence of a teacher consists in the willingness and ability to apply knowledge and skills to successfully carry out diagnostic activities, organize students' independent work and encourage them to self-diagnose in the process of learning a foreign language. The diagnostic competence of students consists in the willingness and ability to diagnose the quality of foreign language training both under the guidance of a teacher and independently, and is expressed in a systematic sequence of independent actions of students, enriching their reflexive experience in the process of learning a foreign language.

So, pedagogical diagnostics as a technology is one of the most effective ways to activate the work of students and teachers. It helps students to develop a learning strategy based on their own needs and capabilities. At the same time, the teacher gets the opportunity, based on the analysis of the information received, to provide effective and prompt assistance to students in the learning process, as well as to make decisions in order to increase the effectiveness of the foreign language training process. We strongly believe that the correct and competent organization of the teaching process with the ongoing diagnostic means and procedures ensures the possibility for participants of the educational process to display creativity in the academic activity, paves the way for the extra ways of cognitive, managerial

and administrative personality development, creates unique didactic potential for the teachers and appears to be a technology for the improvement of the students' language training quality in the technical university.

References

1. Dudina M, 2016. The basics of psychological and pedagogical diagnostics, Ekaterinburg, Russia
2. Rozhkov N, 2015. Pedagogical Diagnostics: concept and functions. «Science-2020», №2(6) . <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-pedagogicheskoy-dagnostiki> Accessed 16.12.25
3. Suhovienko E, 2006. Pedagogical diagnostics of student learning success in the context of informatization of education. PhD Thesis, University of Chelyabinsk

UDC 37

Savelyev O.V. Experimental program. Developing students' linguistic culture, including speech culture, reading culture, and communication culture in Russian.

Экспериментальная программа. Формирования языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке

Savelyev Oleg Vladimirovich,

teacher of Russian language and literature, MBOU secondary school 1, r.p. Krasnoobsk, Novosibirsk region

Савельев Олег Владимирович,
учитель русского языка и литературы, МБОУ СОШ 1, р.п. Краснообск, Новосибирская область

Abstract. *This program was developed based on the conceptual provisions of Federal Law No. 273-FZ "On Education" and the federal state educational standard. It addresses the organizational and methodological conditions for developing students' linguistic culture. The program combines teaching forms and methods that meet the requirements of the modern educational process for schoolchildren within the framework of the new educational standard and facilitates interaction between teachers, students, and their parents to develop linguistic culture, including speech culture, reading culture, and communication culture in Russian.*

Keywords: *Language culture, reading culture, communication culture, Unified Text Day, library lesson, literature fair, student assessment system for developing linguistic culture, monitoring the development of students' linguistic culture.*

Аннотация. *Данная программа разработана на основе концептуальных положений федерального закона «Об образовании» № 273-ФЗ и федерального государственного образовательного стандарта. В программе рассмотрено обеспечение организационно-методических условий для формирования языковой культуры обучающихся. Программа представляет сочетание форм и методов обучения, которые соответствуют требованиям, предъявляемым к современному образовательному процессу школьников в рамках нового образовательного стандарта, а также обеспечивает взаимодействие педагогов, обучающихся и их родителей по формированию языковой культуры, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке.*

Ключевые слова: *Языковая культура, культура чтения, культура общения, день единого текста, библиотечный урок, литературная ярмарка, система оценивания обучающихся по формированию языковой культуры, мониторинг сформированности языковой культуры обучающихся.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

1. Цели и задачи Программы.

Цель Программы – обеспечение организационно-методических условий для формирования языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке.

В соответствии с указанной целью Программа определяет следующие

задачи:

- организация взаимодействия педагогов, обучающихся и их родителей по формированию языковой культуры, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке;
- реализация способов организации урочной и внеурочной деятельности, направленных на формирование у обучающихся языковой культуры, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке, в том числе на материале содержания учебных предметов;
- разработка и/или апробация системы заданий, направленных на формирование языковой культуры обучающихся;
- включение заданий, направленных на формирование культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке, в содержание учебных предметов.

2. Описание понятий, характеристика основных видов речевой деятельности.

Языковая культура – это владение языковой нормой устного и письменного языка, а также «умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения».

Культура речи – совокупность таких качеств обучающихся, которые оказывают наилучшее воздействие на адресата общения с учетом конкретной ситуации и в соответствии с поставленными целями и задачами.

Культура чтения – комплекс навыков в работе с книгой, включающий осознанный выбор тематики, систематичность и последовательность чтения, а также умение находить нужную литературу с помощью библиографических пособий, пользоваться справочно- библиографическим аппаратом, применять рациональные приемы, максимально усваивать и глубоко воспринимать прочитанное.

Культура общения – это часть культуры поведения, которая выражается главным образом в речи, во взаимном обмене репликами в беседе.

3. Описание содержания, видов и форм организации учебной деятельности по формированию языковой культуры.

Как язык обучения русский язык закономерно существует в предметной области каждого учебного предмета, следовательно происходит актуализация метапредметной функции русского языка, поскольку именно этот предмет имеет определяющее значение для формирования познавательных, коммуникативных и регулятивных

универсальных учебных действий, положенных в основу выбора и структурирования содержания образования, методов, приемов, форм обучения, а также построения целостного учебно- воспитательного процесса.

Одной из таких форм организации учебной деятельности по формированию языковой культуры является «День единого текста».

День единого текста – это технология работы с одним и тем же текстом на нескольких уроках в течение одного дня.

Технология начинается, в первую очередь, с определения планируемых результатов и подразумевает:

- 1) найти и извлечь (сообщение или информацию);
- 2) интегрировать и интерпретировать (сообщение);
- 3) осмыслить и оценить (сообщение).

Выбор текста – один из наиболее трудных моментов в подготовке к Дню единого текста.

При выборе текста предлагается:

- тексты лучше всего подбирать научно-популярного, учебно- популярного или публицистического стиля соответственно возрасту;
- текст не должен быть большим, иначе с ним трудно будет работать на уроках, ведь его надо будет прочитать и выполнить определённые задания;
- текст изначально не должен быть перегружен цифрами, датами, терминами, поскольку это затруднит нахождение нужной информации, но можно внести в текст, если необходимо, дополнительные сведения в виде дат, понятий, терминов, слов, словосочетаний, предложений (при условии, что их в тексте не было и они могут стать источником информации);
- текст должен содержать не прямые указания на ответы, а подсказки, заключенные в словах, словосочетаниях, таблицах и т. п.;
- выбранные тексты необходимо обсуждать на метапредметном совете или объединении. Если таковых нет, то обсуждение осуществляется всеми учителями, которые работают в одной параллели, и не важно, будет этот учитель давать урок на Дне единого текста или нет. Главное, чтобы все понимали, как происходит работа с текстом.

Далее каждый учитель работает в своем режиме. Лучше, конечно, проектировать

урок совместно с предметным объединением / творческой группой. После того, как урок составлен, идет обсуждение на методическом совете / объединении. Во время обсуждения могут вноситься дополнения и изменения.

Расписание Дня единого текста должно быть составлено таким образом, чтобы первым уроком у всех учеников в параллели был урок русского языка. Именно на этом уроке осуществляется кропотливая работа с текстом: определяются тема и основная мысль, выделяется главная и второстепенная информация, идет работа с лексическим значением определенных слов, терминов или понятий и т. д. А дальше на уроках математики, биологии, истории или по другим предметам учителя предлагают ученикам определенные задания по прочитанному тексту. Но, чтобы выполнить эти задания, надо внимательно читать текст,

«прислушиваться» к каждому слову, потому что или одно слово, или одно словосочетание даст подсказку, поможет решить задачу.

4. Описание содержания, видови форм организации деятельности по формированию языковой культуры в работе педагога-библиотекаря.

Библиокафе (или книжное кафе) – игровой вариант информационной работы со старшеклассниками. В меню – духовная пища фактов: «Новости свежие» из газет и журналов, ассорти «Путь к успеху», десерт «Бестселлер по

...» (автору). «Меню» каждая библиотека составляет в соответствии со вкусами своих читателей и периодически обновляется.

Библиотечный урок организуют библиотекарь и педагог общеобразовательной организации. Он может проводиться абсолютно по любой тематике в течение всего учебного года. Темы записываются в календарно-тематическом планировании библиотекаря. Предварительно педагог и библиотекарь обсуждают все темы на учебный год, а далее верстают перспективный план с учетом вносимых корректировок.

Литературная ярмарка – комплекс небольших, но разноплановых мероприятий, которые проходят одновременно. Это могут быть викторины, конкурсы, встречи с интересными людьми, ролевые игры, номера художественной самодеятельности, розыгрыши призов.

5. Описание содержания, видов и форм организации внеурочной деятельности по формированию языковой культуры в работе учителей- предметников.

Формирование языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке, осуществляется через курсы

внеурочной деятельности.

Курс для старшеклассников *«Постижение мира умных вещей»*. В основе учебного курса лежит увлекательное исследование образов и сюжетов в мифологическом, литературном, живописном, театральном и кинематографическом контекстах. Это дает возможность обучающимся составить целостную картину мира.

Форма постижения – воображаемое путешествие в культурном пространстве, которое населяют объекты, созданные человеком и создающие человека, немые и одновременно красноречивые, покоящиеся и движущиеся: двери и окна, абажуры и кресла, зеркала и лестницы, комоды и чемоданы, башмаки и туфли, шинели и платья, пуговицы и корсеты, кольца и браслеты и т. п. Воображаемое путешествие проходит в странствии смоделированного Дома, в котором совершаются микроостановки в значимых местах, обозревая вещный мир культурного текста. Каждая такая остановка завершается небольшим исследованием любого предмета культурного текста или созданием проекта любой части смоделированного Дома, но уже в пространстве одного или нескольких учебных предметов. Поэтому исследование или проект осуществляется с использованием методов, приемов и способов деятельности, релевантных учебным предметам.

6. Описание содержания, видови форм организации деятельности по формированию языковой культуры при работе с родителями.

Лекторий для родителей по формированию языковой культуры обучающихся организуется 2 раза в год. Примерная тематика для родительских лекториев:

- «Особенности современного русского литературного языка»;
- «Воспитание культуры общения у подростков»;
- «Развитие языковых компетенций учащихся при подготовке к олимпиадам, конкурсам, экзаменам».

7. Планируемые результаты формирования языковой культуры.

Первая группа умений предполагает овладение механизмом чтения и аудирования: овладение различными видами чтения и аудирования словесных текстов, цифрового материала, диаграмм, символов, рисунков и т.п. Начало формирования этих умений предполагается на этапе обучения в начальной школе, на этапе основной школы идет их развитие.

Вторая группа умений – умения «внутреннего чтения», понимания читаемого – их можно разделить на три подгруппы, формирование и развитие которых происходит в

следующей методической последовательности:

- 1) навыки понимания отдельных слов и терминов;
- 2) понимание фраз;
- 3) понимание текста в целом, информации, представленной в любом виде.

Этой группе умений уделяется особое внимание, так как сюда входят те базовые умения, которые лежат в основе почти всех видов переработки информации и представления её в том виде, который обусловлен речевой ситуацией (составление плана, конспектирование, тезирование и т. д.).

Если первые две подгруппы умений (*понимание отдельных слов и терминов* и *понимание фраз*) можно условно считать накопительными, переходящими в навык без организации целенаправленной работы, то для формирования и развития последней подгруппы умений (*понимание текста в целом, информации, представленной в любом виде*) каждый учитель выстраивает систему работы. Эти умения развиваются на протяжении всех лет обучения, особое внимание им необходимо уделить на этапе основной и старшей школы.

В подгруппу умений, *обеспечивающих понимание текста, информации, представленной в любом виде и любой форме*, входят умения:

- отделять в материале важное, существенное от второстепенного, основное положение от аргументации, причину от следствия, положение от фактического, иллюстративного, справочного материала, вывод от предпосылок;
- находить и отмечать в материале текстуальный ответ на данный (или сформулированный самостоятельно) вопрос;
- формулировать обобщающий вопрос к содержанию материала;
- находить в тексте ключевые слова и мысли;
- выделять микротемы текста, делить его на абзацы;
- выписывать все разбираемые в тексте вопросы в их последовательности;
- выписывать по системе данных вопросов суть прочитанного в виде текстуальных записок;
- формулировать суть и основную мысль прочитанного.

В *третью группу* объединены умения, которые являются своеобразным сочетанием более простых умений и навыков по переработке информации текста, другого

информационного источника. Это умения:

- собирать и систематизировать длительное время (четверть, учебное полугодие или другой отрезок времени) тематическую информацию;
- находить требуемую информацию в различных источниках;
- передавать содержание текста по данным вопросам и без вопросов;
- выбирать и записывать цитаты, систематизировать;
- подбирать/выбирать цифровой, статистический, справочный материал в соответствии с определенной целевой установкой;
- составлять план сообщения, выбирать форму его изложения, адекватную содержанию (в виде вопросов, заголовков, коротких положений, сложного плана);
- трансформировать информацию, видоизменяя её объем, форму, знаковую систему, носитель и другое, исходя из целей коммуникативного взаимодействия и особенностей аудитории, для которой она предназначена;
- составлять простые тезисы и тезисы с доказательствами;
- писать аннотацию, реферат книги или статьи;
- аргументировать собственные высказывания;
- воспринимать альтернативные точки зрения и высказывать обоснованные аргументы «за» и «против» каждой из них.

Таким образом, при создании перечня умений работы с информацией текста, развитие которых осуществляется на этапе основной и старшей школы, учитываются и источник, и форма предъявления информации, и состав умений, включающих познавательные умения и умения семантического и языкового свертывания информации.

Особенность умений, развитие и совершенствование которых предполагается на этапе старшей школы, состоит в том, что почти каждое из них является комплексным, применение его возможно при овладении более простыми умениями.

8. Типовые задания, направленные на формирование языковой культуры обучающихся.

С целью формирования базовых читательских умений в учебном процессе при работе с разными видами текста предусмотрены следующие виды учебной деятельности.

Поиск информации и понимание текста

1. Формулировать информационные запросы.
2. Определять основную тему, общую цель или назначение, главную мысль текста. Различать темы и подтемы текста. Структурировать текст, включая умение выделять главное и второстепенное.
3. Отвечать на вопросы, используя явно заданную в тексте информацию.
4. Выстраивать последовательность описываемых событий, делать выводы по содержанию текста.
5. Сопоставлять основные текстовые и внетекстовые компоненты: обнаруживать соответствие между частью текста и его общей идеей. Сопоставлять информацию из разных частей текста.
6. Объяснять назначение карты, рисунка, пояснять части графика или таблицы и т. д. Понимать смысл терминов, неизвестных слов.
7. Работать с метафорами: понимать переносный смысл выражений, понимать и употреблять обороты речи, построенные на скрытом уподоблении, образном сближении слов.

Преобразование и интерпретация информации

1. Структурировать текст, используя нумерацию страниц, списки, ссылки, оглавление; проводить проверку правописания.
2. Преобразовывать информацию из одной знаковой системы в другую, используя формулы, графики, диаграммы, таблицы (в том числе динамические, электронные).
3. Обнаруживать в тексте доводы в подтверждение выдвинутых тезисов; делать выводы из сформулированных посылок; выводить заключение о намерении автора.
4. Формировать на основе текста систему аргументов (доводов) для обоснования определенной позиции. Сопоставлять разные точки зрения и разные источники информации по заданной теме.
5. Применять информацию из текста при решении учебно- познавательных и учебно-практических задач.

Критический анализ и оценка информации

1. Оценивать утверждения, сделанные в тексте, исходя из своих представлений о мире; находить доводы в защиту своей точки зрения.
2. Оценивать не только содержание текста, но и его форму.

3. На основе имеющихся знаний, жизненного опыта подвергать сомнению достоверность имеющейся информации, обнаруживать недостоверность получаемой информации, пробелы в информации и находить пути восполнения этих пробелов.

4. В процессе работы с одним или несколькими источниками выявлять содержащуюся в них противоречивую, конфликтную информацию.

5. Использовать полученный опыт восприятия информационных объектов для обогащения чувственного опыта, высказывать оценочные суждения и свою точку зрения о полученном сообщении (прочитанном тексте).

Информационная переработка текста – это многокомпонентная деятельность, которая представляет собой как процесс понимания информации, представленной в тексте в различных видах, так и результат этого понимания, эксплицитно выраженный в форме вторичных текстов (тезисы, аннотация, обзор, конспект, реферат, доклад, выступление).

Задания, проверяющие умение учащихся использовать различные способы освоения (информационной переработки) содержания текста, могут быть следующими:

- составьте вопросы к тексту;
- передайте содержание таблицы в форме связного высказывания;
- передайте содержание текста в виде таблицы;
- передайте содержание текста в виде схемы;
- составьте устное высказывание на основе таблицы (схемы);
- передайте содержание таблицы (схемы) письменно;
- используя содержание текста, составьте алгоритм действий для ...;
- составьте простой план текста;
- составьте сложный план текста;
- составьте тезисный план текста;
- выпишите из указанной части текста ключевые слова;
- составьте конспект текста (текстовый, выборочный, плановый);
- на основе таблицы подготовьте сообщение на тему ...;
- используя соответствующий раздел таблицы, сформулируйте заключительную часть текста и запишите, вставляя вместо пропусков нужную информацию о ...

Для формирования письменной культуры обучающихся используются разные формы письменных работ, среди которых ведущая роль отводится сочинению.

Сочинение – вид творческого задания, письменная самостоятельная работа учащихся; изложение собственных мыслей, переживаний, суждений, намерений. Сочинения различаются по жанру, типу создаваемого текста или способу выражения мыслей (описание, повествование, объяснение, рассуждение), по характеру психологической опоры (зрительно-слуховая с привлечением собственного опыта, наблюдательности, воображения), по организации материала (логическая, хронологическая, пространственная, причинно-следственная, образно-эмоциональная), по целевому заданию (использование данного текста-образца, определенного лексического и грамматического материала).

Исключение второстепенной информации. Этот прием предполагает удаление слов, словосочетаний, фрагментов предложений и целых предложений. Чтобы удалить второстепенное, необходимо понять, что же является главным.

Обобщение. Это прием сжатия, позволяющий перевести некоторые единичные элементы информации в обобщенный план. Обобщение – это самый мощный инструмент сжатия.

Например, выражение «с древнейших времен до наших дней» можно заменить наречием «всегда».

Особенно эффективен этот прием при замене однородных членов обобщающим словом. Например, «На лугу росли неприхотливые ромашки, задумчивые одуванчики, застенчивые купавки». Вариант сжатия предложения: «На лугу росли цветы».

Упрощения. Это прием сжатия, который заключается в том, что сложные синтаксические конструкции мы преобразовываем в более простые, сокращаем количество частей сложного предложения, заменяя придаточную часть членом предложения, и т. д.

9. Описание кадровых условий, обеспечивающих формирование языковой культуры.

Основными исполнителями в процессе реализации Программы являются:

- педагог русского языка и литературы;
- педагоги-предметники;
- педагогические работники системы дополнительного образования;
- педагоги-библиотекари.

Педагоги русского языка и литературы являются кураторами работы по формированию языковой культуры обучающихся.

10. Система оценки обучающихся по формированию языковой культуры.

Таблица 1

Единая шкала критериев оценки доклада, выступления

Кол- во баллов	Критерии оценивания			
	<i>Полнота освещения вопроса</i>	<i>Качество выступления</i>	<i>Умение отвечать на вопросы: лаконичность и аргументированность</i>	<i>Адекватное использование наглядных средств</i>
2	Ученик не выполнил задание			
3	Ученик выполнил задание, но тема не раскрыта, материал не систематизирован, не выстроена логика выступления.	Регламент выступления не соблюден, выступление сводится непосредственно к чтению текста, не поддерживается визуальный контакт с аудиторией, не выделяется время на восприятие информации	Ученик не смог ответить на большинство вопросов или отвечал односложно, неточно, неправильно.	Ученик использовал недостаточно наглядных средств или применил их неадекватно.
4	Ученик справился с заданием, но тема не до конца раскрыта, Имеются незначительные неточности, Недостаточно систематизирована информация, есть нарушения в логике выступления.	Немного нарушен регламент выступления, выступающий считает информацию со слайдов, слабо поддерживается визуальный контакт с аудиторией, мало выделяется времени на восприятие информации.	Ученик ответил на все вопросы, хотя были неточности в ответах и аргументации.	Ученик неточно применил наглядные средства, они не все относятся к теме.
5	Ученик справился с заданием, тема раскрыта, успешно извлечена информация, систематизирована, выстроена логика выступления.	Регламент не нарушен, выступающий опирается на опорный конспект, говорит своими словами, комментирует слайды, поддерживается визуальный контакт с аудиторией.	Ученик четко и лаконично ответил на все заданные вопросы.	Ученик адекватно подобрал, разработал наглядные средства, раскрывающие тему выступления

11. Методика и инструментарий мониторинга сформированности языковой культуры обучающихся.

Мониторинг сформированности языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке, проводится по следующим направлениям:

1. Оценка динамики мотивации обучающихся к чтению, к расширению своего языкового и общекультурного кругозора.

Сбор сведений в данном направлении позволит оценить показатели

мотивированности обучающихся к чтению, к расширению своего языкового и общекультурного кругозора.

2. Оценка динамики сформированности умений обучающихся правильно использовать основные виды нормативной речевой деятельности.

Сбор сведений в данном направлении позволит оценить показатели сформированности умений обучающихся правильно использовать основные виды нормативной речевой деятельности.

Мониторинг сформированности языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке, в рамках каждого направления осуществляется через соответствующие критерии и показатели.

Критерии мониторинга сформированности языковой культуры, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке

Направление 1. Оценка динамики мотивации обучающихся к чтению, к расширению своего языкового и общекультурного кругозора.

Критерий 1. Динамика количества проведенных мероприятий согласно разработанной программе.

Динамика количества проведенных мероприятий согласно разработанной программе оценивается путем сопоставления значений показателей за разные временные периоды.

Таблица 2

Оценка динамики количества проведенных мероприятий согласно разработанной программе

№ п/п	Показатель оценки	20_____г.	20_____г.	20_____г.
1	Количество мероприятий, проведенных для обучающихся 1–4-х классов			
2	Количество мероприятий, проведенных для обучающихся 5–9-х классов			
3	Количество мероприятий, проведенных для обучающихся 10–11-х классов			

Критерий 2. Динамика количества проведенных консультаций педагогом русского языка и литературы (с педагогами-предметниками, родителями, педагогом-библиотекарем).

Динамика количества проведенных консультаций педагогом русского языка и

литературы (с педагогами-предметниками, родителями, педагогом- библиотекарем) оценивается путем сопоставления значений показателей за разные временные периоды.

Таблица 3

Оценка динамики количества проведенных консультаций педагогом русского языка и литературы (с педагогами-предметниками, родителями, педагогом- библиотекарем)

№ п/п	Показатель оценки	20_____г.	20_____г.	20_____г.
1	Количество проведенных консультаций, всего			
1.1	из них: для педагогов-предметников			
1.2	для родителей (законных представителей) обучающихся			
1.3	для педагога-библиотекаря			

Критерий 3. Динамика посещаемости библиотеки.

Динамика посещаемости библиотеки оценивается путем сопоставления значений показателей за разные временные периоды. При этом не рассматриваются ситуации получения/возврата учебников, то есть посещаемость оценивается с точки зрения стремления обучающихся расширить свой языковой и общекультурный кругозор.

Таблица 4

Оценка динамики посещаемости библиотеки

№ п/п	Показатель оценки	20_____г.	20_____г.	20_____г.
1	Количество читателей, посещающих библиотеку чаще 1 раза в неделю, всего			

Направление 2. Оценка динамики сформированности умений обучающихся правильно использовать основные виды нормативной речевой деятельности.

Критерий 1. Оценка сформированности уровня владения всеми видами речевой деятельности у обучающихся по оценке педагогических работников до и после внедрения модели метапредметной методической системы обеспечения языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке в условиях дистанционного обучения.

Динамика сформированности уровня владения всеми видами речевой

деятельности у обучающихся оценивается путем сопоставления значений показателей до и после внедрения модели.

Таблица 5

Оценка сформированности уровня владения всеми видами речевой деятельности у обучающихся (динамика может оцениваться по обучающемуся, по классу, по параллели)

Показатель оценки	До внедрения модели	После внедрения модели
1. Чтение	Шкала от 0 до 5, где 0 – не владеет, 5 – владеет на достаточном уровне	Шкала от 0 до 5, где 0 – не владеет, 5 – владеет на достаточном уровне
2. Говорение		
3. Письмо		
4. Аудирование		

Критерий 2. Динамика участия обучающихся в тематических конкурсах (олимпиадах).

Динамика участия обучающихся в тематических конкурсах (олимпиадах) оценивается путем сопоставления значений показателей за разные временные периоды.

Таблица 6

Оценка динамики участия обучающихся в тематических конкурсах (олимпиадах) по русскому языку и литературе

№п/п	Показатель оценки	20_____г.	20_____г.	20_____г.
1	Количество участников тематических конкурсов			

Критерий 3. Результативность участия обучающихся в тематических конкурсах (олимпиадах).

Таблица 7

Оценка результативности участия обучающихся в тематических конкурсах по русскому языку

№ п/п	Показатель оценки	20_____г.	20_____г.	20_____г.
1	Количество победителей и призеров тематических конкурсов			

Критерий 4. Динамика участия обучающихся в научно- исследовательской и проектной деятельности

Динамика участия обучающихся в научно-исследовательской и проектной деятельности оценивается путем сопоставления значений показателей за разные временные периоды.

Таблица 8

Оценка динамики участия обучающихся в научно- исследовательской и проектной деятельности

№	Показатель оценки	20_____г.	20_____г.	20_____г.
п/п				
1	Количество обучающихся, принимающих участие в научно-исследовательской и проектной деятельности по русскому языку и литературе			

Реализацию программы формирования языковой культуры обучающихся, в том числе культуры речи, культуры чтения, культуры общения на русском языке, можно считать успешной, если по половине и более критериям получена положительная динамика или демонстрируется стабильность показателей.

References

1. Ванюшева Н.Р. Материалы курса «Методика работы с текстовой информацией на уроках литературы» : лекции 1–4. – М. : Педагогический университет, «Первое сентября», 2009. – 60 с.
2. Пранцова Г.В., Романичева Е.С. Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом : учебное пособие / Г.В. Пранцова, Е.С. Романичева.– 2 изд., испр. И доп. – М. : ФОРУМ, 2015. – 368 с.
3. Сметанникова Н. Обучение стратегиям чтения в 5-9 классах: как реализовать ФГОС. Пособие для учителя / Н.Н. Сметанникова. – М. : Баласс, 2011. – 128 с. (Образовательная система «Школа 2100»)
4. Смородинская М.Д. О культуре чтения /М.Д. Смородинская, Ю.П. Маркова. – М.: Книга, 1984.
5. Соболева О.В., Дыбленко С.А. Обучение диалогу с текстом: взгляд психолога и взгляд учителя //Начальная школа До и После. – 2002. - №8.

UDC 37

Yurchenko O.A. Collaboration between a speech therapist and a primary school teacher in the development of cohesional speech in students with intellectual disabilities

Сотрудничество логопеда и учителя начальных классов в развитии связной речи обучающихся с интеллектуальными нарушениями

Yurchenko Olga Aleksandrovna,

Speech Therapist, State Educational Institution "Mariupol Specialized Boarding School No. 37,"
Donetsk People's Republic, Mariupol
Юрченко Ольга Александровна,
Учитель-логопед, Государственное казённое общеобразовательное учреждение
"Мариупольская специальная школа-интернат 37",
Донецкая Народная Республика, город Мариуполь

Abstract. This article examines the issue of interprofessional collaboration between specialists in an educational organization during the correctional and developmental work with children with intellectual disabilities. The aim of the study is to theoretically substantiate the need for collaboration between a speech therapist and a primary school teacher to effectively develop coherent speech in this category of students. In writing this article, the author utilized the following research methods: theoretical analysis of psychological and pedagogical literature, systematization, and synthesis of scientific data. The main results of the study are presented in the form of a description of the speech development characteristics of children with intellectual disabilities, identification of areas for joint work between specialists, and the development of a model for their interaction. The author's findings confirm that coordinated work between speech therapists and primary school teachers improves the quality of the special education process and ensures a comprehensive approach to developing students' speech skills.

Keywords: coherent speech, intellectual disabilities, speech therapist, primary school teacher, interprofessional collaboration, special education work, primary school students, speech development.

Аннотация. В статье автором рассматривается проблема межпрофессионального взаимодействия специалистов образовательной организации в процессе коррекционно-развивающей работы с детьми, имеющими интеллектуальные нарушения. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании необходимости сотрудничества логопеда и учителя начальных классов для эффективного развития связной речи обучающихся данной категории. При написании статьи, автором использовались следующие методы научного познания: методы теоретического анализа психолого-педагогической литературы, систематизации и обобщения научных данных. Основные результаты проведенного автором исследования, представлены в виде характеристики особенностей речевого развития детей с интеллектуальными нарушениями, определения направлений совместной деятельности специалистов и разработки модели их взаимодействия. Выводы полученные автором в процессе исследования, подтверждают, что скоординированная работа логопеда и учителя начальных классов способствует повышению качества коррекционно-педагогического процесса и обеспечивает комплексный подход к формированию речевых навыков обучающихся.

Ключевые слова: связная речь, интеллектуальные нарушения, логопед, учитель начальных классов, межпрофессиональное взаимодействие, коррекционно-развивающая работа, младшие школьники, речевое развитие.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Введение

Проблема развития связной речи у детей с интеллектуальными нарушениями, безусловно, является одной из наиболее актуальных в современной коррекционной педагогике. Как показывает практика, именно несформированность связной речи становится серьезным препятствием для успешной социализации и адаптации таких обучающихся в обществе. По мнению автора, в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов образования обучающихся с умственной отсталостью особую значимость приобретает координация усилий всех участников образовательного процесса.

Теоретический анализ литературы показывает, что вопросы речевого развития детей с интеллектуальными нарушениями глубоко изучались в работах отечественных исследователей. Так, фундаментальные исследования Л. А. Адляян раскрывают специфику формирования речи у умственно отсталых школьников [3]. А. С. Кузьминых детально описывает особенности познавательной деятельности и речи данной категории детей [7]. О. В. Брусницына представляет комплексный подход к логопедической работе в специальной школе [5]. Современные исследования Н.В. Гридневой посвящены работе учителя-логопеда над звукопроизношением у обучающихся начальных классов с тяжелыми нарушениями речи [1].

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что проблема взаимодействия специалистов в процессе коррекционной работы освещена недостаточно полно. Отдельные аспекты данного вопроса рассматривались в трудах Ф. М. Ямалеевой, которые обосновывают необходимость комплексного подхода в коррекционно-развивающем обучении [4]. А. А. Долганова, Н. С. Сергеева анализируют условия эффективного взаимодействия участников коррекционно-образовательного процесса [2].

Цель настоящего исследования состоит в теоретическом обосновании модели сотрудничества логопеда и учителя начальных классов в развитии связной речи обучающихся с интеллектуальными нарушениями.

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих специалистов в области коррекционной педагогики и логопедии: М.Ф. Гнездилова, В.Г. Петровой, Р.И. Лалаевой, А.К. Аксеновой, Е.А. Екжановой, И.М. Бгажноковой, С.Ю. Ильиной.

Научная новизна исследования заключается в систематизации автором теоретических подходов к организации совместной деятельности логопеда и учителя начальных классов, а также в разработке содержательной модели их взаимодействия применительно к задачам развития связной речи обучающихся с интеллектуальными нарушениями.

Теоретическая значимость работы определяется углублением автором научных представлений о механизмах межпрофессионального взаимодействия специалистов в коррекционно-образовательном процессе. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования автором полученных результатов для совершенствования организации коррекционно-развивающей работы в образовательных учреждениях, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы.

Материалы и методы исследования

Материалами для настоящего исследования послужили научные труды отечественных ученых в области коррекционной педагогики, специальной психологии и логопедии. Так же автором в процессе исследования анализировались нормативные документы, регламентирующие образование обучающихся с умственной отсталостью, включая федеральный государственный образовательный стандарт и примерные адаптированные основные общеобразовательные программы.

Методология исследования базируется на системном подходе к изучению коррекционно-педагогического процесса, предполагающем рассмотрение взаимодействия специалистов как целостной системы взаимосвязанных компонентов. Важное значение для настоящего исследования, имеет применение автором деятельностного подхода, позволяющего проанализировать содержание профессиональной деятельности логопеда и учителя в контексте решения общих задач речевого развития обучающихся.

В процессе исследования, автором применялись следующие методы научного познания: анализ психолого-педагогической и методической литературы по проблеме исследования, систематизация научных данных о специфике речевого развития детей с интеллектуальными нарушениями, обобщение опыта организации взаимодействия специалистов в коррекционно-образовательном процессе, моделирование системы сотрудничества логопеда и учителя начальных классов, сравнительный анализ функциональных обязанностей и направлений деятельности специалистов.

Результаты и обсуждение

Проведенный в рамках настоящего исследования анализ научной литературы показывает, что связная речь представляет собой наиболее сложную форму речевой деятельности, требующую координации различных психических процессов. У детей с интеллектуальными нарушениями, как справедливо отмечает Е. В. Маликова, наблюдается системное недоразвитие всех компонентов речи, что неизбежно отражается на формировании связных высказываний [6]. Действительно, специфика

познавательной деятельности таких обучающихся обуславливает своеобразие их речевого развития.

Характеризуя особенности связной речи младших школьников с интеллектуальными нарушениями, следует выделить несколько ключевых проблем. Отметим, что дети испытывают значительные трудности в программировании речевого высказывания, что проявляется в нарушении последовательности изложения, пропусках смысловых звеньев. Так же, отмечается бедность лексического запаса и ограниченность используемых грамматических конструкций. Еще одной особенностью является характерная фрагментарность высказываний, их ситуативность и недостаточная развернутость.

Таким образом, по мнению автора, становится очевидной необходимость специально организованной коррекционной работы по развитию связной речи. При этом, как показывает существующая практика и исследования современных отечественных и зарубежных ученых, наибольшей эффективности можно достичь при условии согласованных действий всех специалистов, работающих с ребенком. Особо отметим, что ключевую роль в этом процессе играют логопед и учитель начальных классов, поскольку именно они осуществляют непосредственную ежедневную работу с обучающимися.

Далее рассмотрим направления деятельности каждого из специалистов. Логопед, безусловно, занимается коррекцией речевых нарушений в рамках специально организованных занятий. Работа современного логопеда, включает диагностику речевого развития, определение индивидуального коррекционного маршрута, проведение фронтальных и индивидуальных логопедических занятий. Так же отметим, что учитель начальных классов, в свою очередь, реализует программу по русскому языку и чтению, где развитие связной речи является одной из важнейших задач. Далее автору представляется целесообразным систематизировать направления совместной работы специалистов в виде таблицы 1.

Таблица 1

Направления совместной деятельности логопеда и учителя начальных классов

Направление работы	Деятельность логопеда	Деятельность учителя	Формы взаимодействия
Диагностическое	Углубленное обследование речи, определение структуры дефекта	Педагогическая диагностика речевых умений в учебной деятельности	Совместное обсуждение результатов, определение зоны ближайшего развития

Направление работы	Деятельность логопеда	Деятельность учителя	Формы взаимодействия
Коррекционно-развивающее	Специальные логопедические занятия по формированию связной речи	Развитие речи на уроках русского языка, чтения, окружающего мира	Согласование тематики занятий, единство требований и терминологии
Консультативное	Рекомендации по речевому режиму и приемам работы	Информирование о трудностях ребенка в учебной деятельности	Регулярные консультации, обмен опытом
Просветительское	Повышение компетентности педагогов в вопросах логопедии	Распространение педагогического опыта работы	Совместные выступления, семинары, мастер-классы

Как видно из представленной таблицы, деятельность специалистов взаимодополняет друг друга и создает единое коррекционно-развивающее пространство. Современные отечественные ученые отмечают, что именно такая интеграция усилий позволяет обеспечить перенос формируемых навыков из ситуации логопедического занятия в реальную учебную и жизненную практику ребенка.

Отметим, что, по мнению автора, особого внимания заслуживает вопрос о содержании совместной работы по развитию конкретных видов связной речи. Традиционно выделяют две основные формы связной речи: диалогическую и монологическую. Каждая из них требует специфических приемов формирования и, соответственно, координации действий специалистов.

Таблица 2

Содержание работы по развитию видов связной речи

Вид связной речи	Задачи логопеда	Задачи учителя	Методические приемы
Диалогическая речь	Формирование умения слушать собеседника, формулировать вопросы и ответы	Развитие диалога на уроках, создание речевых ситуаций	Ролевые игры, беседы, инсценировки, работа в парах
Пересказ	Обучение последовательному изложению с опорой на наглядность и план	Закрепление навыка пересказа на различном текстовом материале	Использование серий сюжетных картин, схем, опорных слов
Рассказ-описание	Формирование умения выделять существенные признаки объекта	Составление описаний на уроках развития речи и природоведения	Работа с планом описания, использование сравнений

Вид связной речи	Задачи логопеда	Задачи учителя	Методические приемы
Рассказ по картине	Обучение анализу изображения, установлению связей между объектами	Развитие наблюдательности, обогащение словаря	Рассматривание картины по плану, составление предложений
Творческий рассказ	Развитие воображения, формирование умения продолжить начатое	Стимулирование речевого творчества в различных ситуациях	Придумывание конца истории, составление рассказа по аналогии

Данная таблица 2 наглядно демонстрирует, что работа над каждым видом связной речи требует согласованных усилий обоих специалистов. При этом, отметим, что логопед закладывает базовые навыки в условиях специально организованных занятий, а учитель обеспечивает их закрепление и автоматизацию в разнообразных учебных ситуациях.

Эффективность сотрудничества логопеда и учителя в современном образовательном процессе, во многом определяется организационными формами взаимодействия. На практике могут использоваться различные варианты совместной работы логопеда и учителя. Наиболее распространенной формой является регулярное проведение консультаций и совещаний, на которых обсуждаются успехи и трудности обучающихся, корректируются планы работы. Кроме того, целесообразно проведение интегрированных занятий, где оба специалиста работают одновременно, демонстрируя единство подходов. [8]

Рассматривая модель сотрудничества логопеда и учителя начальных классов, следует выделить несколько ключевых принципов ее построения. Прежде всего, это принцип комплексности, предполагающий воздействие на все компоненты речевой системы. Далее, принцип систематичности требует регулярного и последовательного проведения коррекционных мероприятий. Принцип дифференцированного подхода обеспечивает учет индивидуальных особенностей каждого обучающегося. Наконец, принцип единства диагностики и коррекции определяет необходимость постоянного мониторинга речевого развития.

Практическая реализация модели взаимодействия логопеда и учителя, предполагает несколько этапов. На подготовительном этапе осуществляется совместная диагностика логопедом и учителем речевого развития обучающихся, определяются приоритетные направления работы, планируется содержание деятельности каждого специалиста. Основной этап включает непосредственную коррекционно-развивающую работу с регулярным обменом информацией о

достижениях детей. Заключительный этап предусматривает совместную оценку результативности проведенной работы и планирование дальнейших действий. [9]

Следует подчеркнуть, что успешность взаимодействия логопеда и учителя во многом зависит от личностных и профессиональных качеств специалистов. Важными являются взаимное уважение, готовность к сотрудничеству, открытость к обмену опытом, способность к рефлексии собственной деятельности. Кроме того, необходимым условием становится повышение профессиональной компетентности: логопед должен владеть знаниями об особенностях учебной программы, а учитель – понимать специфику логопедической работы.

Нельзя не отметить, что в процессе сотрудничества могут возникать определенные трудности. К их числу относятся различия в профессиональных подходах и терминологии, недостаточная координация планов работы, дефицит времени для совместных обсуждений. Преодоление этих трудностей возможно при условии создания в образовательной организации атмосферы подлинного сотрудничества и взаимопомощи, административной поддержки инициатив специалистов.

Выводы

Таким образом, проведенный теоретический анализ убедительно показывает, что развитие связной речи обучающихся с интеллектуальными нарушениями требует объединения усилий логопеда и учителя начальных классов. По мнению автора, только при условии согласованной, систематической и целенаправленной работы обоих специалистов возможно достижение значимых результатов в формировании речевых навыков детей данной категории.

References

1. Гриднева, Н. В. Работа учителя-логопеда над звукопроизношением у обучающихся начальных классов с тяжелыми нарушениями речи / Н. В. Гриднева // Научный альманах. – 2025. – № 3-1(125). – С. 34-37.
2. Долганова, А. А. Взаимодействие в работе педагога-психолога и учителя-логопеда с обучающимися начальной школы, имеющими тяжелые нарушения речи / А. А. Долганова, Н. С. Сергеева // Инновационная наука. – 2022. – № 9-2. – С. 42-44.
3. Адлюян, Л. А. Характеристика сотрудничества логопеда и учителя младших классов при нарушениях письменной речи / Л. А. Адлюян // Достижения науки и образования. – 2024. – № 3(94). – С. 10-12.
4. Ямалеева, Ф. М. Формирование профессиональных компетенций студентов - будущих учителей начальных классов к работе с обучающимися с

нарушением речи / Ф. М. Ямалеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-2. – С. 245-249.

5. Брусницына, О. В. Наставничество - форма сотрудничества учителя-логопеда и воспитателя в группе детей с нарушением речи / О. В. Брусницына // Научная сокровищница образования Донетчины. – 2023. – № 1. – С. 36-39.

6. Маликова, Е. В. Связная речь и ее развитие у детей с интеллектуальными нарушениями / Е. В. Маликова // Наука через призму времени. – 2020. – № 2(35). – С. 45-47.

7. Кузьминых, А. С. Развитие связной речи у детей младшего школьного возраста с интеллектуальными нарушениями / А. С. Кузьминых // Студенческая наука и XXI век. – 2020. – Т. 17, № 2-2(20). – С. 216-218.

8. Игнатьев, А. Е. Обеспечение готовности учителей начальных классов к работе с детьми с нарушениями письменной речи / А. Е. Игнатьев // Педагогическое образование и наука. – 2022. – № 3. – С. 119-122.

9. Мажинов, Б. М. Формирование навыков связной речи у учащихся начальных классов с общим недоразвитием речи / Б. М. Мажинов, Д. Н. Куанышпекова // Научный альманах. – 2024. – № 5-2(115). – С. 14-17.

REVIEWS AND ANALYSIS

UDC 811

Fergert A.S. Happiness as a Subject of Scientific Research: A Discursive Analysis of Conceptual Connections

Fergert Anna Sergeevna,

Master Degree Student

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia

Research supervisor:

Filyasova Yulia Anatolyevna,

PhD in Philology, Associate Professor

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia

Abstract. *In this article, happiness is considered as a subject of scientific research. A hundred of scientific articles selected from the website sciencedirect.com with the help of the continuous sampling method served as the material for the analysis. Happiness was studied with the application of semantic connection identification, semantic categorization, and constructive concept analysis. The aim of the study is to identify areas of the concept implementation in scientific discourse and its semantic connections. It was found that happiness as a multidimensional concept is studied in various scientific fields which reflect different spheres of human activity – economy, sociology, and marketing. Conceptual links cover, among others, such phenomena as availability of goods and services, rational correlation between income and expenditure, long-term pension insurance, sustainability of economic and banking systems, effective resource governance, buying habit development, brand management, pricing policies, favorable urban environment, technological accessibility.*

Keywords: *conceptual links, semantic relationships, semantic opposites, well-being, income level, social responsibility, economic sustainability*

Рецензент: Белан Елена Альбертовна, д. психологических наук, доцент, профессор кафедры философии, теологии и религиоведения в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

1. Introduction

Information structuring, semantic linkage, and knowledge categorization, contributes to concept structuring, determining the main properties of objects and phenomena [1]. Inherently, happiness is based on the transformation from an external circumstance to an internal emotional condition, and comprises emotional, rational, ethical and pragmatic components [2]. Happiness concept possesses a range of lexico-semantic, structural-semantic and lingual-cognitive aspects [3], hence being characterized by a high semantic density and multi-layeredness [4]. Following social changes happiness is subjected to a paradigmatic shift [5]. Happiness is also defined through relationships with others – relatives

or professional contacts, love and friendship [6]. The research into gender differences in understanding happiness shows that *love, family, and joy* are more important for women, whereas *fate, good luck, aspiration to the unknown, the thrill of struggle and the joy of a contained victory* are more valuable for men [7].

A number of research articles contain evidence that the concept of happiness includes the career-related semantic components: *contentment, well-being, life satisfaction, success, good luck, fortune, destiny, fate, pleasure, contentment, the desire to do something* [8], good quality of life – satisfaction with oneself, positive life perception, energy, positive self-assessment, high self-esteem [9], achieving success [10; 11], money, success [12], success and glory [13], success, good luck, fortune, abundance of food, career, high status, fame and recognition, leadership positions, apartments, cars, travel [14]. Self-improvement, with reliance on activity-based perfectionism, is a conscious process of personal development, a trend set in the modern social environment [15] – a path to achieving perfection through consistent work on oneself in all aspects: mental, physical, moral, and professional [16]. Self-improvement at work, or perfectionism, is a manifestation of happiness since it leads to professional growth, increased self-esteem, and a stronger sense of competence and fulfillment [17]. Additionally, perfectionism is expected by employers as a positive quality contributing to enhancing corporate morale and strengthening performance due to the positive attitude to work commitments and elevated ambitions [18]. Happiness in the workplace is understood as competence growth, improved performance, valuable contribution and recognition [19] – which are possible due to perfectionism at work [20]. Happiness as a social phenomenon is associated with wealth, harmony, equality [21], freedom, legality, integrity, work commitment and dedication, resulting in economic development [22].

2. Material and methods

The aim of this study is to analyze happiness as a subject of research and identify key conceptual relationships with related phenomena. The relevance of studying HAPPINESS concept is determined by its fundamental importance in terms of people's self-perception in the modern society. Research discourse¹ served as the material for the investigation (research articles 2024-2025). The volume of the research material amounted to a hundred of research papers which were selected by the keyword 'happiness'. Research article titles and abstracts were analyzed for key conceptual connections, semantically related to happiness. It was found that happiness is a subject of research analysis in many fields of science. The results of the conducted analysis, presented below, reflect the main semantic relationships, some of them are provided with references to the research articles devoted to happiness. The material was

¹ Happiness. [Electronic research]. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (accessed: 17.09.2025)

examined with the help of discourse analysis, semantic relationship analysis, semantic categorization, constructive analysis and happiness concept design.

3. Findings

Happiness is in the focus of economic, sociological, and marketing research. In these fields, happiness is characterized by semantically lateral connections, such as availability of goods and services, rational correlation between income and expenditure, long-term pension insurance, sustainability of economic and banking systems, effective resource governance, buying habit development, brand management, pricing policies, favorable urban environment, technological accessibility. Let us consider them in more detail.

3.1. Economic perspective

Happiness in the context of economic studies is viewed as a subjective well-being measure for evaluating economic performance. Factors that impact happiness include fiscal decentralization, provision of goods and services, corporate accountability, corporate social responsibility, reduced corruption and improved governance [23]. Negative factors that produce a detrimental effect on subjective happiness are increased inequality among regions, wealth inequality, lowered housing affordability, restricted mobility, and unoptimistic opportunities for job prospects.

In addition, happiness is perceived through intergenerational equity which can be reached with the help of financial support for young generations, healthy pension insurance and long-term retirement planning [24]. Happiness is disrupted by insufficient pension insurance and old age poverty. Bank risk has a relationship to happiness through economic stability [25], while increased volatility in the stock market which could affect pension funds.

Economic sustainability is crucial for long-term happiness, whereas uncertainty and fear about the future due to job losses and unemployment are major sources of stress and anxiety. Economic stability is a buffer against economic downturns [26], job losses and economic insecurity [27]. Corporate cash reserves, invested in innovation, fund research and development, creating new products, services, and jobs.

Large income gaps can breed resentment and a feeling of unfairness [28]. Low-income communities often experience higher levels of stress and anxiety due to financial insecurity, lack of access to resources, and exposure to crime and violence [29]. Lower levels of social capital mean weaker social networks and community support which lead to frustration.

Affordable housing frees up resources for education, healthcare, and other investments in human capital, therefore they directly contribute to happiness and well-being [30]. In addition, spending on experiences, social connections, and things that align with personal values can increase happiness.

3.2. Sociological perspective

From the sociological view happiness is considered through social values for individuals and groups. Happiness lies in successful adaptation to various circumstances. In the modern environment with integrated digitalized tools, robots and artificial intelligence happiness implies increased convenience, access to information, automation of tedious and monotonous tasks, new forms of entertainment, and potential for improved healthcare [31]. Smart urbanism has a substantial potential for happiness owing to more efficient infrastructure, better services such as transportation, waste management, safer environments, smart lighting, security systems, and improved access to information. Daily happiness is built on purposeful, enjoyable, and meaningful activities which contribute to achieving a sense of fulfillment.

High levels of public trust in institutions – government, law enforcement, media – are linked to higher levels of social cohesion and a sense of security [32]. When people trust their institutions, they feel more confident about the future and less anxious about potential threats. Happiness is expressed through increased opportunities for advancement and improvement in social status, associated with greater financial security, access to better resources, and a sense of accomplishment. The opportunity to improve family-related economic circumstances is perceived as happiness.

Strong social networks, supportive relationships, and a sense of belonging are fundamental to happiness [33]. They are complemented by freedom from work-related stress, more time for leisure activities, and opportunities to pursue personal interests. Scientific research into middle-aged women's happiness is closely related to their ability to navigate multi-tasking – career, family, health – meeting societal expectations [34]. Happiness is influenced by their ability to successfully maintain multi-faceted social connections.

Another happiness aspect is physical activity: regular physical activity has significant positive effects on mood, energy levels, and overall well-being since exercise releases endorphins, reduces stress, and improves sleep. Moreover, access to water features – rivers, lakes, oceans – in urban environments has been linked to reduced stress, improved mood, and increased physical activity.

Finally, being represented by a political party and believing that political ads are informative can boost confidence in the system [35]. All in all, a vibrant and thriving urban environment with a mix of activities, businesses, and social interactions contributes to residents' sense of excitement, engagement, well-being, and happiness.

3.3. Marketing perspective

In the customer-centricity era, creating positive customer experiences is a priority for generating customer happiness, which includes not only product quality and functionality but also exceptional customer service, personalized communications, and building a community

around the brand. Successful brands strategically aim to associate their products or services with positive emotions, such as happiness, joy, excitement, security, and belonging. Consumers are drawn to brands with a clear purpose beyond profit, for example, sustainability, social justice, or community involvement [36]. Consumers often make buying decisions based on their expectation that a product or service will bring them a certain level of satisfaction and, ultimately, happiness. A product marketed as a "solution to stress" may attract consumers seeking relief from anxiety and, in turn, make such consumers associate the product with happiness.

Consumer buying decisions are often influenced by social norms, peer pressure, and the desire to fit in. While these factors can lead to short-term happiness through acceptance and validation, they may not necessarily contribute to long-term well-being. Brands can build online communities which provide a sense of connection, support, shared passion, and contribute to customer happiness. Brand loyalty is often driven by emotional connections: consumers who feel a sense of affinity, trust, and emotional connection with a brand are more likely to remain loyal and experience a sense of happiness from consistently choosing that brand.

Buying for pleasure and buying for practical need are differentiated. Experiences often bring more lasting happiness than material possessions; purchasing experiences, rather than material goods, results in sustained happiness. Studies show that spending money on experiences (travel, events, education) tends to bring more lasting happiness than spending on material goods [37]. Efficient, friendly, and helpful service interactions create positive emotional experiences that build brand loyalty. Personalization and tailoring can significantly enhance perceived value and happiness.

4. Conclusion

To summarize, happiness is a multifaceted concept influenced by economic, social, and marketing factors. Economically, it is closely related to affordability of basic needs like housing, a secure future through pension insurance, sufficient income to meet needs without financial anxiety, and responsible spending. Sustainability and conservation of resources contribute to long-term economic stability and minimize future concerns. Sociologically, happiness originates from a sense of well-being, supportive neighborhood environments, public trust, access to free education, and livability in urban settings, balanced with healthy daily activities. While digitalization offers convenience, its impact on social interaction requires consideration. Marketing influences happiness through consumption, brand loyalty and buying habits. Understanding consumer buying decisions and fostering responsible consumption can prevent overspending and eliminate financial stress. While brand loyalty provides comfort, it

is important to make informed choices. Brand management can affect value perception and satisfaction, laterally impacting happiness.

References

1. Filyasova, Yu.A. (2024). Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures. *Theoretical and Applied Linguistics*. No. 2 (10). Pp. 173–190. EDN: TXEYMT
2. Baglai, N.O. (2025). The versatility of the HAPPINESS concept in English: Lexico-semantic analysis. *Modern Professional Education*. No. 6. Pp. 194-199. EDN: DIUVYM.
3. Kanarskaya, L.G., Sakhanina, E.S. (2022). Phraseosemantic microfield in the semantic field "HAPPINESS" in the Russian language. *Science and Education*. No. 2 (5), 27. EDN: EAYMWR.
4. Karimova, R.Kh. (2023). The concept "HAPPINESS" in the German view of the world. *Cherepovets State University Bulletin*. No. 3 (114). Pp. 127–138. EDN: RDKZOL.
5. Avanesyan, N.K. (2020). Logical semantic and structural analysis of the taxon means of expression of the emotive concept "HAPPINESS". *Language and Culture in the Epoch of Scientific Knowledge and Educational Professionalization Integration*. No. 1-1. Pp. 68–75. EDN: IVXLSU.
6. Starikova, D.D. (2022). Semantic components of the concept of HAPPINESS: Cognitive and psycholinguistic approaches. *Doklady Bashkirskogo Universiteta*. No. 1 (7). Pp. 43–47. EDN: JAVUCE.
7. Arsenieva, I.A. (2010). To the study of the emotional concept HAPPINESS. *RUDN Journal of Education and: Languages and Specialty*. No. 3. Pp. 11–16. EDN: MUDDQF.
8. Sokova, O.Y., Kovalenko A.A. (2022). The national specifics of the concept of HAPPINESS in Russian and English. *Language. Culture. Education*. No. 7. Pp. 26–30. EDN: IYAGLT.
9. Solovey, L.B., Kotova, E.V., Mitrofanov, E.P. (2024). The interrelationship between the subjective experience of happiness and the quality of life of students. *Systems Psychology and Sociology*. No. 4 (52). Pp. 62–69. EDN: NALSIQ.
10. Avramova, V.N. (2016). "HAPPINESS" in Russian and Bulgarian mentality. *Bulletin of Moscow Region State University*. No. 4, 19. EDN: XKPKDX.
11. Kanarskaya, L.G., Sakhanina, E.S. (2022). Phraseosemantic microfield in the semantic field "HAPPINESS" in the Russian language. *Science and Education*. No. 2 (5), 27. EDN: EAYMWR.

12. Butakova, L.O., Goots, E.N. (2021). Subjective semantics of value oriented words: Trend study of lexeme HAPPINESS. *Ethnopsycholinguistics*. No. 1 (4). Pp. 8–31. EDN: EEGWXB.
13. Arsalieva, E.Kh. (2020). Representation of the concept of "HAPPINESS" in English paremies. *Baltic Humanitarian Journal*. No. 9 (30). Pp. 159–162. EDN: YBKCKF.
14. Kashina, O.P. (2020). The problem of the subjective feeling of happiness of a modern woman. *Sociosphere*. No. 3. Pp. 84–87. EDN: NAAOGL
15. Filyasova, Yu. A. (2021). Perfectionism as a personal type of social behavior. *Sociology*. No. 1. Pp. 46–55. EDN: DHUWLB.
16. Filyasova, Yu.A. (2022). A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. No. 2 (13). Pp. 382–395. EDN: EBBYEC.
17. Filyasova, Yu.A. (2021). Perfectionism in the workplace: Main features and career growth management. *Social & Labor Researches*. No. 3 (44). Pp. 157–169. EDN: IJRWGT.
18. Filyasova, Yu.A. (2022). Perfectionism as an expected job seekers' social quality in online recruitment. *Digital Sociology*. No. 2 (5). Pp. 21–32. EDN: QZFBEU.
19. Kaur, R. (2023). The relationship between managerial leadership and employee happiness: Evidence from private universities in Punjab. *Organizational Psychology*. No. 4 (13). Pp. 57–66. EDN: VKFPPG.
20. Filyasova, Yu.A. (2021). Academic perfectionism in the context of the organizational and corporate culture of the university. *Social & Labor Researches*. No. 2 (43). Pp. 99–109. EDN: ZDWBXI.
21. Tsay, E.N., Tkachenko O.V. (2013). Semantic representatives of the concept "Happiness". *European Researcher*. No. 5-4 (51). Pp. 1560–1564. EDN: QIRIPP.
22. Chertykova, M.D. (2022). Conceptual space HAPPINESS in Turkic languages of Siberia. *Tomsk journal of linguistics and anthropology*. 2022. No. 1 (35). Pp. 92–105. EDN: MSIRNS.
23. Ngounou, B.A., Djiogag, C.F., Domguia, E.N., Zanfack, L.T., Pondie, T.M. (2025). Does fiscal decentralisation hamper happiness? Evidence from African countries. *World Development Perspectives*. No. 37, 100660.
24. Li, Y., Tong, L. (2025). Regional economic development, consumer spending, and residents' retirement happiness experience. *International Review of Financial Analysis*. No. 108, B, 104699.
25. Lee, C.-C., Wang, C.-W., Lin, W., Yi-Hsin Chiu, Y.-H. (2025). The role of happiness in bank risk: An international cross-country analysis. *Pacific-Basin Finance Journal*, 90, 102663.

26. Ko, J., Kai Leung, C.K., Chen, X. (2025). Economic crises and happiness: Empirical insights from 134 countries (2008–2019). *Development and Sustainability in Economics and Finance*, 6, 100040.
27. Socol, A., Iuga, H., Lazarescu, I., Iuga, I.C. (2025). Asymmetric effects of government debt, human development and governance on happiness: a worldwide panel analysis from 2008 to 2023. *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*, 18, 6, 1374-1409.
28. Tang, Y., Li, Q., Wu, Y. (2024). The impact of the digital divide on rural older People's mental quality of life: A conditional process analysis. *Heliyon*, 10, 17, e37109.
29. Kang, L., Liu, C., Du, D., Zhang, W. (2025). The non-linear relationship between neighborhood environment and residents' happiness: an empirical study from low-income communities in Beijing. *Applied Geography*. No. 185, 103804.
30. Seo, J., Jin, J. (2026). Does housing wealth inequality affect young adults' happiness and expectations of social mobility? Evidence from Seoul. South Korea. *Cities*. No. 170, 106619.
31. Wang, W., Han, W.-Z. (2025). Do industrial robots bring happiness? The moderating role of public trust. *Economic Analysis and Policy*. No. 86. Pp. 380-398.
32. Voytsekhovich, A.A., Tszzi, V.F. (2019). Slogans about HAPPINESS in China. *Linguistics & Polyglot Studies*. No. 4 (20). Pp. 101–108. EDN: FGJYYP.
33. Sherman, A., Atad, E., Shtudiner, Z. (2025). Are employers happy to hire happy candidates? Happiness and Employability Sources. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 115, 102334.
34. Liu, H., Cai, K., Wang, J., Chen, J., Zhang, H. (2025). Translation and psychometric validation of the Chinese version of the happiness scale for middle-aged women. *Healthcare and Rehabilitation*. No. 3 (1). 100036.
35. Chu, X., Remoortere, A.V., Vermeer, S., Vliegenthart, R., Kruijkemeier, S. (2025). The impact of happiness in political ads on party evaluation: A data donation study with emotion recognition. *Telematics and Informatics Reports*. No. 18, 100196.
36. Duh, H.I., Moodley, K. (2025). Predictors and buying happiness outcome from cosmetic brands engagement on Instagram. *Telematics and Informatics Reports*. No. 19, 100240.
37. Dai, A., Zhang, J., Pai, C. K., Lee, T. J. (2025). The impact of the perception of smart hotel attributes and perceptions of service innovation on tourist happiness and brand loyalty. *International Journal of Hospitality Management*. No. 127, 104107.

UDC 316

Ilyina D.S. Employee Happiness in the Context of Organizational Culture: A Discursive Conceptual Analysis

Ilyina Darya Sergeevna,

Master Degree Student

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,

Saint-Petersburg, Russia

Research supervisor:

Filyasova Yu.A.,

PhD in Philology, Associate Professor

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,

Saint-Petersburg, Russia

Abstract. *This article observes happiness as an organizational value which, as a multi-faceted phenomenon, is achieved through a set of principles – corporate social responsibility, integrity, ethical leadership, positive and supportive organizational culture, trust, psychological capital, creativity, managing cultural diversity. Employee happiness in the workplace implies a healthy psychological environment, sound interpersonal relationships, autonomy, ongoing learning, perfectionism, contribution, performance and accomplishment, success, career advancement, self-actualization, a good work-life balance, job satisfaction, reward, and retirement planning. Employee happiness is an integral part of psychological capital of any organization.*

Keywords: *organizational value, integrity, ethical leadership, trust, perfectionism, self-actualization, job satisfaction, psychological capital*

Рецензент: Белан Елена Альбертовна, д. психологических наук, доцент, профессор кафедры философии, теологии и религиоведения в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

1. Introduction

Currently, considering the ongoing economic climate, human capital is viewed as a key resource; the general situation necessitates the need for creation of a psychologically favorable climate inside any economic entity, alongside building healthy interpersonal relationships within organizations. Strengthening economic morale contributes to employee turnover reduction. Investment in workplace happiness through developing and implementing principles of emotional intelligence, trust, psychological safety, and caring leadership [1; 2], pay off in increased productivity and employee loyalty [3; 4], as employees form long-term emotional connections with the organizational psychological climate and culture.

A corporate culture focused on organizational values significantly contributes to improving its financial results and sustainability in the market [5; 6; 7]. The value orientations that employees rely on, must coincide with the values of the company [8; 9], so as to ensure that employees are fully aware of the value orientations in order to form certain patterns of

behavior and increase labor productivity [10; 11]. The concept of "management by values" is an effective tool for achieving ambitious organizational goals while aligning with the ambitious goals which employees try to purpose on their own [12; 13].

Research shows that subjective well-being and academic productivity of higher education employees [14; 15; 16], as well as overall job satisfaction and employee happiness, are closely related to perfectionism and work engagement [17; 18]. Furthermore, employee well-being is influenced by opportunities for career growth and development [19; 20], with leadership being seen as an important predictor of happiness. The manager's personality and their management style directly influence the assessment of the employee performance and their sense of happiness within the organizational team [21; 22]. "In modern conditions, effective management based on organizational values allows us to rethink rational methods of analysis by including in them a personal emotional assessment of personnel activities" [23]. In a multi-ethnic organizational environment, special attention should be paid to maintaining tolerance and empathy [24; 25], which is also essential for maintaining a favorable psychological climate.

Managing employee psychological well-being and happiness is not just a fashion trend, but a strategically significant factor in developing human capital and increasing organizational competitiveness [26]. The implementation of scientifically based approaches to creating a positive work environment [27], taking into account personal characteristics of employees and the creation of conditions for their professional and personal growth are the key to sustainable development and long-term business success.

2. Material and methods

The aim of this study is to investigate happiness as a subject of research and identify key conceptual relationships with related phenomena. The relevance of studying HAPPINESS concept is determined by its fundamental importance in terms of self-perception in the modern society. Research discourse² served as the material for the investigation. The volume of the research material amounted to a hundred of research papers which were selected by the keyword 'happiness'. Research article titles and abstracts were analyzed for key conceptual connections, semantically related to happiness. It was found that happiness is a subject of research analysis in many fields of science. The results of the conducted analysis, presented below, reflect the main semantic relationships, some of them are provided with references to the research articles devoted to happiness. The material was examined with the help of discourse analysis, semantic relationship analysis, semantic categorization, constructive analysis and happiness concept design.

² Happiness. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (accessed: 17.09.2025). Happiness. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/> (accessed: 17.09.2025)

3. Results and Discussion

The obtained results provide an overview of a professional vision of happiness which exceeds the framework of a traditional approach to the concept as a subjective attitude to life and embraces more social aspects aimed at improving perception of organizational environment and employee performance. Happiness is in the focus of economic, sociological, and managerial research. In these fields, happiness is characterized by semantically lateral connections, such as organizational culture, organizational trust, employee development, ethical leadership, personal values, corporate social responsibility, employee satisfaction, employee performance, organizational performance, among others. Happiness was considered from two major perspectives – personal and organizational. Let us consider them in more detail.

Individual-Focused Employee Happiness

Emotional condition of job candidates, such as optimism, hope, resilience, among others, deeply influences initial happiness levels within the organization [9]. Happy, well-adjusted candidates are more likely to adapt quickly, contribute positively, and foster a positive work environment. High levels of anxiety or negativity, on the other hand, might be correlated with a tendency to be dissatisfied and unengaged, which translates into depression and low-level enthusiasm, initiative and productivity in the workplace.

Nervousness, especially related to job security, performance expectations, or interpersonal relationships, is a direct obstacle to happiness [28]. Chronic employee nervousness can indicate underlying issues like poor management, lack of support, or an unhealthy work environment.

Congruence between employee personal values – autonomy, perfectionism [13], creativity, contribution, on the one hand, and organizational values, on the other hand, is a significant driver of happiness and well-being [4]. When values align, employees feel more authentic, purpose-driven, and intrinsically motivated. Mismatch leads to conflict, frustration, and ultimately, unhappiness.

Burnout is, inherently, the antithesis of happiness. It is characterized by emotional exhaustion, cynicism, and a sense of inefficacy, directly undermining feelings of joy, meaning, and engagement at work [2]. Management policies need to prioritize burnout prevention and mitigation.

Employees with high emotional intelligence are better equipped to manage their emotions, understand colleagues' feelings, and build positive relationships [29]. Emotional intelligence contributes to greater happiness by fostering a more supportive and collaborative work environment [24], reducing conflict, and improving overall job satisfaction.

Employee performance, accomplishment, and a feeling of success in a certain organizational role clearly contribute to happiness [17; 18]. High-performing employees often experience a sense of competence, mastery, and value [30]. However, it is crucial to consider how performance is achieved – honestly, being proud of self-contribution, or dishonestly, provoking unethical behavior and negative social reaction and response. Sustained peak performance fueled by unhealthy pressure and compromises, while possibly contributing to temporary happiness, can lead to long-term burnout and undermine overall well-being.

Achieving a healthy work-life balance is a crucial factor in feeling overall happiness. Employees who can effectively manage their professional and personal lives experience less stress, having more time for personal pursuits, and feel more fulfilled [31]. Organizations that support work-life balance through reasonable workload, flexible work arrangements, generous leave policies, and a culture that respects employees' time contribute to increased happiness.

Employee satisfaction is an integral component of happiness [10]. Workplace satisfaction encompasses various elements, including pay, benefits, work environment, relationships with colleagues, and opportunities for growth [15]. While satisfaction does not guarantee happiness, it provides a foundation for self-actualization and social relevance.

Opportunities for ongoing learning, professional development, and career advancement are linked to happiness through feelings of progress, growth, and self-efficacy [22]. Employees who feel they are developing and expanding their capabilities are more likely to feel engaged, motivated, and happy in their roles [7; 20]. On the other hand, stagnation leads to boredom and dissatisfaction.

Planning and preparation for retirement ensure the feelings of financial and emotional security, which is essential for long-term well-being and happiness. Organizations can support employees by offering retirement planning resources, financial counseling, and phased retirement options. Readiness for the subsequent stage of life contributes to a sense of accomplishment and overall happiness.

Organizational Values and Employee Happiness

Organizations with a strong commitment to corporate social responsibility (CSR) seem to be more prospective for potential employees [19]. Working for a company that makes a positive impact on society enhances employees' sense of purpose and meaning, contributing to increased happiness [11]. Participating in CSR initiatives provides employees with a sense of pride and alignment with organizational values beyond profit margins.

Ethical leadership which is aimed at pursuing integrity, fairness, and respect create a culture of trust and psychological safety [32]. Ethical leaders foster a positive work environment where employees feel valued and supported, leading to increased happiness [33]. Conversely, unethical leadership breeds distrust, anxiety, and unhappiness.

A positive and supportive organizational culture is essential for employee happiness [3; 34]. Cultures that prioritize collaboration, communication, recognition, and employee well-being, create an environment where subordinates can demonstrate their best qualities and capabilities [31]. Toxic cultures characterized by bullying, discrimination or excessive pressure, undermine happiness and alienate employees, causing high turnover [23].

Organizational trust in leadership, colleagues, and organizational culture as a whole, is a crucial constituent of happiness [35]. When employees trust their organization, they feel more secure, respected, and confident in their roles [1]. A lack of trust creates a climate of fear and suspicion, hindering happiness and performance.

Psychological Capital (PsyCap) comprises hope, efficacy, resilience, and optimism. These positive psychological resources are directly linked to happiness, resilience, and success in the workplace [36]. Organizations can foster PsyCap through leadership development, positive communication, and supportive work environments. Happy employees contribute to organizational PsyCap, creating positive feedback and increasing performance results.

Entrepreneurial happiness refers to the unique sense of fulfillment and satisfaction experienced by entrepreneurs. Despite being frequently intertwined with intense pressure, risk, and uncertainty, entrepreneurial happiness stems from the autonomy, creativity, and ownership inherent in building a business [10; 37].

While typically associated with the hospitality industry, the principles of hospitality services, such as empathy and creating positive experiences, can be applied to other industries [32]. An organizational culture that prioritizes treating employees with respect, care, and attention to their needs can significantly enhance their happiness and well-being.

Multinational enterprises are characterized by group diversity. Properly managed diversity and inclusion initiatives in multinational enterprises can contribute to greater innovation [14], creativity, and employee satisfaction [25]. Conversely, poorly managed diversity can lead to conflict, misunderstandings, and unhappiness. When employees feel valued, respected, and included regardless of their background, they are more likely to be happy and satisfied at work.

4. Conclusion

Happiness within an organizational context is a multifaceted concept influenced by a complex interplay of individual, interpersonal, and organizational factors. Effective personnel management policies should aim to create a holistic environment that supports employee well-being, fosters positive relationships, and provides opportunities for growth and self-actualization. The objectives involve selecting job candidates with positive worldview and potential for happiness within the organization, cultivating ethical leadership, promoting a

supportive culture, and empowering employees to manage their work-life balance, pursuing continuous development. By prioritizing happiness, organizations are able to create a more engaged, productive, and sustainable workforce.

References

1. Stadnik, E.S. (2024). The Importance of corporate values: creating a successful organizational culture. *Nauka Xxi Veka: Aktual'nye Napravleniya Razvitiya*, 2-1, pp. 53–56. EDN: EBDFKV.
2. Filiasova, Yu.A. (2020). The problem of emotional burnout and managing the emotional state of the pedagogical personnel (Russia, St. Petersburg). *Problemy sovremennoj ekonomiki*, 2020, 1 (73), pp. 201–205. EDN: EJLPYY.
3. Goncharova, N.A. (2024). The relationship between financial analysis and corporate culture: the influence of organizational values on the financial performance of an enterprise. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 3 (57), 54–63. DOI: 10.18324/2224-1833-2024-3-54-63. EDN: OJJHCG.
4. Ivanova, O.E. (2022). Happiness in the workplace as a value for the employee and the company. *Leadership and Management*, 9, 2, pp. 361–376. DOI: 10.18334/lim.9.2.114141. EDN: DDSUYD.
5. Kurnosova, O.A. (2022). Of development management of industrial enterprises based on integrated value chains: organizational aspects. *Pervyj ekonomicheskij zhurnal*, 12(330), pp. 50–58. DOI: 10.58551/20728115_2022_12_50. EDN: TPVWZM.
6. Marozau, R.I., Kosyak, E.L. (2022). Use of the analytical tool rep:grid for the analysis of Belarusian companies' values. *Digital Transformation*, 28, 2, pp. 23–32. DOI: 10.35596/2522-9613-2022-28-2-23-32. EDN: PCXOGA.
7. Filyasova, Yu.A. (2022). A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13, 2, 382–395. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395. EDN: EBBYEC.
8. Patutina, S. Yu., Kamskij, V. V. (2025). Organizacionnye cennosti v sisteme upravleniya po cennostyam. *Strategiya predpriyatiya v kontekste povysheniya ego konkurentosposobnosti*, 14, pp. 133–140. EDN: SRHZNB.
9. Filyasova, Yu.A. (2022). Perfectionism as an expected job seekers' social quality in online recruitment. *Digital Sociology*, 5, 2, pp. 21–32. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-21-32. EDN: QZFBEU.

10. Filyasova, Yu.A. (2021). Perfectionist workers: main qualities and features of career growth management. *Social and Labor Researches*, 3 (44), pp. 157-169. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-44-3-157-169. EDN: IJRWTG.
11. Karahan, M., Bozkurt S. (2021). The moderating role of LMX in the relationship between work values and organizational identification: A cross-cultural study. *The Manager*, 12, 4, pp. 28–41. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-4-3. EDN: AMSBBJ.
12. Kamskiy, V.V., Patutina, S.Yu. (2025). Research of the presence and purpose of organizational values of leading companies in open sources. *Chelovek. Socium. Obshchestvo*, 5, pp. 223–231. EDN: FEPRDH.
13. Filyasova, Yu.A. (2021a). Perfectionism as a personal type of social behavior. *Sociology*, 1, pp. 46–55. EDN: DHUWLB.
14. Filyasova, Yu.A. (2022). Perfectionism and rational-emotive behaviour as a motivational policy for human resource management. *Upravlenie*, 10, № 1. C. 16-27. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-1-16-27. EDN: WWRVYP.
15. Filyasova, Yu.A. (2021). Academic perfectionism in the context of the organizational and corporate culture of the university. *Social and Labor Researches*, 2 (43), pp. 99–109. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-99-109. EDN: ZDWBXI.
16. Yakovleva, E.A., Kryachko, V.I. (2021). Professional productivity and subjective well-being. *Journal of Economic Regulation*, 12, 4, pp. 110–120. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.4.110-120. EDN OIYXTE.
17. Sheveleva, M., et. al. (2022). Perfectionism and impostor phenomenon as predictors of work engagement and subjective well-being. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 43, 3, pp. 80–88. DOI: 10.31857/S020595920020498-3. EDN: ACAPRK.
18. Filyasova, Y. (2021). Perfectionism in social and labour relations. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij*, 1, pp. 23–28. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_1_23. EDN: SFDFA.
19. Murmylo, J.D. (2023). The concept of employee well-being as the basis of social responsibility of organizations. *Economic Vector*, 1(32), pp. 18–21. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-18-21. EDN GPCQMO.
20. Filyasova, Yu.A. (2020). Perfectionist personal construct modelling. *Systems Psychology and Sociology*, 4 (36), 58–69. EDN: AXWIAN.
21. Pozharskaya, E.L., Vasykin, B.S., Deberdeev, N.A. (2021). The problem of employee organizational values in today's economic environment. *Horizons of Economics*, 2(61), pp. 66–75. EDN: KIIFPT.

22. Filyasova, Yu. (2021). Perfectionist involvement in social and labour relations depending on personnel management style. *Upravlenie personalom i intellektual'nyimi resursami v Rossii*, 10, 1, pp. 30–36. DOI: 10.12737/2305-7807-2021-10-1-30-36. EDN: VZUBTK.
23. Bogomolova, A.V., Pylneva, T.G., Isaev, A.A. (2025). Opportunities for professional learning in the format of organizational culture values. *Science Prospects*. 1(184), pp. 156–160. EDN: XXKZLM.
24. Mitina, N.N. (2025). Emotional attachment as a management resource: from employer brand to the «lovemark» strategy. MODERN ECONOMICS: PROBLEMS AND SOLUTIONS, 8 (188), pp. 69–81. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2025/8/69-81. EDN: YFFAMK.
25. Yusupova, A.S. (2025). Human capital management in a culturally diverse environment: youth values and identity as a factor of organizational development. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 9, 3 (156), pp. 122–131. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.09.017. EDN: VHKCNC.
26. Bragin, A.G., Rodin, D.V. (2013). "The management of employees happiness" - simple words or effective way of increasing organizations competitiveness? *Sistemnoe upravlenie*, 4 (21), pp. 9. EDN: TICHMV.
27. Stepanov, I. G. (2020). Kak sdelat' svoih sotrudnikov schastlivymi. *Motivaciya i oplata truda*, 1, pp. 16–24. EDN: MIEHBP.
28. Chen, X., Chia, K.W. (2025). From family incivility to burnout among Chinese commercial aviation pilots: A moderated mediation role of psychological capital and happiness at work. *Research in Transportation Business & Management*, 63, 101490.
29. Martin, L., Villagran, M.A.L., Cragin, S. (2024). Emotional intelligence and happiness: Varied perspectives of supervisors and employees. *The Journal of Academic Librarianship*, 50, 6, 102978.
30. Kaklauskas, A., Kim, Y., Zilinskij, G., Gurcinas, V., Kaklauskienė, L., Naimaviciene, J., Milevicius, V., Naimavicius, S., Kildiene, S. (2025). Development of the affective customized office emphasizing indoor environment quality, employee performance, and happiness system. *Energy and Buildings*, 349, 116497.
31. Bencsik, A., Toth, Z., Jarmai, E. (2025). Indicators of organizational happiness: Adaptation of GNH of business to Christian culture. *Sustainable Futures*, 10, 101029.
32. Al-Edenat, M., Hawamdeh, N.A. (2024). Revisiting happiness at work within the hospitality sector: revealing the power of ethical leadership and group diversity. *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*, 12, 4, pp. 844–863

33. Kaur, R. (2023). The relationship between managerial leadership and employee happiness: Evidence from private universities in Punjab. *Organizational Psychology*, 13, 4, pp. 57–66. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-4-57-66. EDN: VKFPPG.
34. Maksimova, L.N. (2024). Influence of corporate values on the process of forming organizational culture. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 24, 4, pp. 66–72. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-4-66-72. EDN: PPISBN.
35. Gonçalves, T., Muñoz-Pascual, L., Galende, J., Oliveira, M., Curado, C. (2025). Techno-social systems and conservation of resources theory for workplace happiness: Evidence of linear and non-linear influences in healthcare. *Technological Forecasting and Social Change*, 212, 123910.
36. Filyasova, Yu.A. (2020). Defining the concept "emotional capital" and detecting its role in personnel management. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2, pp. 106–115. DOI: 10.18384/2310-6646-2020-2-106-115. EDN: RVIYUB.
37. Dumrongwong, K., Papangkorn, S. (2025). Happiness and IPO performance. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 46, 101044.

UDC 627.212

Khandsuren G., Ganchimeg J. Opportunities to Improve Port Operations (in case of Shiveekhuren port)

Khandsuren G.

School of Management
University of Mongolian Science and Technology
Ulaanbaatar, Mongolia

Ganchimeg J.

School of Management
University of Mongolian Science and Technology
Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. *The mining sector, especially coal mining and export, has a significant impact on the economic outlook of Mongolia. Coal exports account for about 4.0 percent of GDP, 35.1 percent of export earnings, and contribute a significant portion of budget revenues. The purpose of this study was to assess the current status of the terminal transportation capacity, export, and transportation of coal containers at Shiveekhuren Port, and to optimize operations and increase the efficiency of stakeholders. To this end, it is possible to show the current status of the terminal transportation and cross-border transportation stages, loading and unloading processes, and types of transportation. It is important to study the factors that affect the capacity of the container terminal's shipping area, which will contribute significantly to coal export and local development by resolving this issue, as well as the creation of new jobs and workforce for stakeholders. The results of the study will serve as a basis for assessing and assessing the current state of port operations.*

Keywords: *Border, port, terminal, transport, logistics, cargo, flow*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

I. INTRODUCTION

Within the scope of this topic, it is possible to increase the activities of the Shiveekhuren Port in Umnugovi aimag and increase export figures year by year, but the strategic importance of implementing it in that environment is not considered as an important reason for the growth of cash flow, which shows the slow development of the dry port and the country. The demand for freight transportation has increased, but the current infrastructure has reached its capacity limit.

Shiveekhuren port is one of the main gateways for Mongolia-China coal exports, and although the volume of transportation has been increasing year by year, the port area, control facilities, and road lanes have reached a level where they cannot fully meet the demand. The lack of capacity creates queues, extends export times, and causes economic losses. The demand for freight transportation has increased, but the current infrastructure has reached its capacity limit.

Shiveekhuren port is one of the main gateways for Mongolia-China coal exports, and although the volume of transportation has been increasing year by year, the port area, control facilities, and road lanes have reached a level where they cannot fully meet the demand. The lack of capacity creates queues, extends export times, and causes economic losses.

The coordination between the operations of border organizations is weak. The lack of full coordination among customs, professional inspection, and border military operations leads to issues such as overlapping inspections, delays, and multiple approval stages. Therefore, integrated management and a one-stop system for these organizations are necessary.

Relying solely on road transport in logistics is a risky structure. At the Shiveekhuren border port, transportation depends almost 100% on trucks, which increases accident and safety risks, raises coal transportation costs, and causes excessive congestion at the port.

The current layout and technological processes of the port are inefficient; cargo registration, parking, and yard organization are non-transparent, non-digital, complicated for drivers, and create queues.

The condition of the border area roads and infrastructure development do not meet the requirements, and the poor quality of roads leading to the port, as well as the substandard hard surface of the site, reduce transport safety, cause vehicle breakdowns, increase costs, and lead to operational failures due to precipitation and seasonal effects, creating risks. Cross-border transport coordination and discrepancies in standards between two countries. The regulation of cross-border transport between Mongolia and China faces issues due to factors such as the number of vehicles, scheduling, and compliance with standards. There is a need to improve the mechanism for bilateral cooperation. Since it is impossible to study all the reasons for choosing this topic in one research work, I have further deepened my research within the framework of two issues.

- Research questions/hypotheses: The research work aims to answer the following two questions:
 - Will the activities of stakeholders involved in port operations have a direct impact?
 - Will transportation increase by adding advanced equipment to port operations?

II. THEORY RESEARCH

The research work aims to answer the following two questions: Will the activities of stakeholders involved in port operations have a direct impact? Will transportation increase by adding advanced equipment to port operations? These processes are increasingly being resolved through the supply chain (SC), which is distributed across the value chain of logistics. Supply Chain Management (SCM) is playing an increasingly important role in business

practice. Supply chain management integrates all relevant internal parts of another company and external organizations — from raw material suppliers to merchants — into a horizontally connected. Based on an integrated strategy, it is possible to achieve shared goals and implement cost savings. To optimize the coordination of procurement, production, transportation, sales, and trade activities, it is important to exchange all critical data and interpret them uniformly.

This requires continuous information flow, high-level collaboration, and trust among participants. In this period when cost pressure in the market and demand for service quality from customers are increasing, it is no longer sufficient for a company to optimize its internal processes; it must also be competitive. However, it has become necessary for the company to focus on process optimization in a horizontal network that spans the entire logistics value chain. The goal is to align business processes from manufacturers, suppliers, transportation, warehouses, retailers, and partners to the end consumer, reduce costs, shorten transit times, and ensure the quality of products and services that meet customer demands. In recent years, the rapid expansion of global business and international trade has led to increased competition in the container port sector, which has become a notable characteristic. Liu 1995; Tongzon and Heng 2005; Yap and Lam 2005 [1].

In the context of globalization in production and consumption, new trends in international trade are making container transportation increasingly important. This has numerous technical and economic advantages compared to traditional transportation methods. Container ports located at the interface between sea and land transport play a central role in the container transportation process. The competition among container ports can be expressed as follows. Previously, the market for ports was perceived as monopolistic due to the fixed geographical location and concentrated congestion of the port. However, due to the rapid development of international container and various types of transportation, significant changes have occurred in market structures, leading to intense competition in many regions. Many container ports could no longer have an advantage with their own ships and deep draft channels, and had to compete with neighboring ports for cargo transport (Cullinane and Wang 2006) [2].

The fierce competition that defines the container port sector indicates an interest in measuring how efficiently its resources are being utilized, introducing subtopics. Theoretical research includes a detailed study of specific theories, theoretical foundations, research questions, hypotheses, and the developed research design within the subject area. Ports are a crucial link in the entire trade chain, so port performance has a significant impact on a country's international competitiveness.

To maintain competitiveness and improve performance it has been noted that advanced technical equipment and investment in infrastructure are necessary to accommodate large

ships with high average weight; on the other hand, port managers need to continuously evaluate operations, service supply, marketing, and sales processes. (Cullinane et al. 2006) [3]

However, physical expansion is limited in ports located in the city center due to land constraints and environmental issues. . Moreover, excessive and misdirected investments can create conditions for inefficiency and wastage of resources. Given such circumstances, it is crucial to optimally utilize internal infrastructure, maximize output with given inputs, and identify areas requiring improvement in inefficient ports (Le-Griffon et al. 2006) [4]. Moreover, excessive and misdirected investments can create conditions for inefficiency and wastage of resources. Given such circumstances, it is crucial to optimally utilize internal infrastructure, maximize output with given inputs, and identify areas requiring improvement in inefficient ports (Le-Griffon et al. 2006) [5].

In terms of container port performance, productivity and efficiency are the most important concepts and are often used to measure performance. Productivity plays a very crucial role in ports. This is because productivity has a significant impact on maintaining a competitive advantage and survival. Additionally, it serves as a useful tool for port administrations and operators in planning. Traditionally, the production capacity of container ports is evaluated through various experiments that calculate the productivity of cargo handling at the port and the operational efficiency of the container yard (Evers and Koppers 1996; Ashar 1997; Gehring and Bortfeldt 1997; Kim 1997; Kim and Bae 1998; Kim and Kim 1998, 1999; Robinson 1999; Avriel et al. 2000; Wilson and Roach 2000; Chu and Huang 2002; Imai et al. 2002). Traditionally, the production capacity of container ports is evaluated through various experiments that calculate the productivity of cargo handling at the port and the operational efficiency of the container yard (Evers and Koppers 1996; Ashar 1997; Gehring and Bortfeldt 1997; Kim 1997; Kim and Bae 1998; Kim and Kim 1998, 1999; Robinson 1999; Avriel et al. 2000; Wilson and Roach 2000; Chu and Huang 2002; Imai et al. 2002) [6].

In recent years, significant progress has been made in evaluating the performance of container port operations. If international container ports efficiently assess their operational performance and accurately identify their strengths, weaknesses, and opportunities, this information can be invaluable for port management in defining future competitive strategies and improving operational efficiency by utilizing resources more optimally. Analyzing the performance of each container port or terminal is of significant importance to the health of the port sector, the viability of players, and their competitiveness. Such analysis not only serves as a powerful management tool for port operators but also plays a crucial role in guiding regional and national port planning and operations. Measuring performance plays a crucial role in the development of a port (or other organizations).

Dyson (2000) [7] noted that measuring performance is essential for evaluating production

and clarifies the current state and future outlook of the system. The measurement of performance affects the behavior within the system and helps move the system in the desired direction. However, incorrectly defined performance metrics can lead to undesirable consequences and cause the system to move in the wrong direction. The measurement of port performance has developed along with changes in the industry. The simplest and most widely used method in this area is to use multiple partial production indicators (Ashar 1997; Cullinane 2002) [8]. Because the port is primarily an organization that provides services for ships, cargo, and internal transportation, on one hand, it may provide sufficient service to ship operators, while on the other hand, it may provide unsatisfactory service to cargo or internal transport operators. Therefore, it is not possible to evaluate the performance of the port with a single indicator in general. The main drawback of using multiple partial indicators is that it becomes difficult to determine whether overall performance has improved or worsened when some indicators improve while others deteriorate. To overcome this, Talley (1994) proposed a consolidated indicator for evaluating port performance, which is the shadow price of variable port capacity per dollar of revenue. Similarly, methods such as calculating port cost functions (De Neufville & Tsunokawa 1981) [10], estimating total factor productivity (Kim & Sachish 1986), and establishing port performance and efficiency models using multiple regression analysis (Tongzon 1995)[11] have been proposed. Performance evaluation studies have asked participants to assign weights to different factors, but these are often prone to subjective influence. In contrast, DEA is a method without such weaknesses, allowing for evaluation with multiple inputs and outputs without requiring data classification.

This study aims to exchange information on the operational efficiency of major container terminals in China and South Korea using three DEA models: DEA-CCR, DEA-BCC, and DEA-Super Efficiency. Based on the efficiency evaluation, first, the causes of inefficiency will be determined based on the efficiency score. Then, using slack variable analysis, areas for improvement in inefficient terminals will be identified. After that, using return to scale analysis, whether the terminal is increasing, decreasing, or stable in terms of scale will be assessed. This study includes three types of analysis under the DEA model. In the technical efficiency analysis, if the technical efficiency is less than 1 (technically inefficient), it indicates that the inputs and outputs being used are inappropriate and there is a need to reduce inputs or increase outputs. Also, by comparing the values of technical and scale efficiency, the one with the lower value indicates the main cause of inefficiency. Slack variable analysis clarifies the utilization levels of inputs and outputs, and specifies how many inputs need to be reduced and how many outputs need to be increased to make inefficient DMUs efficient.

III. RESEARCH METHODOLOGY

Shiveekhuren border crossing is an international road port located in the territory of Gурvantes souм, Umnugovi aimag, connecting Mongolia and China. This port is adjacent to the Ceke port in the Inner Mongolia Autonomous Region of China and is strategically located near major coal deposits such as Tavantolgoi and Nariinsukhait, making it an important gateway for the export of mining products. The Shiveekhuren port primarily exports coal, copper concentrate, and other mining raw materials, while imports account for a relatively small percentage. Within the framework of the Economic New Revival Policy and the Port Revival Policy, the Government of Mongolia issued Resolution No. 185 on July 2, 2021, deciding to establish a coal container transportation terminal at the Shiveekhuren border port in order to increase the capacity of Mongolia's border ports. In accordance with this resolution, nine enterprises operating in the Nariin Sukhait group deposit have jointly initiated construction work since 2021. These enterprises include Mongolyn Alt MAK Khuren Tolgoi Coal Mining, Usukh Zoos, SGGS, Terra Energy, San Trans, Javkhlant Ord, Khur Erdene Bayalag, and EAI LLC. On June 10, 2022, they established a joint company called Shivee Khuren Terminal and commenced operations. Shivee Khuren Terminal's export capacity is 17 million tons, equipped with a smart gate system, fiber optic internet network, RFID readers, concrete-paved area, a 40-meter long auto scale, tower lighting, forklift trucks, and fully equipped with 24-hour surveillance cameras. To ensure the comfort of terminal and customs government employees, a modern interior solution has been applied to a two-story office building for 41 people, which has been put into operation. In terms of organizational structure, the Shiveekhuren port operates with multiple entities such as state inspection agencies, port administration, freight forwarding companies, and mining export enterprises. This coexistence necessitates high levels of coordination and integration. However, inadequate information exchange and digitization, along with differences in working hours and inspection procedures, limit throughput capacity and extend downtime, becoming major contributing factors.

Table 1

Main Government Agencies

Custom organization	120-150 /shift system /	Customs clearance, taxes, control,
Border protection organization	150-180 /24/7 / model/	Border entry, safety
Professional inspection	40-60 /relevant agency /	Selective inspection/cargo, transport, standards, quarantine
Port administration	20-30 /organization /	Daily organization of the port,
Police, emergency	30-40 /safety /	Public order, risk readiness

Approximately 2,100 – 2,700 people work at the Shiveekhuren border crossing, with 15–20% employed by government organizations and 80–85% by private sector companies

Table2

Private sector organization

Type	Activity
Transport companies	Coal transportation, cross border logistics
Mining companies' exporters	Coal extraction, export organization,
Freight forwards and logistics companies	Documentation, planning
Loading and unloading services	Terminal services
Fuel and maintenance services	Transportation support services

In recent years, although improvements have been made to the border control facilities, customs, professional inspection, one-stop services for border protection, and some sections of the road at the Shiveekhuren port, the capacity for cargo throughput remains below actual demand. In particular, the long waiting times for road transport and insufficient logistics organization for loading and unloading are reducing the overall efficiency of the port. The port's operations are primarily based on road transport, with high border crossing traffic and seasonal characteristics (especially in winter).

Table 3

Personal private sector employees

Type	Activity
Transport companies	Coal transportation, cross border logistics
Mining companies' exporters	Coal extraction, export organization,
Freight forwards and logistics companies	Documentation, planning
Loading and unloading services	Terminal services
Fuel and maintenance services	Transportation support services

In recent years, Shiveekhuren Port has undergone improvements to its border inspection facilities, customs, professional inspection, one-stop border security services, and some road sections, but cargo throughput capacity remains below actual demand. In particular, long waiting times for road transport and inadequate logistics for loading and unloading reduce the overall efficiency of the port. The port's operations are primarily based on road transport, with high border crossing traffic and seasonality (especially in winter).

Table 4

Private sector employees

Directions	Approximately (person)	Description
Truck driver	1,200–1,500	Seasonal
Loading, unloading	300–400	Terminal, area
Logistics, brokerage	120–180	Documents
Repair, fuel, service	150–200	Supporting services
General (private)	1,770–2,280	

In terms of human resource capacity, port operations are still largely manual and highly manual, which reduces productivity and leads to working conditions, occupational safety and social issues. In particular, long queues of drivers, weak rest arrangements, and inadequate hygiene infrastructure negatively affect the sustainability of human resources. In addition, the lack of digital skills is hindering the full implementation of e-customs and smart port solutions.

Table 5

Structure by field of work

Direction	Percentage (%)	Features
Transport (driver)	~55%	Maximum port capacity
Supervision, inspection	~25%	Customs, border
Logistics, organization	~10%	Documentation, planning
Support services	~10%	Maintenance, fuel, safety

The port's operations are primarily based on road transport and are labor-intensive, which places significant pressure on human resource management. According to the study, approximately 2,100–2,700 people from the public and private sectors work directly and indirectly at Shiveekhuren Port, with the majority, or more than 50 percent, being road transport drivers. Meanwhile, government officials such as customs, border protection, and professional supervision make up 15–20 percent of the total human resources, ensuring port security and law enforcement.

Given the above situation, the development of Shiveekhuren Port is not limited to increasing throughput capacity, but requires a comprehensive consideration of corporate governance, human resource management, transport infrastructure, and digital transformation. In particular, the practical implementation of railway connections, reducing the structure dependent on road transport, and introducing automation and integrated information systems in port operations are the main ways to increase human resource efficiency.

The Shivee Khorun Terminal investor uses the area as a percentage of the investment and is connected to a unified network for internal transportation and mine registration information transmission and reception. Shivee Khorun Port borders Sehe Port, and Mongolia

carries out regular interstate cargo transportation from 16 mines through 8 temporary and permanent ports bordering China.

The main cargo in regular interstate cargo transportation is bulk cargo, i.e. dry and liquid cargo, as well as bulk cargo, minerals and mining, and the majority of this is coal transportation. The logistics development of the ports of the Inner Mongolia Autonomous Region, which are the main logistics routes for the joint implementation of the above activities by China and Mongolia, will directly affect the foreign trade and cooperation of the two countries. In the context of the development of foreign trade, the need for the development of port logistics along the border from China to Mongolia has increased year by year, and there has been a need to continuously continue the construction of port logistics and keep up with the growth of cross-border goods flows. It is believed that the way to develop logistics begins with determining the economic development prospects of the port.

By contributing to the development of a favorable transit environment for Mongolian ports, it is believed that the development policy and construction of border ports will be optimally coordinated, and trade activities between China and Mongolia will be carried out efficiently. By coordinating the border ports of the two countries, it will be easier to cross the border for people, vehicles, and cargo. Coal export transportation is being carried out through Shiveekhuren Port. Border and terminal transportation is economically profitable, but due to the slow progress of transportation, which depends on proper planning and execution, the terminal transportation performance cannot be operated at full capacity.

Table 6

Transportation of Shiveekhuren Port

Year	Coal Export (number/ton)	Note
2023	~19,000,000	Approximately 19 million tons of coal were exported through Shiveekhuren Port in 2023 (according to the recruitment report).
2024	~24,000,000	In 2024, approximately 24 million tons of coal were exported through the port.
2025	~26,000,000	According to media reports, a total of 26 million tons of coal were exported through Shiveekhuren Port in 2025..

Recent shipping data for 2023–2025 show that the volume of cargo exported through Shiveekhuren Port, especially coal, is on a steady rise. While approximately 19 million tons of coal were exported in 2023, this volume increased to 24 million tons in 2024, indicating a significant increase in the port's load and economic importance. However, the export volume is expected to reach 26 million tons in 2025, confirming that Shiveekhuren Port remains one of Mongolia's main coal export gateways.

However, as the volume of transportation increases, the problems of overloading of road

transport, downtime, and infrastructure adequacy are becoming more apparent. In other words, if the growth of exports does not develop in line with the efficiency and throughput capacity of the port, there is a risk of increasing logistics costs and increasing environmental and social pressures. Therefore, it is essential to further develop Shiveekhuren Port as a railway-connected, digitally managed logistics hub, and to reform its infrastructure and organization to accommodate the growth of transportation. This will be a fundamental condition for ensuring the stable operation of the port and increasing Mongolia's export competitiveness in the medium and long term.

The operation of Shiveekhuren Port remains a labor-intensive system that relies on multiple organizations and a large number of human resources. The majority of the total workforce is comprised of truck drivers and yard workers, making the port highly dependent on trucking. Therefore, automation, digital skills training, and rail-to-logistics transition are essential to increase human resource efficiency.

Table 7

SWOT analysis of Shiveekhuren Port

S – Strengths	W – Weaknesses
<ul style="list-style-type: none"> • Strategic location: Close to major deposits such as Tavan Tolgoi and Narynsukhait, and bordering the Sehe Port of China. • High export demand: Stable coal export flow, main outlet for the mining sector. • Internationally-ranked port: Recognized at the government level of both countries, high policy attention. • Port experience and institutional base: Customs, border, and professional inspection structures are in place. 	<ul style="list-style-type: none"> • Over-reliance on road transport: Limited throughput due to incomplete rail connectivity. • Long waiting times and queues: Long queues for goods, long inspection times. • Weak electronicization: Insufficient implementation of information exchange and one-stop systems. • Environmental pressures: Dust generation, road erosion, negative impact on local socio-economic conditions.
O – Opportunities	T – Threats
<ul style="list-style-type: none"> • Rail-port connectivity: The cost of exports can be drastically reduced by solving the rail connection. • Dry port / logistics hub development: Centralize loading, sorting, and warehousing services outside the port. • PPP, concession model: Opportunity to rapidly improve infrastructure through private sector investment. • E-customs, smart ports: Shorten entry times and increase transparency. 	<ul style="list-style-type: none"> • Differences in bilateral policies and procedures: Differences in Mongolia-China working hours and inspection arrangements. • Geopolitical and market risks: Coal demand, prices, and risk of border closures. • Tightening environmental regulations: Additional costs to export flows. • Competing ports: Increased capacity at other ports, such as Gashuunsukhait.

Shiveekhuren Port has strong advantages based on location and export demand, but structural and organizational weaknesses related to road transport are limiting its performance. Therefore, comprehensive implementation of investments based on rail connectivity, digitalization, and public-private partnerships is a key way to increase the port's

competitiveness.

The results of the study show that the current operation of Shiveekhuren Port has the following difficulties:

1. Excessive dependence on road transport due to incomplete railway connectivity;
2. Different working hours and inspection procedures at Mongolian-Chinese border crossings;
3. Delays due to insufficient electronic and information exchange systems;
4. Environmental, dust, and local socio-economic pressures.

These issues increase export costs and negatively affect the competitiveness of the mining sector.

The Mongolian government has begun to focus on a unified border port policy, increasing port capacity, improving rail-port connectivity, and developing ports as logistics hubs (dry ports).

For Shiveekhuren Port, the creation of a railway connection, digitalization of customs operations, and the possibility of using public-private partnerships (PPP) are being seriously discussed, which are important conditions for further development.

CONCLUSION

1. Shiveekhuren Port is an important strategic gateway for Mongolia's mining exports, but it is currently unable to operate at full capacity due to infrastructure, organization, and transportation constraints. Therefore, the development of the port needs to be considered within the framework of an integrated logistics system, not just a border crossing point.

2. Shiveekhuren Port is a strategically important road port for the export of mining products, especially coal, in Mongolia, and has seen a steady increase in transportation volume over the past three years. The volume of coal exported through the port is expected to reach 19–26 million tons between 2023–2025, indicating the increasing economic role and burden of the port. However, the growth in transportation has not yet fully matched the port's infrastructure, organization, and human resource capacity..

3. Shiveekhuren Port remains one of Mongolia's main export gateways, but there is currently a growth-based capacity-capacity gap. To address this gap, it is essential to develop the port from a traditional border crossing point to an integrated logistics hub, and implement policies based on public-private partnerships, investment, and human resource capacity-building.

4. It is necessary to establish freight logistics services to support business development by facilitating trade and transportation, and to optimize intercity distance and transportation planning.

5. The parties involved in port operations, such as the Buyer, Transport and Logistics Companies, Border and Customs, and other control agencies, can increase the overall efficiency of the port by openly exchanging information and working in coordination. Effective coordination between these parties will accelerate the flow of transport, reduce delays, accelerate cargo turnover, reduce costs, and raise the quality of port services to a new level. This cooperation between the parties involved is not only of continuous, but also of strategic importance for strengthening the competitiveness of regional trade and economy.

6. By introducing advanced technical and technological equipment into port operations and increasing capacity, there is a real opportunity to improve the speed of cargo transportation and sustainably increase export flows. The use of modern automated systems and high-capacity loading and unloading equipment will accelerate cargo turnover, shorten processing times, and thereby increase the financial flow of organizations, creating conditions that will have a positive impact on economic growth.

References

1. G. Eason, B. Noble, and I.N. Sneddon, "On certain integrals of Lipschitz-Hankel type involving products of Bessel functions," Phil. Trans. Roy. Soc. London, vol. A247, pp. 529-551, April 1955. (*references*)
2. J. Clerk Maxwell, A Treatise on Electricity and Magnetism, 3rd ed., vol. 2. Oxford: Clarendon, 1892, pp.68-73.
3. I.S. Jacobs and C.P. Bean, "Fine particles, thin films and exchange anisotropy," in Magnetism, vol. III, G.T. Rado and H. Suhl, Eds. New York: Academic, 1963, pp. 271-350.
4. K. Elissa, "Title of paper if known," unpublished.
5. R. Nicole, "Title of paper with only first word capitalized," J. Name Stand. Abbrev., in press.
6. Y. Yorozu, M. Hirano, K. Oka, and Y. Tagawa, "Electron spectroscopy studies on magneto-optical media and plastic substrate interface," IEEE Transl. J. Magn. Japan, vol. 2, pp. 740- 741, August 1987 [Digests 9th Annual Conf. Magnetism Japan, p. 301, 1982].
7. M. Young, The Technical Writer's Handbook. Mill Valley, CA: University Science, 1989.

UDC 33

Kozlova I.D. The Highway of Professional Issues: Incentives and Motivation

Магистраль профессиональных вопросов: стимулирование и мотивация

Kozlova I.D.,

Candidate of Technical Sciences

Козлова И.Д.,

кандидат технических наук

Abstract. *The article considers an important aspect that increases the competence of the manager in terms of understanding the issues of stimulation and motivation of personnel. Despite the expanded presentation of this material in books, publications, articles, the author is based on practical experience, non-standard thinking, philosophical approach, really showing the place of stimulation and motivation in personnel management.*

Keywords: *staff motivation, stimulation, the difference between stimulation and motivation, the line of the universe, the goal of the leader, self-motivation, the goal of the HR service.*

Аннотация. В статье рассматривается важный аспект, повышающий компетенции руководителя в части понимания вопросов стимулирования и мотивации персонала. Несмотря на расширенное изложение этого материала в книгах, публикациях, статьях, автор базируется на практическом опыте, нестандартном мышлении, философском подходе, действительно показывая место стимулирования и мотивации в управлении персоналом.

Ключевые слова: мотивация персонала, стимулирование, различие между стимулированием и мотивацией, линейка мироздания, цель руководителя, самомотивация, цель HR-службы.

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

*Не существует такой проблемы, в которой бы не было бесценного дара для тебя. Ты создаёшь проблему, потому что эти дары тебе крайне необходимы.
Ричард Бах «Иллюзии»*

Сколько уже написано-переписано по стимулированию и мотивации, что и затрагивать эту тему, казалось бы, и не серьёзно. Мне, эксперту с большим практическим опытом было все понятно:

«Стимулирование – побуждение человека через внешние стимулы к целенаправленной деятельности»;

«Мотивация – это прямое воздействие на ключевую потребность человека, результатом которого является быстрое изменение его психологического состояния, отношения к тем или иным явлениям, и — самое главное — его поведения». Коротко: стимулирование – процесс внешнего воздействия, мотивация – внутренний процесс.

На практике большинство руководителей употребляют любимый термин – «мотивация». Никакого разделения между стимулированием и мотивацией практически никто не делает. Некоторым руководителям порой даже не интересно знать: «Какая разница!». А разница всё-таки есть и далеко не в нюансах.

Термин «мотивация» стал более распространенным только последние десятилетия. Раньше в Советском Союзе говорили о стимулировании труда. И стимулировали, делая акцент на идейные установки. Позже перешли к пониманию материального и нематериального стимулирования. Все постулаты были изложены во множествах томов нормативных документов, причём, отдельно по отраслям промышленности.

Есть ли граница между стимулированием и мотивацией, если есть, то где? Граница между внешним и внутренним? ...

Начиная рассуждать, приходишь к пониманию того, что границы между ними нет. А, возможно, происходит процесс «расчёски», когда одна сторона «заходит» на другую сторону? Как это интересно не только понять, но и на практике увидеть! Возможно, происходит превращение стимулирования в мотивацию?

Без «свисания» у меня легло на полки профессиональных знаний – стимулирование «рождает» мотивацию... Обосную эту мысль...

Число 7 – таинственное, магическое, чудесное... Главная тайна мироздания: «Тайна за семью печатями...». Бог создал Землю за семь дней, семь нот гармонии, белый цвет состоит из волнового слияния семи цветов, семидневные фазы Луны и т.п. Числу семь присуща магия, святость и таинственность. В газетах США в начале 20 века приводились доказательства Ивана Панина, математика и лингвиста, что к созданию Библии руку приложил сам Творец. Математический анализ показал прямую связь писания с цифрой 7, начиная с цифрового значения слов, их количества, количества гласных и согласных и др.

Используем эту цифру для рассмотрения 7 этапов «рождения» мотивации, используя некоторые принципы построения линейки мироздания:

1 ЭТАП – стимулирование и мотивация существуют отдельно друг от друга, между ними нет связи. Человек испытывает дискомфорт. Его ничего не радует. Отсутствуют какие-либо «поползновения» со стороны руководителя как-то улучшить обстановку. «Я не хочу работать»;

2 ЭТАП – «Может, у меня всё-таки появится желание работать? Еще присмотрюсь...»;

3 ЭТАП – «Что меня здесь держит? Не понимаю...»;

4 ЭТАП – «Ничего не получается... Надо увольняться с работы...»;

5 ЭТАП – «Мне кажется, руководитель стал оценивать мой труд... Это для меня важно...»;

6 ЭТАП – «Мне нравится, что меня замечают и ценят»;

7 ЭТАП – «Как здорово, что я работаю здесь!»

Таким образом, происходит влияние внешних условий на внутреннее состояние человека, его внутреннюю энергию.

Стимулирование никуда не исчезает при рождении мотивации, оно динамично, как и мотивация. Не случайно, на Востоке пожелание стабильности приравнивается к смерти – только движение и развитие! Эти два направления существуют параллельно, влияя друг на друга. Так внешнее рождает внутреннее.

Когда руководитель говорит о мотивации – «у меня персонал мотивирован» – это должно означать, что схемы стимулирования действуют, и породили внутренний оптимизм сотрудника работать на «отлично» и с удовольствием.

Высшим апогеем является самомотивация, когда стимулирование уже не имеет такого значения. Это самая блестящая цель руководителей и HR-персонала, когда создаются уникальные условия работы с точки зрения самомотивированности и чувствования.

Эклектика учит, что истина многозначна, может соединять разнотипные теории и взгляды. Знание изложенных в статье принципов легко может возместить незнание некоторых фактов.

Надеюсь, что данная статья станет кирпичиком в этой сложной науке управления персоналом.

References

1. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. – М.: Гросс-Медиа, 2005.
2. Аширов Д.А. Трудовая мотивация. Учебное пособие. – М.: Проспект, 2005.
3. Козлова И.Д. «Наше лучше – российская грейдовая система оплаты труда». Журнал «Экономические исследования и разработки» Научно-исследовательский электронный журнал. Март 2023 г. Выпуск 3 (1), с. 82.
4. Козлова И.Д. « Небольшая россыпь практической мудрости в области оплаты труда» Журнал «Экономические исследования и разработки» Научно-исследовательский электронный журнал. Октябрь 2025 г. Выпуск 10 (1), с. 59.
5. Иванова С.В. Мотивация на 100%: А где же у него кнопка? – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
6. Что такое стимулирование и его главное отличие от мотивации? Персональный менеджмент. Дзен 10 мая 2023 года.

UDC 159

Kurshakova D.S. Happiness as a Psychological and Social Concept in Scientific Discourse

Kurshakova Diana Sergeevna,

Master Degree Student

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Research supervisor:

Filyasova Yu.A.,

PhD in Philology, Associate Professor

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract. *The article contains the results of a discursive study of happiness as a subject of scientific analysis based on 100 scientific articles (2024-2025), selected on the website sciencedirect.com with the help of the continuous sampling method and analyzed with the application of semantic connection identification, semantic categorization, and constructive analysis of the concept. The areas of the concept implementation in the scientific discourse are as follows – psychology, sociology, ecology, and medicine. Happiness is a multidimensional concept realized in various scientific fields that reflect different spheres of human life. Conceptual links cover, among others, such phenomena as mental health, optimism, healthy lifestyle, strong health, longevity, social connectivity, social networking sites, forest cover, park management, ecosystem services, clean energy, green spaces, urban environment, favorable ecosystem.*

Keywords: *semantic relationships, concept construction, conceptual constituents, semantic opposites, well-being, life satisfaction, social responsibility*

Рецензент: Белан Елена Альбертовна, д. психологических наук, доцент, профессор кафедры философии, теологии и религиоведения в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

1. Introduction

Happiness is defined as that based on the transformation from an external circumstance to an internal emotional condition, and comprises emotional, rational, ethical and pragmatic components [1]. Happiness is understood as an intangible concept – state of mind, positive feeling, carelessness, life satisfaction, and life completeness [2], well-being, bliss, luck, destiny [3], peace, joy, overcoming difficulties, enjoyment in life, the opportunity to be loved, anticipation of the future, and health [4], nature enjoyment, home, family, travel, return to home [5].

Happiness embraces the career-related semantic components: *contentment, well-being, life satisfaction, success, good luck, fortune, destiny, fate, pleasure, contentment, the desire to do something* [6], good quality of life – satisfaction with oneself, positive life perception, energy, positive self-assessment, high self-esteem [7], achieving success [8; 9], money, success [10], success and glory [11], success, good luck, fortune, abundance of food

[12], career, high status, fame and recognition, leadership positions, apartments, cars, travel [13].

Self-improvement, with reliance on activity-based perfectionism, is a conscious process of personal development, a trend set in the modern social environment [14; 15] – a path to achieving perfection through consistent work on oneself in all aspects: mental, physical, moral, and professional [16]. Self-improvement at work, or perfectionism, is a form of happiness since it leads to professional growth, increased self-esteem, and a stronger sense of competence and fulfillment [17]. Moreover, perfectionism is expected by employers as a positive quality contributing to enhancing corporate morale and strengthening performance due to the positive attitude to work commitments and elevated ambitions [18]. Happiness in the workplace is understood as competence growth, improved performance, valuable contribution and recognition [19] – which are possible due to perfectionism at work [20]. Happiness as a social phenomenon is associated with wealth, harmony, equality, freedom, legality, integrity, work commitment and dedication, resulting in economic development [21]. A positive psychological atmosphere is crucial for organizational morale maintenance and keeping team spirit at a sufficient level [22].

2. Materials and methods

The aim of this study is to investigate happiness as a subject of research and identify key conceptual relationships with related phenomena. Research discourse³ served as the material for the research. The volume of the research material amounted to a hundred of research papers which were selected by the keyword ‘happiness’. Research article titles and abstracts were analyzed for key conceptual connections, semantically related to happiness. It was found that happiness is a subject of research analysis in many fields of science. The results of the conducted analysis, presented below, reflect the main semantic relationships, some of them are provided with references to the research articles devoted to happiness. The material was examined with the help of discourse analysis, semantic relationship analysis, semantic categorization, constructive analysis and happiness concept design.

3. Findings

The obtained results provide an overview of a professional view of happiness which exceeds the framework of a traditional approach to the concept as a subjective attitude to life and embraces more social aspects aimed at improving perception of the social environment in the collective mind of population. Happiness is in the focus of psychological, sociological, environmental and medical research. In the area of psychology happiness is characterised by connections opposite in meaning, for example, depressed mood; anxiety; depression; adverse childhood; negative thoughts. In the other areas, happiness semantically lateral connections,

³ Happiness. [Electronic research]. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (accessed: 17.09.2025)

such as income, consumption, digitalization, brand management, park management, health, body mass index.

3.1. Psychological view

Happiness in the field of psychology is considered in relation to various adverse mental conditions which interfere with normal course of life and disrupt the attitude towards life from within the human mind, for example, depression, anxiety, or negative automatic thoughts (NATs). A person dominated by NATs is likely to struggle to experience happiness because their internal monologue is consistently focusing on negative aspects of themselves and their environment [23]. Depression is characterized by persistent sadness, loss of interest in activities, and feelings of hopelessness, all of which are antithetical to happiness. Extreme anxiety is incompatible with happiness; however, moderate levels might have specific links to it.

Mental health encompasses emotional, psychological, and social well-being. Individuals with good mental health are better equipped to manage stress, form healthy relationships, and experience positive emotions, all of which contribute to overall happiness. Happiness is not about constant euphoria; instead, it is about having a healthy balance of emotions, including the ability to experience and cope with negative emotions in a constructive way. Emotional regulation skills, such as strategies for managing stress and expressing oneself healthily, are crucial for maintaining happiness in the face of life's inevitable challenges.

Adverse childhood experiences (ACEs) like abuse, neglect, and household dysfunction significantly decrease the likelihood of experiencing happiness in adulthood [24]. Adolescence is a period of significant psychological change and challenges, often resulting to the instability of happiness; positive mental health and healthy support systems and mechanisms could be helpful. Young adults are often focused on establishing careers, forming intimate relationships, and achieving financial independence. These transitions can be both exciting and stressful. Happiness during this period is often tied to goal attainment, relationship satisfaction, and a sense of purpose.

Theories of human development, for instance, Erikson's stages of psychosocial development, suggest that our experiences and challenges at different life stages influence our sense of well-being and happiness. Positive experiences, supportive relationships, and successful resolution of developmental tasks contribute to a greater capacity for happiness. Optimism is associated with greater resilience to stress, improved problem-solving abilities, and a greater likelihood of pursuing goals. Optimists are often more proactive in creating positive experiences and are better at appreciating the good things in their lives. Optimism fosters a sense of hope and possibility, which are essential for experiencing happiness.

3.2. Sociological view

From the sociological view happiness is considered through social values for individuals and groups. Happiness lies in successful adaptation to various circumstances. In the modern environment with integrated digitalized tools, robots and artificial intelligence happiness implies increased convenience, access to information, automation of tedious and monotonous tasks, new forms of entertainment, and potential for improved healthcare [25]. Smart urbanism has a substantial potential for happiness owing to more efficient infrastructure, better services such as transportation, waste management, safer environments, smart lighting, security systems, and improved access to information. Daily happiness is built on purposeful, enjoyable, and meaningful activities which contribute to achieving a sense of fulfillment.

High levels of public trust in institutions – government, law enforcement, media – are linked to higher levels of social cohesion and a sense of security. When people trust their institutions, they feel more confident about the future and less anxious about potential threats. Happiness is expressed through increased opportunities for advancement and improvement in social status, associated with greater financial security, access to better resources, and a sense of accomplishment. The opportunity to improve family-related economic circumstances is perceived as happiness.

Strong social networks, supportive relationships, and a sense of belonging are fundamental to happiness. They are complemented by freedom from work-related stress, more time for leisure activities, and opportunities to pursue personal interests. Scientific research into middle-aged women's happiness is closely related to their ability to navigate multi-tasking – career, family, health – meeting societal expectations [26]. Happiness is influenced by their ability to successfully maintain multi-faceted social connections.

3.3. Environmental view

Street greenery – grass, flowers, bushes, trees, green walls – can transform urban environments, making them more aesthetic; reduce air pollution, and provide shade. Parks give opportunities for recreation, relaxation, and social interaction. Well-designed urban parks, productive farmlands are associated with positive emotions and happiness [27]. In addition, green areas offer opportunities for various recreational activities like hiking, camping, and nature walks. Effective park management is essential for ensuring that parks are accessible, safe, and enjoyable for all demographics. Parks can also play a vital role in conserving biodiversity and habitat for wildlife.

Green disparities, i.e. unequal access to green spaces, clean air, and healthy environments, can have serious consequences for physical and mental health, undermining happiness in disadvantaged communities. Addressing green disparities through policies of green equity is essential for promoting social justice and overall happiness. Access to forests,

even visual access, is strongly linked to reduced stress, improved mood, and increased feelings of happiness. The aesthetic beauty of forests, the sense of tranquility, and the connection to nature all contribute to positive mental health outcomes.

Climate change represents a major threat to future well-being. Climate finance used effectively, aims to mitigate these risks and promote adaptation measures, which can provide a sense of hope and security, reducing climate anxiety and fostering a more optimistic outlook [28]. Climate finance can support the transition to a more sustainable economy, creating new jobs, promoting innovation, and improving overall quality of life, contributing to happiness by fostering a sense of purpose and progress towards a better future. Furthermore, climate finance addresses the disproportionate impacts on vulnerable communities.

Eco-tourism focuses on responsible travel that conserves the environment and supports local communities. This form of travel can promote happiness by providing a sense of purpose and contributing to positive social and environmental outcomes. Supporting biodiversity and preserving natural ecosystems promotes ecological health and contributes to the overall quality of life. Additionally, choosing sustainable travel options (public transport, local accommodation, reducing waste) can align travel with values of environmental responsibility [29], potentially leading to more authentic happiness.

3.4. Medical view

Physiologically, happiness is associated with the release of specific neurotransmitters in the brain, such as dopamine (associated with reward and pleasure), serotonin (responsible for mood regulation), and endorphins (stimulating pain relief and euphoria). Other positive emotions, like gratitude and love, are linked to different neurochemical profiles (e.g., oxytocin). Measuring these chemicals can provide a physiological snapshot of emotional states. Neuroimaging studies reveal that happiness and positive emotions are associated with increased activity in specific brain regions, such as the prefrontal cortex (associated with decision-making and emotional regulation) and the amygdala (involved in processing emotions). Happiness can also influence physiological indicators such as heart rate variability (HRV, a measure of the variation in time intervals between heartbeats, can reflect the body's ability to respond to stress), blood pressure, and cortisol levels (a stress hormone) [30]. Higher HRV and lower cortisol levels are often associated with better well-being.

Access to quality healthcare is essential for preventing and treating illness, managing chronic conditions, and promoting overall well-being. Lack of such access, on the other hand, can lead to physical and mental health problems that negatively impact happiness. Healthcare models, prioritizing patient-centeredness and focusing on individual needs, preferences, and values of patients, enhance satisfaction, improve health outcomes, and positively influence happiness. Investing in preventative healthcare measures, such as screenings, vaccinations,

and health education, are likely to prevent illness and promote long-term health and well-being, ultimately contributing to greater happiness.

The relationship between happiness and body mass index (BMI) is complex and not necessarily linear. While some studies suggest that happiness can lead to healthier lifestyle choices (exercise, balanced diet) and therefore lower BMI, others suggest the opposite [31].

Good oral health – healthy teeth and gums, fresh breath – contributes to self-esteem and confidence [32], which in turn positively influences mood and happiness. Oral health issues – tooth decay, gum disease, bad breath – provoke social anxiety and avoidance, negatively impacting social interactions and reducing opportunities for happiness.

Pain, especially chronic pain, is a radical opposite to happiness, interfering with daily activities, reducing quality of life, and causing depression, anxiety, and social isolation [33]. While pain medication can provide temporary relief, the opioid crisis highlights the potential dangers of relying solely on pharmacological solutions. Opioids can lead to addiction, overdose, and other negative consequences that diminish happiness on its own.

Individuals with restricted health opportunities face with significant challenges; nevertheless, many individuals with disabilities report high levels of happiness and life satisfaction, which underscores the importance of adaptation, resilience, and social support in maintaining well-being despite physical limitations [34]. Moreover, social inclusion and access to education, employment, and recreation, are crucial for promoting happiness and well-being of individuals with disabilities.

Studies of aging and happiness reveal significant cultural variations, for example, older adults in Japan and some European countries report higher levels of happiness and life satisfaction compared to older adults in other parts of the world [35]. Strong social networks, family connections, and community involvement are important predictors of happiness in older age. Maintaining a sense of purpose and meaning in life – through volunteering, hobbies, or creative pursuits – is equally crucial for promoting well-being in older age.

Healthy longevity focuses on promoting health and preventing disease throughout the lifespan, with the goal of extending both lifespan and healthspan, or the number of years lived in good health. This translates to increased opportunities for happiness. Understanding the value of healthy habits since young age prevents chronic diseases and improves overall quality of life, leading to a longer and happier life. Intrinsic capacity (IC), a measure of an individual's physical and mental capabilities, plays an important role in maintaining functionality in older age. In addition, resilience is the ability to bounce back from adversity and adapt to challenging life circumstances [36], being a buffer against stress, trauma, and illness; therefore, resilience is a key factor in maintaining well-being and happiness.

4. Conclusion

To summarize, happiness is a multifaceted concept influenced by social, psychological, marketing, ecological, and medical factors. Psychologically, happiness involves managing mental health and mitigating depression, anxiety, and negative automatic thoughts. Cultivating optimism and developing coping mechanisms for depressed mood are crucial. In the field of sociology, happiness originates from a sense of supportive neighborhood environments, public trust, access to free education, and livability in urban settings, balanced with healthy daily activities. From the ecological perspective, access to forest cover, green spaces, and managed parks, combined with street greenery, contributes to happiness by providing stress-reducing environments and improving air quality. Protecting the landscape and promoting clean energy are fundamental for a healthier, happier society. Addressing green disparities ensures equitable access to these benefits. Utilizing climate finance to promote ecological balance increases ecosystem services, reduces harmful emissions like CO₂, and ultimately contributes to long-term well-being. As a medical phenomenon, happiness is linked to physical health and well-being, including maintaining a healthy body mass index, addressing oral health, and managing pain. Access to quality healthcare and utilizing health technology are essential. Promoting resilience and understanding the effects of aging and disability are crucial for maintaining a high level of intrinsic capacity.

References

1. Baglai, N.O. (2025). The versatility of the HAPPINESS concept in English: Lexico-semantic analysis. *Modern Professional Education*, 6, pp. 194-199. EDN: DIUVYM.
2. Terekhova, T.M. (2011). What HAPPINESS is composed of. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, pp. 78–84. EDN: PXZRVD.
3. Ivanov, A.V., Ivanova, R.A. (2021). Lexeme GLÜCK in German dictionaries of the 16th–19th centuries: Lexicographic representation and interpretation of its conceptual content. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 53, pp. 9–22. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-9-22. EDN: ZYMAPD.
4. Li, Y. (2023). The lexeme ‘HAPPINESS’ in the language consciousness of Russian and Chinese university students. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 3 (15), pp. 44–53. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-3-44-53. EDN: BJQLEP.
5. Sulitsa, O.A. (2018). Linguacultural analysis of the spacial and temporal culture codes in the Japanese and English proverbs about HAPPINESS. *Scientific Notes of Orel State University*, 3 (80), pp. 148–150. EDN: BILBPK.

6. Sokova, O.Y., Kovalenko A.A. (2022). The national specifics of the concept of HAPPINESS in Russian and English. Language. Culture. Education, 7, pp. 26–30. EDN: IYAGLT.
7. Solovey, L.B., Kotova, E.V., Mitrofanov, E.P. (2024). The interrelationship between the subjective experience of happiness and the quality of life of students. Systems Psychology and Sociology, 4 (52), pp. 62–69. DOI: 10.24412/2223-6872-2024-452-62-69. EDN: NALSIQ.
8. Avramova, V.N. (2016). "HAPPINESS" in Russian and Bulgarian mentality. Bulletin of Moscow Region State University, 4, 19. EDN: XKPKDX.
9. Kanarskaya, L.G., Sakhanina, E.S. (2022). Phraseosemantic microfield in the semantic field "HAPPINESS" in the Russian language. Science and Education, 2 (5), 27. EDN: EAYMWR.
10. Butakova, L.O., Goots, E.N. (2021). Subjective semantics of value oriented words: Trend study of lexeme HAPPINESS. Ethnopsycholinguistics, 1 (4), pp. 8–31. DOI: 10.31249/epl/2021.01.01. EDN: EEGWXB.
11. Arsalieva, E.Kh. (2020). Representation of the concept of "HAPPINESS" in English paremies. Baltic Humanitarian Journal, 9 (30), pp. 159–162. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0038. EDN: YBKCKF.
12. Chertykova, M.D. (2022). Conceptual space HAPPINESS in Turkic languages of Siberia. Tomsk journal of linguistics and anthropology, 1 (35), pp. 92–105. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-1-92-105. EDN: MSIRNS.
13. Kashina, O.P. (2020). The problem of the subjective feeling of happiness of a modern woman. Sociosphere, 3, pp. 84–87. EDN: NAAOGL
14. Filyasova, Yu.A. (2020). Perfectionist personal construct modelling. Systems Psychology and Sociology, 4 (36), 58–69. EDN: AXWIAN
15. Filyasova, Yu.A. (2022a). A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2 (13), pp. 382–395. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395
16. Filyasova, Yu.A. (2021a). Perfectionism as a personal type of social behavior. Sociology, 1, pp. 46–55. EDN: DHUWLB.
17. Filyasova, Yu.A. (2022b). Perfectionism as an expected job seekers' social quality in online recruitment. Digital Sociology, 2 (5), pp. 21–32. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-21-32. EDN: QZFBUE.
18. Filyasova, Yu.A. (2021b). Perfectionist workers: main qualities and features of career growth management. Social and Labor Researches, 3 (44), pp. 157–169. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-44-3-157-169. EDN: IJRWGT.

19. Kaur, R. (2023). The relationship between managerial leadership and employee happiness: Evidence from private universities in Punjab. *Organizational Psychology*, 4 (13), 57–66. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-4-57-66. EDN: VKFPPG.
20. Filyasova, Yu.A. (2022c). The concept of Japanese perfectionism, quality management and brand development. *Sociology*, 2, pp. 294–302. EDN: OPRGYH.
21. Voytsekhovich, A.A., Tsyzi, V.F. (2019). Slogans about HAPPINESS in China. *Linguistics & Polyglot Studies*, 4 (20), pp. 101–108. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-101-108
22. Tumashik, N.V., Gulpenko, K.V., Filiasova, Yu.A. (2018). Anti-crisis personnel management: Analysis of negative factors and multi-purpose strategic planning (Russia, St. Petersburg). *Problemy Sovremennoj Ekonomiki*, 4 (68), pp. 80–85. EDN: YYFNBJ.
23. Yao, H., Fang, J., Xie, R., Wang, X., Wang, D., Li, W., Ding, W. (2025). Negative automatic thoughts, gratitude, and subjective happiness in Chinese children: A cross-lagged panel analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 99, 101832.
24. Erus, S.M., Uygun, E.G., Deniz, M.E., Satıcı, S.A. (2024). Adverse childhood experiences and subjective happiness: Half-longitudinal mediation role of family sense of coherence. *Personality and Individual Differences*, 230, 112810.
25. Wang, W., Han, W.-Z. (2025). Do industrial robots bring happiness? The moderating role of public trust. *Economic Analysis and Policy*, 86, 380-398.
26. Liu, H., Cai, K., Wang, J., Chen, J., Zhang, H. (2025). Translation and psychometric validation of the Chinese version of the happiness scale for middle-aged women. *Healthcare and Rehabilitation*, 3 (1). 100036.
27. Navarrete-Hernandez, P., Kiarostami, N., Yang, D., Ozcakir, A. (2024). Green Enough? A dose-response curve of the impact of street greenery levels and types on perceived happiness. *Landscape and Urban Planning*, 251, 105130.
28. Simon, S., Winer, E.S. (2025). Fear of happiness and devaluation of positive climate information in climate-concerned individuals. *Personality and Individual Differences*, 246, 113377.
29. Jung, S., Shin, H., Lee, H. (2025). Longitudinal analysis of happiness changes in nature-based travel. *Annals of Tourism Research*, 114, 104017.
30. Li, R. (2025) Research on the Pathways for Mental Health Maintenance and Happiness Enhancement from a Preventive Medicine Perspective. *American Journal of Preventive Medicine*, 2-1 (69), 107928.
31. Yen, H.-Y., Lin, G.-H., Huang, H.-Y. (2025). Increased body mass index may have more happiness, life satisfaction, and self-rated health in the aging process: A 10-year longitudinal study. *Geriatric Nursing*, 64, 103373.

32. Abbas, H., Takeuchi, K., Kusama, T., Kiuchi, S., Kondo, K., Osaka, K. (2025). Oral health and happiness after 3-years with causal mediation of oral functions. *Journal of Dentistry*, 162, 106036.
33. Basnet, R., Pathak, A., Jensen, M.P. Thagunna, N.S., McAuley, J.H., Sharma, S. (2025). Subjective Happiness Scale: Measurement properties of the online and paper-pen administrations in Nepali adults with musculoskeletal pain. *Brazilian Journal of Physical Therapy*, 5 (29), 101245.
34. Dahl, O., Monrad, M. (2025). The tragedy of promising happiness through overcoming disability. *Social Science & Medicine*, 367, 117769.
35. Oshio, T., Shimizutani, S. (2025). Comparing age-happiness relationships between Japan and Europe. *The Journal of the Economics of Ageing*, 32, 100606.
36. Peng, K.-Y., Chen, Z.-J., Tang, F.-P., Lee, S.-C., Tung, H.-H., Chen, K.E., Chen, L.-K., Hsiao, F.-Y. (2025). Vitality attributes and their associations with intrinsic capacity, resilience, and happiness in community-dwelling adults: Results from Gan-Dau Healthy Longevity Plan Wave 2. *The Journal of Nutrition, Health and Aging*, 7 (29), 100559.

UDC 33

Nyambayar Chimid-Ochir. Validation of the Organizational Culture Assessment Instrument: a study using the Competing Values Framework in a medical organization

Nyambayar Chimid-Ochir

School of Management,
Mongolian University of Science and Technology, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. Aim: Organizational culture (OC) is a critical factor in organizational success. Today, OC is regarded as the main driving force behind decision-making in organizations and as a key determinant of their effectiveness. The purpose of this study was to identify the dominant culture type based on organizational culture dimensions (Dominant Characteristics, Organizational Leadership, Management, Organizational Glue, Strategic Emphases, and Criteria for Success). The study utilized the Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) based on the Competing Values Framework (CVF) to determine the dominant culture type.

Methods: The data was collected using modified questionnaires adapted to the Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) based on the Competing Values Framework (CVF). These questionnaires aimed to measure clan, adhocracy, hierarchy, and market organizational cultures across 6 domains. Responses were structured using a Likert scale. Additionally, the questionnaire included demographic characteristics of participants, such as age, position, tenure at the healthcare organization, educational qualifications, and experience.

The target population of the study consisted of healthcare organization employees, with a sample size of 107 participants (N=107). This sample was divided into two categories: employees and clinical staff.

Results: The Cronbach's alpha coefficient (α -reliability statistic), which determines the content validity and reliability of the questionnaire, was between 0.6 and 0.8. In the coefficient was 0.69 for clan, 0.83 for adhocracy, 0.81 for hierarchy and 0.75 for market dimension. Compared to the previous studies in this area, these values were adequately reliable to conduct this study (Cameron and Quinn, 2006).

Conclusions: This study aims to provide a basis for a more accurate assessment of organizational culture, to improve its validation, and to provide a deeper understanding of the impact of organizational culture types. The results of the study revealed that clan culture is dominant in healthcare organizations. However, in some dimensions (Dominant Characteristics, Organizational Leadership, and Employee Management), in addition to clan culture characteristics, three other types of cultural characteristics were also found. It was also found that there were statistically significant differences in the strength of culture depending on the demographic characteristics of some respondents.

Keywords: Organisational culture (OC), Organisational culture assessment instrument (OCAI),

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

INTRODUCTION

The socio-cultural environment of the country determines the norms of behavior of people and employees of the organization through laws, rules, and social norms. Similarly, organizational culture, on the one hand, is a reflection of the traditional culture of the nation and people, and on the other hand, is a system of values, beliefs, norms, and behaviors that all employees accept and respect (Ya. Shuurav, 2015).

An organization is a set of resources united for a specific purpose, and this reflects the state of the system. (Kh. Purevdagva D.L., 2013, p.8) Therefore, the successful achievement of the goals set by the organization depends on the knowledge, experience, interpersonal relationships, and organizational culture of the employees. When an organization is established, organizational culture is also formed.

There is a tremendous history of published research where the Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) was used in various settings and results identified current and preferred culture dimensions. There is overwhelming evidence from scholarly researchers like Cameron & Quinn, 2006:2011, Schein, 2009:2010, and Denison, 2004 to suggest that leaders should be held accountable and responsible for understanding and leveraging their organization culture so that business outcomes are met.

This research study addresses the implementation of OCAI instrument on employees within an organization and the effects on the culture change as an outcome from the use of the OCAI.

The OCAI was used by the leader to gain a deeper understanding of the organizations' current perceived culture.

The data collected from employees indicated the cultural gap in the organization's present versus desired culture. The data was used to change the organizations' beliefs, values, and basic underlying assumptions as a change in the organizational culture.

Of all the culture assessment approaches reviewed by the leader, the OCAI stood out due to its reputation in the academic community and its solid theoretical foundation which is based on the Competing Values Framework (Cameron & Quinn, 2011).

The OCAI was developed by Kim Cameron and Robert Quinn (2011) and is the world's most popular instrument that helps organizations' identify current and preferred organizational culture (Fox, 2013).

Substantial research has been resulted in the developing the OCAI. Cameron and Quinn (2006) developed the theoretical model of the Competing Values Framework which consists of four Competing Values that correspond with four types of organizational culture. Each organization has its own combination of these four types of organizational cultures. The ability to identify which of the four or the combination of the four types is identified by the completion of a short survey. This culture identification assessment is a valid approach to looking at organizational culture and the desire for cultural change. The OCAI is currently used by over 10,000 companies worldwide (2017). The OCAI is based on a theoretical model called the competing values framework [3].

The research found six main dimensions which formed the basis of their framework on organizational culture: dominant cultural characteristics, organizational leadership, employee management, organizational glue, strategic emphasis and criteria for success. These categories introduced two principal cultural dimensions, each with a competing value. The first dimension is determining if a company's culture is internally or externally focused. The second

dimension is whether organizations played with flexibility or with stability. When placed on two axes, these two dimensions form four quadrants, each representing a distinct set of organizational effectiveness indicators. A graphical display of the competing values framework can be found in Figure 1 [2].

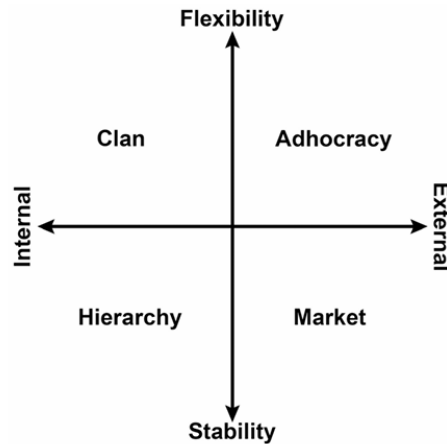

Figure 1. Factor structure of the OCAI reflective of the Competing Values Framework

Source: Cameron, K. S., & Quinn, R. E. (2006). *Diagnosing and changing organizational culture: Based on the competing values framework (Revised ed.)*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

The four effectiveness criteria models are also called four organizational culture types [1,2]:

1) Clan: This culture focus on empowerment and employee evolvment, full of shared values and common objectives, an atmosphere of collectivity and mutual help.

2) Adhocracy: The adhocracy culture can be defined as a temporary institution, which is dismissed whenever the organizational tasks are completed and reloaded rapidly whenever new tasks emerge.

3) Hierarchy: The hierarchy culture has a clear organizational structure, standardized rules and procedures, strict control, and well-defined responsibilities

4) Market: The market culture focuses on the transactions with the environment outside the organization instead of on the internal management.

Using the OCAI, these four factors provide the basis of cultural classification within the workplace [1,2]. Additionally, the OCAI allows predictions to be made due to the process of reciprocal opposition [1,6], which in the context of this measure concern the factors diagonally opposite each other in Figure 1 (i.e., Clan and Market cultures, and Hierarchy and Adhocracy cultures). Nelson and Gopalan have previously noted that opposing clusters of values have been observed to carry inverted relationships with other outcome variables, and this notion has been applied to the OCAI factors' expected relationships with other organizational variables [2,3,]. The conflicting cultural characteristics inherent in each diagonally-opposed factor have been supported by a managerial-level variant of the OCAI framework [2,3], as

correlations between opposing factors were moderate-to-strong and negatively weighted. Therefore an important feature of the OCAI is not only that it describes organizational culture depending on alignments with the bisecting continua previously discussed, but that it also specifies the expected reciprocally opposing pattern of relationships between culture factors and other organizational variables of interest.

Purpose and Objectives

The purpose of the study was to describe the dominant culture type of Healthcare Organization. The study was designed as an evaluation survey for the purpose of exploring and describing Healthcare organizational culture. The researchers were also interested in studying if there was any variation in the strength of culture types according to demographic variables.

The study was guided by the following objectives.

1. To describe the dominant culture type of Healthcare Organization from its Employees' perspective. This objective was subdivided into:
 - a. Describing the dominant culture type
 - b. Describing the strength of the culture type;
2. To find the difference between the culture types according to demographic variables

Methods

Study design

Data were collected by using a modified questionnaire which was adapted from the Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) based on CVF and consisting of 6 domains designed to measure the organizational cultures of Clan, Adhocracy, Hierarchy and Market. Responses were made on a Likert scale. In addition, the questionnaire contained questions about the demographic characteristics of the participants (Age, Position, Length of Service in the Healthcare Organization and Educational Qualifications and Experience). The questionnaire was distributed in both Mongolian and English language versions.

Participants

All employees working at the hospital were approached to collect data, and the sample size was 107 employees and clinical staff.

Research instrument

Permission was granted by the authors of the OCAI for its use in this research study. The OCAI is a psychometric instrument developed by Kim Cameron and Robert Quinn of the University of Michigan (2011). Its purpose is to assist leaders with organizational change by helping identifying their current and preferred culture across six organizational culture dimensions. The survey provides a quantitative approach to describing culture related to a blend of four cultural (Clan, Adhocracy, Market, and Hierarchy). Responses were made on a Likert scale. In addition, the questionnaire contained questions about the demographic characteristics of the participants (Age, Position, Length of Service in the Healthcare Organization and Educational Qualifications and Experience). The questionnaire was

distributed in both Mongolia and English language versions.

The results of the completed survey provides a means by which leaders can understand gaps between existing culture and desired culture known as cultural gaps (Fox, 2013; Cameron & Quinn, 2011). The OCAI instrument has been used in a variety of industry sectors, including health care, education, religious organizations, Federal and local governments, community colleges and universities, libraries, data warehouses, military organizations, recreational departments and many others (Cameron & Quinn, 2011 p.35).

RESULTS

The Cronbach's alpha coefficients (α -reliability statistic) ranged from 0.6 to 0.8.

The dominant type of culture as shown in table (1) for all respondents appeared to be the Clan culture with the highest mean scores, 3.86 for the whole sample and for the employees and the clinical staff, (3.81) and (4.00), respectively. To confirm these results, Mann-Whitney U was performed with the null hypothesis that there was no difference between the mean scores of the four types of culture across the employees and the clinical staff. The Mann-Whitney U test indicated that the four culture types were significantly different between staff as illustrated in table (1).

Table 1

Dominant type of culture in the healthcare verified by Mann-Whitney U test

	All respondents	Employees		Clinical Staff		Mann Whitney U	Sig
	Mean	Mean	mean rank	Mean	mean rank		
clan	3.863	3.81	120.98	4.00	120.04	8527	.02
adhocracy	3.688	3.60	118.67	3.77	131.47	8315	.016
hierarchy	3.750	3.73	110.30	3.81	130.74	8523	.021
market	3.60	3.52	109.41	3.59	131.58	8283	.014

If α is greater than 05, the null hypothesis will be accepted

Table (2) shows that the type of culture prevailing according to the age variable was the Clan culture with the highest mean score (4.05). To confirm this result, the Kruskal-Wallis test was performed with the null hypothesis that there was no difference between mean scores of age groups across the four types of culture. The test result confirmed that there was a statistically significant difference between culture types for different age groups. Pairwise comparisons were obtained from Mann-Whitney U to identify the age groups that differ in terms of mean across the four culture types.

Table 2

Types of culture according to age groups

	Clan	Adhocracy	Hierarchy	Market
Less than 30	3.91	3.80	3.87	3.75
30-40	3.99	3.99	3.80	3.66
40-50	3.96	3.80	3.81	3.60
50-60	4.12	4.23	4.01	3.79
60 more	4.29	4.10	4.24	3.60
AVG	4.05	3.98	3.95	3.68
Kruskal-Wallis test	13.40	10.92	15.99	14.27
Sig*	.009	.025	.003	.006

**The significant level is .05*

In table (3) the Mann-Whitney test indicated the four culture types were significantly different between the group of 50 to less than 60 years and that of less than 30 years old. Also, the Mann-Whitney test indicated that the four culture types were significantly different between the age group 50 to less than 60 and 30 to Less than 40 years old. Only clan, market and hierarchy cultures proved to be significantly different between the age group 50 to less than 60. And that ranged between 40 to less than 50.

Table 3

The Mann-Whitney test result of age group Comparison

Pairwise Comparisons		Clan	Adhocracy	Hierarchy	Market
Less than 30	mean rank	46.70	46.35	45.78	40.70
50-60	mean rank	32.87	32.07	36.84	34.25
Less than 30 versus 50-60	Mann Whitney U	502	510	521	523
	Sig	.004	.005	.003	.005
30-40	mean rank	73.13	71.75	76.94	73.25
50-60	mean rank	100.98	93.59	106.52	100.48
30-40 versus 50-60	Mann Whitney U	1360	1438	1340	1376
	Sig	.001	.004	.001	.001
40-50	mean rank	51.63	-	51.53	5160
50-60	mean rank	67.34	-	63.99	62.91
40-50 versus 50-60	Mann Whitney U	965	-	954	963
	Sig	.014	-	.012	.014

In table (4) the dominant type of culture according to the years of work in the healthcare is Clan for all years of workgroups with the highest mean score (4.05). To confirm these results, a Kruskal-Wallis test was performed with the null hypothesis that there was no difference between means of culture types across the years of work groups. The test confirmed that there

was no statistically significant difference between the culture types for years of work groups.

Table 4

Type of culture according to years of work in Healthcare organization verified by Kruskal

Wallis Test:

Years of work	Clan	Adhocracy	Hierarchy	Market
1-4	3.93	3.72	3.75	3.80
4-7	4.15	3.99	3.79	3.89
7-10	4.01	3.85	3.90	3.9
10-13	3.90	3.75	3.76	3.82
AVG	4.00	3.83	3.80	3.85
Kruskal-Wallis test	8.73	8.95	5.46	7.71
Sig.	.065	.061	.240	.102

Table (5) shows that the highest mean scores according to years of experience was for clan culture across all years of experience groups. To confirm this result, a Kruskal–Wallis test was performed with the null hypothesis that there was no difference between the means of the four types of culture according to years of experience groups. The Kruskal–Wallis test showed that there was a statistically significant difference between the clan and hierarchy culture types between years of experience groups $\chi^2(7) = 24.762$ $p=.001$. To indicate which group can be considered as different from the other groups, a Mann–Whitney U test was performed as a post hoc test. The Mann-Whitney test showed there were significant differences between the dominance of Clan culture and the Hierarchy type in the (20.00–24.00 and 30.00–34.00) years of experience groups.

Table 5

Type of culture according to years of experience verified by Kruskal–Wallis test:

Years of experience	< 5.00	5.00 - 9.00	10.00 - 14.00	15.00 - 19.00	20.00 - 24.00	25.00 - 29.00	30.00 - 34.00	35.00 - 39.00	Kruskal-Wallis test
Clan	4.00	4.04	3.97	3.96	4.29	4.10	4.74	4.01	.225
Adhocracy	3.87	3.84	3.78	3.87	4.16	3.81	4.74	4.01	.162
Market	3.94	3.84	3.80	3.77	4.11	4.07	4.73	3.02	.054
Hierarchy	3.94	3.90	3.75	3.64	4.07	4.07	4.98	3.00	.001

The dominant type of culture according to qualifications as shown in table (6) is Clan for all respondents across qualifications categories, with the highest mean score (3.97). To confirm this result, a Kruskal–Wallis test was performed with the null hypothesis that there was no difference between the means of the four types of culture according to qualifications categories. The Kruskal–Wallis test confirmed that there were statistically significant differences between the clan and the adhocracy and the market culture types $\chi^2(5) = 17.795$ and 11.668, respectively, $p=.003$ and .040. A Mann–Whitney U test was performed as a post-

hoc test to indicate which education levels differed towards these culture types. The Mann-Whitney test showed that the adhocracy culture type was significantly different between PhD degree, (mean rank =72.45) and diploma (mean rank =55.55), $U=1149.500$, $p=.028$. The adhocracy culture type was significantly different between PhD degree (mean rank =76.74) and M.Sc. (mean rank =59.30, $U=1445.500$, $p=.020$).

Table 6

Type of culture according to qualifications

	Clan	Adhocracy	Hierarchy	Market
Primary	4.100	4.035	3.944	4.000
Secondary	4.015	3.844	3.844	3.861
Diploma	3.732	3.640	3.686	3.570
Master	3.913	3.711	3.675	3.447
Doctorate	4.118	3.932	3.974	3.749
AVG	3.976	3.832	3.825	3.725
Kruskal–Wallis test	.054	.003	.053	.040

Table (7) showed the highest mean scores on the organizational culture dimensions for the healthcare. The highest mean score was in the Dominant Characteristics dimension (Mean=4.125), while the lowest mean score recorded was in the Strategic Emphases dimension (Mean= 3.483). The cultural profile that shaped the healthcare proved to be composed of Clan, Market and Hierarchy cultures. To confirm this result, a Kruskal–Wallis Test was performed with the null hypothesis that there was no difference between the culture types across the dimensions. The test revealed that there was a statistically significant difference between the clan (dominant) and other three culture types for the following dimensions: Dominant Characteristics, Organizational Leadership and Management of Employees $\chi^2(3) = 23.623, 66.03$ and 34.229 , respectively, ($p=0.000$)

Table 7

The dominant culture on Organizational Culture Dimensions

Dimensions	Mean scores				Type of culture
	Clan	Adhocracy	Hierarchy	Market	
Dominant Characteristics	4.125	3.935	3.964	3.967	Clan
Organizational Leadership	3.868	3.864	3.723	3.255	Clan
Management of Employees	3.787	3.418	3.698	3.638	Clan
Organization Glue	4.102	3.987	4.048	4.090	Market
Strategic Emphases	3.483	3.728	3.819	3.786	Hierarchy
Criteria of Success	3.842	3.794	3.841	3.877	Clan

DISCUSSION

This study used the CVF to measure and evaluate the OC of healthcare organizations, and the CVF was originally used to assess and evaluate the OC of companies. This model has also been used by other researchers, such as Scott, T. et al. (2003), Gershon, R. R. et al. (2004), and Stock, G.N., et al. (2007), to assess healthcare organizations and the validation of applicability in healthcare settings. This study found that clan culture was the dominant culture type from the perspective of healthcare organization members and received the highest mean score (3.97), which is consistent with other research findings. Clan culture emphasizes teamwork, employee participation programs, employee commitment, long-term benefits of individual development, as well as high cohesion, morale, and cooperation. This suggests that healthcare organizations are in a favorable position to change and improve their culture and management. The results also show that the characteristics of cultural types differ depending on employment, age group, years of service, and level of qualification, and that tribal culture corresponds to demographic characteristics.

This study demonstrated that CVF can be effectively used in health care organizations and highlighted the dominance of clan culture. Clan culture supports organizational culture and management by focusing on collaboration and employee development.

Suggestions for further research

The results of the study showed that the dominant culture in healthcare organizations was tribal culture, and this finding suggests that healthcare organizations need to reduce the weaknesses of tribal culture and enhance the strengths of other types of culture. Furthermore, it is recommended that researchers conduct comparisons between the private and public sectors using the CVF model or other tools mentioned above or other literature on the study of healthcare organization culture.

References

1. Cameron KS, Quinn RE (1999) Diagnosing and changing organizational culture: Based on the Competing Values Framework. Reading, MA: Addison-Wesley.
2. Cameron KS, Quinn RE (2006) Diagnosing and changing organizational culture: Based on the Competing Values Framework. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
3. Cameron, K. S., & Quinn, R. E. (2011). Diagnosing and changing organizational culture : based on the competing values framework.
4. Cooke, R., & Lafferty, J. (1989). Organizational Culture Inventory (OCI). Plymouth, MI: Human Synergistics.
5. Robert A. Cooke and Janet L. Szumal, Using the Organizational culture Inventory to Understand the Operating Cultures of Organizations

6. Hofstede, G. Attitudes, Values and Organizational Culture: Disentangling the Concepts. Institute for Research on Intercultural Cooperation, Maastricht and Tilburg, the Netherlands.
7. Akmaliah IF, Sensuse DI, Wulandari IA, Nurrohmah I, Imanda R, Cahyaningsih E, Noprisson H. Analyzing knowledge management in research laboratories based on organizational culture. In: Proceeding- 2017 3rd international conference on science in information technology: theory and application of IT for education, industry and Society in big Data era, ICSITech 2017, 2018 January; 2018. p. 278–83.
8. Scott, T., Mannion, R., Davies, H., & Marshall, M. "Organizational Culture in Health Care: A Review of the Literature" 2003
9. Gershon, R. R., Stone, P. W., Bakken, S., & Larson, E. "Measuring Organizational Culture in the Hospital Setting: Development and Validation of the Hospital Culture Scale" 2004
10. Helfrich CD, Li Y-F, Mohr DC, Meterko M, Sales AE (2007) Assessing an organizational culture instrument based on the Competing Values Framework: Exploratory and confirmatory factor analyses.
11. Stock, G. N., McFadden, K. L., & Gowen III, C. R. "The Competing Values Framework in Healthcare: Relationships Between Organizational Culture and Job Satisfaction in Pediatric Hospitals" 2007
12. Edgar H.Schein, Organizational Culture and Leadership. 4th edition. Published by Jossey Bass. A Wiley Imprint. 989 Marketstreet. San Francisco. CA94103-174
13. Ariunaa Kh., Nyambayar Ch. (2023) Learning Styles and Cultural Differences: A comparative study of cultural differences in Austrian and Mongolian Students, Embedded Self Organizing Systems (Vol 10. No 7. 2023) (pp.95-101)
14. D. Buyan "Knowledge about Society", Ulaanbaatar, Mon Sudar, 2006
15. G. Tseren "Organizational Behavior", 2nd edition, Ulaanbaatar, New Indigo, 2021
16. N. Oyundalai, Ch. Behi "Organizational Psychology" Ulaanbaatar, Sodpress, 2017
17. T. Dorzhdagva "Cultural Studies" Ulaanbaatar, BIT Press, 2010
18. H. Purevdagva, D.L. "Change Management" Ulaanbaatar, Golden Eye Printing, 2013
19. Cronbach LJ (1951) Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika* 16: 297–334.
20. Statistics Solution. (2019). Exploratory Factor Analysis - Statistics Solutions. Retrieved January 31, 2020
21. Measuring organizational culture: An empirical assessment of the hofstede questionnaire in a Mongolian setting (2011) from <https://www.mongoliajol.info/index.php/PMAS/article/view/979>

UDC 796.413

Sharafutdinov A.B., Sharafutdinova R.Sh. Application of principles of rotational motion dynamics to the technique of gymnastic elements

Применение принципов динамики вращательного движения в технике выполнения гимнастических элементов

Sharafutdinov Azat Bulatovich,

Teacher, first qualification category, Budgetary Institution of Vocational Education of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra "Nizhnevartovsk Construction College", Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra, Nizhnevartovsk,

Sharafutdinova Rufiya Shamilovna,

Head of Physical Education, highest qualification category, Budgetary Institution of Vocational Education of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra "Nizhnevartovsk Construction College", Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra, Nizhnevartovsk,

Шарафутдинов Азат Булатович,

Преподаватель, первая квалификационная категория, Бюджетное Учреждение Профессионального Образования Ханты-Мансийского автономного округа - Югры "Нижневартовский строительный колледж", ХМАО-Югра, г. Нижневартовск,

Шарафутдинова Руфия Шамиловна,

Руководитель физического воспитания, высшая квалификационная категория, Бюджетное Учреждение Профессионального Образования Ханты-Мансийского автономного округа - Югры "Нижневартовский строительный колледж", ХМАО-Югра, г. Нижневартовск

Abstract. The aim of this study is to theoretically substantiate the application of fundamental principles of rotational motion dynamics in the performance of technically complex gymnastics elements. The main results of the study include identifying patterns between changes in the gymnast's body moment of inertia and angular velocity of rotation, and determining the optimal biomechanical parameters for performing rotational elements of varying complexity. The author's findings demonstrate that the conscious application of the laws of conservation of angular momentum and moment of inertia control can significantly improve the technical efficiency of gymnastics exercises involving body rotation in various planes.

Keywords: rotational motion dynamics, gymnastics biomechanics, gymnastics element technique, sports biomechanics.

Аннотация. Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование применения фундаментальных принципов динамики вращательного движения при выполнении технически сложных гимнастических элементов. Основные результаты работы включают выявление закономерностей между изменением момента инерции тела гимнаста и угловой скоростью вращения, определение оптимальных биомеханических параметров выполнения вращательных элементов различной сложности. Полученные автором настоящего исследования выводы исследования, демонстрируют, что осознанное применение законов сохранения момента импульса и управления моментом инерции позволяет существенно повысить техническую эффективность выполнения гимнастических упражнений, связанных с вращением тела в различных плоскостях.

Ключевые слова: динамика вращательного движения, биомеханика гимнастики, техника гимнастических элементов, спортивная биомеханика.

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Введение

В современной спортивной гимнастике, несомненно, наблюдается тенденция к постоянному усложнению технических элементов, что требует глубокого понимания биомеханических основ двигательной деятельности спортсменов. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью теоретического обоснования технических приемов выполнения вращательных элементов с позиций классической механики и биомеханики спорта. Как справедливо отмечают современные отечественные исследователи, эффективность выполнения гимнастических упражнений напрямую зависит от способности спортсмена управлять биомеханическими параметрами движения [1], [2].

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование применения принципов динамики вращательного движения для оптимизации техники выполнения гимнастических элементов различной координационной сложности.

Теоретической базой исследования послужили труды ведущих специалистов в области биомеханики спорта, Ю.Д., Овчинников, В.В. Брызгун, В. Ю. Куимов, А. И. Чикуров, А. Д. Бурмистров, В. В. Епишев, Т.И. Маннанов, Р. А. Пичуева, А. В. Тимофеева, С. В. Нопин, Ю. В. Корягина, С. М. Абуталимова, Г. Н. Тер-Акопов, Л. И. Вашурина, А. В. Балашов, Д. В. Ворончихин, И. Ф. Ибрагимов, С. В. Деменев, С. Г. Диц, Г.П. Иванова, Виноградова, Е. А., Курьсь, В. Н., Гуй, Ю., Киркор, М. А., Овчинников, Ю. Д..

Научная новизна исследования заключается в комплексном теоретическом обосновании применения законов динамики вращательного движения к различным типам гимнастических элементов с учетом специфики изменения геометрии масс тела спортсмена в процессе выполнения упражнений.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации и углублении автором представлений о биомеханических закономерностях выполнения вращательных элементов в гимнастике. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных автором результатов в процессе подготовки спортсменов и тренеров для повышения технической эффективности выполнения сложнокоординационных упражнений.

Материалы и методы исследования

Материалами для данного теоретического исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных специалистов в области биомеханики спорта, спортивной гимнастики и теории физического воспитания. Кроме того, в качестве материалов, автором использовались данные о биомеханических характеристиках гимнастических элементов, представленные в специализированной научной литературе и методических разработках.

Методология настоящего исследования основывалась на системном подходе к анализу техники гимнастических упражнений через призму фундаментальных законов классической механики. При работе над статьей, автором использовались следующие методы научного познания: общенаучные методы теоретического исследования, включающие анализ и синтез научной информации, систематизацию и обобщение теоретических данных, метод биомеханического моделирования двигательных действий.

Результаты и обсуждение

Фундаментальным принципом динамики вращательного движения, безусловно, является закон сохранения момента импульса, который гласит, что момент импульса замкнутой системы остается постоянным при отсутствии внешних моментов сил. Применительно к гимнастическим упражнениям это означает, что после отделения тела спортсмена от опоры и до момента приземления момент импульса сохраняется, что создает основу для управления вращением. [3]

Момент импульса системы определяется произведением момента инерции тела на угловую скорость вращения. Следовательно, изменяя конфигурацию тела и, соответственно, момент инерции, гимнаст может управлять угловой скоростью вращения при постоянном моменте импульса. Данный принцип лежит в основе выполнения практически всех вращательных элементов в спортивной гимнастике. [4]

Момент инерции тела человека относительно различных осей вращения существенно различается и зависит от положения сегментов тела. При группировке, когда конечности приближены к оси вращения, момент инерции минимален, что приводит к максимальной угловой скорости. Напротив, при выпрямленном положении тела момент инерции максимален, а угловая скорость минимальна при том же моменте импульса. [5] [6]

Рассмотрим конкретные примеры применения данных принципов в различных гимнастических элементах. При выполнении сальто назад в группировке спортсмен после отталкивания создает начальный момент импульса за счет маховых движений руками и разгибания в тазобедренных суставах. В полетной фазе, принимая положение плотной группировки, гимнаст уменьшает момент инерции, что приводит к увеличению угловой скорости вращения. Перед приземлением происходит разгруппировка, момент инерции увеличивается, а угловая скорость снижается, что позволяет контролировать приземление.

Важно отметить, что различные типы вращательных элементов характеризуются специфическими биомеханическими параметрами. Представим систематизацию основных типов вращений в таблице 1.

Таблица 1

Биомеханическая характеристика основных типов вращательных элементов в
 гимнастике

Тип вращения	Ось вращения	Типичные элементы	Диапазон изменения момента инерции	Способ управления вращением
Сальто вперед	Фронтальная	Сальто вперед согнувшись, прогнувшись, в группировке	1:3 - 1:4	Группировка-разгруппировка
Сальто назад	Фронтальная	Сальто назад в группировке, прогнувшись, с поворотами	1:3 - 1:4	Группировка-разгруппировка
Винты	Продольная	Пируэты, винтовые вращения	1:1,5 - 1:2	Асимметричные движения руками
Перевороты	Фронтальная	Перевороты вперед, назад, рондат	1:2 - 1:3	Изменение положения тела относительно оси

Динамика выполнения сложных элементов с поворотами вокруг продольной оси требует особого рассмотрения, так как при выполнении винтовых вращений спортсмен должен создать момент импульса относительно продольной оси тела. Это достигается асимметричными движениями конечностей в момент отталкивания или в начальной фазе полета. Характерно, что момент инерции относительно продольной оси значительно меньше, чем относительно фронтальной или сагиттальной осей, поэтому даже небольшой момент силы создает достаточную угловую скорость для выполнения поворотов. [7]

Особый интерес представляют комбинированные элементы, включающие одновременное вращение вокруг нескольких осей. Например, при выполнении сальто назад с поворотом на 360 градусов гимнаст должен управлять двумя независимыми компонентами момента импульса. Сальтовое вращение создается в момент отталкивания, а винтовое вращение иницируется в полетной фазе за счет асимметричных движений. Таким образом, успешное выполнение подобных элементов требует высокой координации и точного дозирования усилий. [8]

Представим количественные характеристики изменения биомеханических параметров при выполнении различных вариантов сальто в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительные биомеханические параметры различных вариантов выполнения сальто назад

Вариант выполнения	Момент инерции в группировке (кг·м ²)	Момент инерции в разгруппировке (кг·м ²)	Соотношение моментов инерции	Средняя угловая скорость (рад/с)	Время полета (с)
Сальто в группировке	3,5-4,5	12-15	1:3,5	10-12	0,7-0,8
Сальто согнувшись	5-6	13-16	1:2,8	8-10	0,8-0,9
Сальто прогнувшись	7-8	14-17	1:2,2	6-8	0,9-1,0

Анализируя представленные данные в таблице 2, можно заметить, что вариант выполнения сальто в группировке обеспечивает максимальное соотношение между минимальным и максимальным моментами инерции, что позволяет достичь наибольшей угловой скорости при том же начальном моменте импульса. Однако выполнение сальто прогнувшись требует большего времени полета и более мощного отталкивания для создания достаточного момента импульса. [9]

Принцип управления моментом инерции находит применение не только в акробатических элементах, но и в упражнениях на снарядах. При выполнении больших оборотов на перекладине или брусьях гимнаст использует изменение конфигурации тела для регулирования скорости вращения в различных фазах элемента. В верхней точке траектории, где потенциальная энергия максимальна, а кинетическая минимальна, спортсмен может принять более компактное положение для ускорения вращения. [10] [11]

Существенное значение имеет понимание взаимосвязи между высотой полета и возможностью выполнения вращательных элементов. Высота подъема центра масс тела определяет время полета, в течение которого может быть выполнено вращение. Для сальто с одним оборотом вокруг фронтальной оси требуется минимальная высота подъема около 0,8-1,0 метра, для двойного сальто необходима высота 1,5-1,8 метра. Эти параметры определяются не только начальной вертикальной скоростью, но и эффективностью использования момента импульса. [12]

Кроме того, важным аспектом является создание начального момента импульса в момент отталкивания. Величина момента импульса зависит от момента силы и времени его действия. В гимнастике момент силы создается за счет отталкивания ногами при определенном положении тела относительно точки опоры, а также за счет

маховых движений руками. Оптимальная техника отталкивания предполагает максимизацию момента силы при сохранении необходимой вертикальной составляющей скорости. [13]

Рассмотрим биомеханические особенности создания момента импульса при различных способах отталкивания в таблице 3.

Таблица 3

Характеристики создания момента импульса при различных типах отталкивания

Тип отталкивания	Положение центра масс относительно опоры	Вклад маховых движений (%)	Вклад отталкивания ногами (%)	Создаваемый момент импульса (кг·м²/с)
Темповое сальто назад	Впереди точки опоры	40-45	55-60	25-30
Сальто назад с места	Над точкой опоры	50-55	45-50	20-25
Рондат-фляк-сальто	Впереди точки опоры	30-35	65-70	35-40
Переворот вперед	Позади точки опоры	45-50	50-55	22-27

Анализ данных, приведенных автором в таблице 3, показывает, что наиболее эффективным способом создания момента импульса является использование серии разгонных элементов, таких как рондат и фляк, что позволяет увеличить создаваемый момент импульса на 40-60% по сравнению с выполнением элемента с места. Это объясняется возможностью использования кинетической энергии поступательного движения для создания вращательного движения. [14]

Следует подчеркнуть, что управление вращением в полетной фазе ограничено законом сохранения момента импульса, однако гимнаст может перераспределять момент импульса между различными осями вращения. Данный эффект используется при выполнении элементов с изменением оси вращения, например, при переходе от сальтового вращения к винтовому. Изменение ориентации тела в пространстве приводит к перераспределению компонентов момента импульса относительно осей, связанных с телом.

Необходимо отметить, что точность приземления после выполнения вращательных элементов также определяется биомеханическими закономерностями. Для обеспечения устойчивого приземления гимнаст должен снизить угловую скорость вращения до минимальных значений и правильно ориентировать тело в пространстве. Это достигается своевременной разгруппировкой и принятием положения с

максимальным моментом инерции. Расчет момента начала разгруппировки является критически важным для успешного выполнения элемента.

Выводы

Таким образом, проведенный автором в рамках настоящей статьи, теоретический анализ применения принципов динамики вращательного движения, демонстрирует, что эффективность выполнения гимнастических элементов определяется способностью спортсмена управлять биомеханическими параметрами движения в соответствии с фундаментальными законами механики. Понимание взаимосвязи между моментом инерции, угловой скоростью и моментом импульса позволяет оптимизировать технику выполнения элементов различной координационной сложности.

По мнению автора, теоретическое понимание биомеханических закономерностей вращательного движения создает основу для разработки эффективных методик технической подготовки гимнастов и повышения качества выполнения сложнокоординационных упражнений.

References

1. Овчинников Ю.Д., Брызгун В.В., Фазы биомеханики движений в прыжках в высоту // Наука-2020. 2023. №1 (62). – С. 5-14.
2. Сравнительная характеристика оборудования при измерении биомеханических и кинематических характеристик спортсменов в циклических видах спорта / В. Ю. Куимов, А. И. Чикуров, А. Д. Бурмистров, В. В. Епишев // Человек. Спорт. Медицина. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 165-172.
3. Маннанов, Т. И. Анализ педагогической оценки техникотактической подготовки следж-хоккеистов: проблемы и ресурсы развития / Т. И. Маннанов // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2025. – № 10. – С. 133-142.
4. Колодезникова, М. Г. Биомеханические параметры техники прыжков через наряды / М. Г. Колодезникова, Р. А. Пичуева, А. В. Тимофеева // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 45-53.
5. Функциональные резервы нервно-мышечного аппарата и взаимодействия физиологических и биомеханических параметров при выполнении тяжелоатлетических упражнений / С. В. Нопин, Ю. В. Корягина, С. М. Абуталимова, Г. Н. Тер-Акопов // Человек. Спорт. Медицина. – 2022. – Т. 22, № S1. – С. 7-11.

6. Вашурина, Л. И. Биомеханика двигательных действий в процессе изучения и совершенствования боевых приемов борьбы / Л. И. Вашурина, А. В. Балашов, Д. В. Ворончихин // Полицейская деятельность. – 2022. – № 4. – С. 1-9.
7. Обучение студентов вуза основам биомеханики движений человека на занятиях научного кружка / И. Ф. Ибрагимов, С. В. Деменев, С. Г. Диц [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 2(204). – С. 166-171.
8. Иванова, Г. П. 100-летний путь педагогической биомеханики спорта / Г. П. Иванова // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 1. – С. 3-5.
9. Виноградова, Е. А. Спортивная биомеханика кикбоксинга: теоретическая реконструкция (на основе русскоязычных научных публикаций 1989-2024 гг.) / Е. А. Виноградова // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. – 2025. – № 2(58). – С. 54-68.
10. Курьсь, В. Н. Биомеханика приземления в спорте / В. Н. Курьсь // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – С. 194-202.
11. Гуй, Ю. Современные возможности и вызовы для ученых в области биомеханики спорта / Ю. Гуй // Теория и практика физической культуры. – 2024. – № 1. – С. 12-13.
12. Киркор, М. А. Исследование движения в биомеханике спорта / М. А. Киркор, А. Е. Покатилов, А. М. Гальмак // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя В. Прыродазнаўчыя навукі: матэматыка, фізіка, біялогія. – 2021. – № 2(58). – С. 93-104.
13. Овчинников, Ю. Д. Биомеханика движения в фазах метания диска с поворот / Ю. Д. Овчинников, Н. С. Карабинцева // Наука-2020. – 2020. – № 3(39). – С. 138-144.
14. Овчинников, Ю. Д. Биомеханика движений во фристайле / Ю. Д. Овчинников, А. К. Лыжин // Дневник науки. – 2020. – № 4(40). – С. 8.

UDC 04

Starko E.S., Macheeva M.A., Starko V.S. Creating an expert system for choosing a programming language

Создание экспертной системы для выбора языка программирования

**Starko Evgenia Sergeevna,
Macheeva Marina Andreevna,
Starko Vladislav Sergeevich,**

Pedagogical Institute of SSU named after. N.G. Chernyshevsky,
SSTU named after. Gagarina Yu.A.
Старко Евгения Сергеевна,
Мачеева Марина Андреевна,
Старко Владислав Сергеевич,
Педагогический институт СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
СГТУ им. Гагарина Ю.А.

Abstract. *Developing an expert system for programming language selection is a pressing scientific and practical problem. Implementing such a solution will not only structure information about modern programming languages but also offer a convenient decision support tool, thereby enhancing the effectiveness of educational processes and professional activities in the IT field.*

Keywords: *knowledge base, programming languages, expert system, decision support.*

Аннотация. *Создание экспертной системы для выбора языка программирования представляет собой актуальную научно-практическую проблему. Внедрение подобного решения позволит не только структурировать сведения о современных языках программирования, но и предложит удобный инструмент для поддержки принятия решений, что будет способствовать повышению результативности образовательного процесса и профессиональной деятельности в IT-сфере.*

Ключевые слова: *база знаний, языки программирования, экспертная система, поддержка принятия решений.*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

В условиях современного технологического развития выбор адекватного инструментария для решения конкретной задачи становится ключевым фактором успеха. Особую трудность этот процесс представляет для новичков в программировании, студентов и специалистов, работающих над новыми проектами. Существующее многообразие языков программирования, обладающих уникальными преимуществами, недостатками, сферами использования и особенностями, формирует устойчивую потребность в интеллектуальных системах, способных оказать поддержку в принятии решений.

В этом контексте экспертные системы являются эффективным инструментом, позволяющим формализовать и применить знания опытных профессионалов для консультации пользователей. Актуальность данного исследования продиктована необходимостью автоматизации процедуры выбора языка программирования на основе объективных критериев (тип проекта, требования к производительности, целевая платформа) и субъективных предпочтений (сложность освоения, активность сообщества), что позволяет минимизировать временные затраты на начальной стадии разработки и повысить обоснованность принимаемого решения.

Построение репрезентативной и достоверной базы знаний является фундаментальным этапом разработки экспертной системы. Для обеспечения полноты и объективности информации был использован комплексный подход, основанный на интеграции данных из взаимодополняющих источников.

Фактологическую основу о языках программирования составила официальная документация от правообладателей и организаций-разработчиков. Эти материалы предоставили актуальные и верифицированные данные о синтаксисе, парадигмах, системах типов и ключевых функциях каждого языка. Дополнительным источником выступили международные стандарты (ISO/IEC, ECMA), закрепляющие формальные спецификации.

Теоретической основой для построения модели знаний послужила научная и учебно-методическая литература. Классические труды, такие как «Основные концепции языков программирования» Р. Себесты [1], легли в основу сравнительного анализа, а работа Дж. Джарратано и Г. Райли «Экспертные системы: принципы разработки и программирование» [2] обеспечила методологическую базу для проектирования системы.

Таким образом, синтез информации из официальных, аналитических, научных и экспертных источников позволил создать многомерную базу знаний, гарантирующую комплексный и взвешенный подход к выбору языка программирования.

Для создания прототипа экспертной системы был выбран язык программирования Python с библиотекой tkinter для разработки графического интерфейса пользователя (GUI). Этот выбор обусловлен рядом причин: бесплатность и доступность инструментов, интуитивно понятный синтаксис Python, наличие мощных средств для обработки текста и работы со структурами данных, а также возможность оперативной разработки прототипа с современным интерфейсом. Указанные характеристики делают Python оптимальным решением как для создания прототипов диалоговых систем, так и для образовательных целей.

Фактовая база экспертной системы представляет собой совокупность структур данных, описывающих текущее состояние предметной области и характеристики пользовательских требований. В разработанной системе данные организованы с использованием словарей Python (dict), что обеспечивает типизацию данных и структурированное представление информации.

База знаний о языках программирования организована в виде словаря, где ключом является название языка, а значением - словарь с характеристиками: self.languages_db = {

```
"Python": {
    "description": "Python - высокоуровневый язык с простым синтаксисом",
    "best_for": ["веб-разработка", "наука о данных", "машинное обучение",
"автоматизация"],
    "difficulty": "легкий",
    "speed": "средняя",
    "community": "очень большая"
},
"JavaScript": {
    "description": "JavaScript - язык для веб-разработки и создания интерактивных
сайтов",
    "best_for": ["веб-разработка", "фронтенд", "бэкенд", "мобильные
приложения"],
    "difficulty": "средний",
    "speed": "высокая",
    "community": "очень большая"
},
...
}
```

Каждая запись о языке программирования содержит следующие атрибуты:

- description (строка) - краткое описание языка
- best_for (список строк) - области применения языка
- difficulty (строка) - уровень сложности изучения: "легкий", "средний", "сложный"
- speed (строка) - производительность: "низкая", "средняя", "высокая", "очень высокая"
- community (строка) - размер сообщества: "малая", "растущая", "большая", "очень большая"

Информация о требованиях пользователя хранится в словаре:

```
self.user_info = {  
    "experience": None,  
    "purpose": None,  
    "platform": None,  
    "complexity": None,  
    "speed": None,  
    "community": None  
}
```

Управление ходом диалога осуществляется через переменные состояния:

```
self.current_topic = "greeting"  
self.conversation_count = 0  
self.recommended_languages = []
```

Для верификации корректности работы разработанной экспертной системы был проведен комплекс тестовых запусков с различными входными параметрами. Демонстрация работы системы представлена на примере трех характерных сценариев использования.

Система продемонстрировала способность анализировать комплексные требования к веб-проектам (рис.1). На основе введенных параметров система корректно применяет продукционные правила и формирует обоснованные рекомендации, предлагая Python как оптимальный вариант для начинающих благодаря простому синтаксису, JavaScript для веб-разработки и Java как универсальное решение, что в совокупности подтверждает адекватность работы механизма логического вывода и способность системы адаптироваться к минимальным требованиям пользователя, предоставляя релевантные варианты выбора.

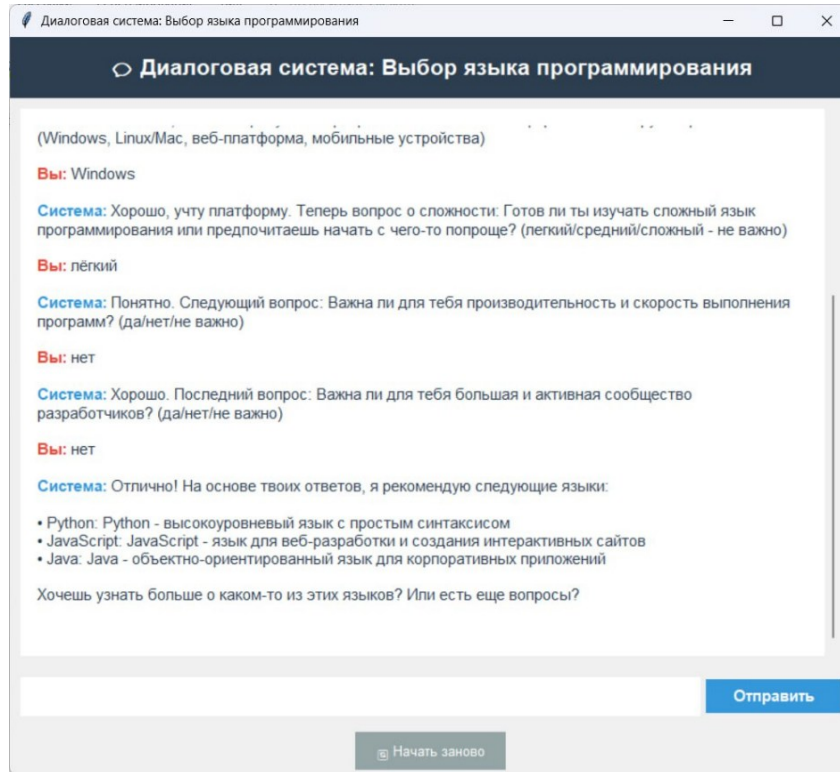

Рисунок 1 – Тестовый сценарий №1

Экспертная система успешно проанализировала требования проекта (рис. 2) и сформировала обоснованные рекомендации на основе введенных пользователем параметров: гибридной парадигмы программирования, коротких сроков реализации и средней численности команды разработчиков. Приоритетная рекомендация JavaScript обусловлена его универсальностью для веб-разработки и создания интерактивных приложений, что оптимально соответствует требованиям сжатых сроков и средних команд. Альтернативные рекомендации Python и Go демонстрируют способность системы адаптироваться к различным сценариям разработки: Python предлагается для быстрого прототипирования благодаря простому синтаксису и богатой экосистеме, а Go - для построения масштабируемых приложений в условиях средних команд, что подтверждает гибкость механизма логического вывода системы.

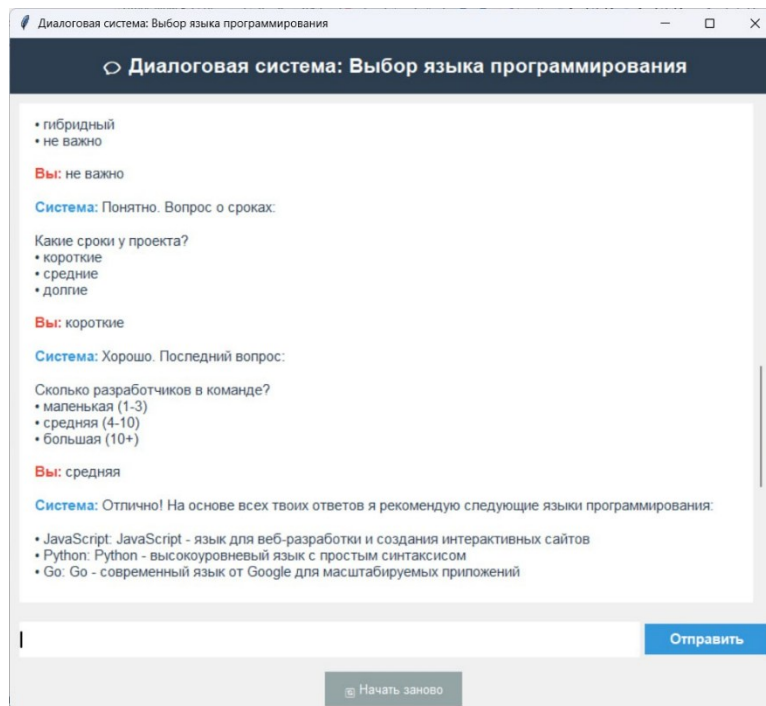

Рисунок 2 – Тестовый сценарий №2

Система корректно идентифицировала специфические требования научных вычислений и машинного обучения (рис.3). Рекомендация Python полностью соответствует критериям быстрого прототипирования благодаря обширной коллекции специализированных библиотек.

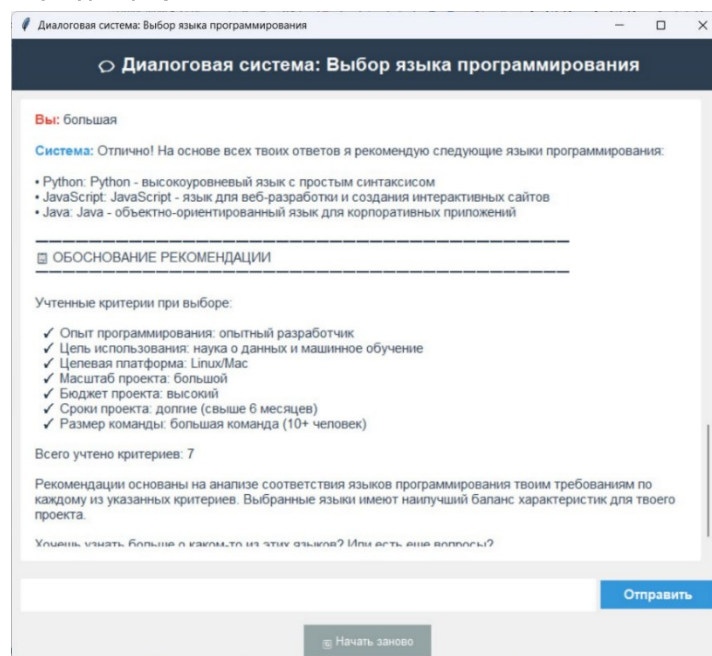

Рисунок 3 – Тестовый сценарий №3

Таким образом, в процессе работы были получены практические навыки проектирования и реализации типовой структуры базы знаний для систем поддержки принятия решений. Практическая значимость работы заключается в создании инструмента, способного помочь начинающим программистам, студентам и специалистам, сталкивающимся с новыми типами проектов, сориентироваться в многообразии языков программирования и сделать обоснованный выбор, соответствующий техническим требованиям и контексту задачи.

Перспективы дальнейшего развития проекта включают расширение и детализацию базы знаний (учет популярных фреймворков и библиотек, более тонкая градация типов проектов), усложнение логики вывода (введение нечёткой логики для работы с неточными критериями), а также разработку более удобного графического пользовательского интерфейса, интегрированного в среду разработки.

References

1. Роберт У. Себеста. Основные концепции языков программирования / Пер. с англ. - 5-е изд. - М. : Вильямс, 2001. - 672 с.
2. Джарратано, Дж. Экспертные системы: принципы разработки и программирование / Дж. Джарратано, Г. Райли. - 4-е изд. - М. : Вильямс, 2007. - 1152 с.

UDC 81

Velyan K. Structural types of elliptical sentences in English, Russian and Armenian (contrastive analysis)

Структурные типы эллиптических предложений в английском, русском и армянском языках (сопоставительный анализ)

Velyan Karen

Yerevan Brusov State University

Велян Карен

Ереванский государственный университет им. В. Брюсова

Abstract. This article examines the structural features of elliptical sentences in English in comparison with Russian and Armenian. The analysis reveals that elliptical sentences in modern English exhibit both isomorphic and allomorphic features with elliptical sentences in Russian and Armenian. Complete isomorphism in the three languages manifests itself in the omission of core sentence elements – the subject and predicate. Allomorphic features are revealed by analyzing the omission of structural elements of the predicate, expressed by analytical aspectual-tense forms of the verb. As the analysis shows, elliptical sentences in English exhibit greater structural variability than in Russian and Armenian. This typological divergence can be explained by the analytical structure of the English language.

Keywords: ellipse, omission, structural type of ellipse, isomorphism, allomorphism, sentence patterns, systemic ellipse, situational ellipse

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются структурные особенности эллиптических предложений в английском языке в сопоставлении с русским и армянским. Фактический материал анализа показывает, что эллиптические предложения в современном английском языке проявляют как изоморфные, так и алломорфные черты с эллиптическими предложениями в русском и армянском. Полный изоморфизм в трех языках проявляется в плане опущения ядерных элементов предложения – подлежащего и сказуемого. Алломорфные черты обнаруживаются при анализе опущения структурных элементов сказуемого, выраженного аналитическими видо-временными формами глагола. Как показывает анализ, эллиптические предложения в английском языке проявляют большую структурную вариативность, чем в русском и армянском языках. Подобную типологическую дивергенцию можно объяснить аналитическим строем английского языка.

Ключевые слова: эллипс, опущение, структурный тип эллипса, изоморфизм, алломорфизм, модели предложения, системный эллипс, ситуативный эллипс

Рецензент: Королева Вера Владимировна - доктор филологических наук, доцент.
Заведующий кафедрой Второго иностранного языка и методики преподавания
иностраннных языков. Владимирский государственный университет
им. братьев Столетовых

Как известно, специальной синтаксической формой усиления коммуникативного значения является эллипс, или неполное предложение. Последнее называется "...простое двусоставное предложение, позиционная модель которого не полностью выражена словесными формами, т.е. такое, в котором одна или обе главные позиции выражены отрицательно" (Арнольд, 1981, с. 189). Это, в свою очередь, означает, что "данные слова могут быть опущены, потому что они: 1. имеют только структурное значение; и 2. не выражают новой контекстно релевантной информации" (Kobrina et al

1986, с.8). Эллиптические предложения, по определению М. Блоха, “обладают определенными “вакантными” позициями или нулевыми позициями, которые могут быть восполнены соответствующими имплицитными компонентами из ситуативного контекста” (Blok 1983, с. 275). При этом в эллиптических предложениях могут сохраняться “только те компоненты, которые имеют структуру словосочетания” (Radford 2002, с. 72).

Как правило, эллипс употребляется в простом самостоятельном предложении. Однако он может встречаться и в составе сложно-сочиненного предложения, когда опускается глагол-сказуемое. При этом последнее может опускаться во второй части сложно-сочиненного предложения, “только если он повторяет глагол-сказуемое в первой части сложно-сочиненного предложения” (Longknife, Sullivan 2012, с. 15).

Эллипс, как правило, является неотъемлемой чертой устной речи, однако “эта черта разговорного языка приобретает новое качество, когда используется в письменной речи” (Galperin 1977, с. 231). Основная сфера употребления эллиптических предложений является диалогическая речь, ибо “именно здесь одна или обе части предложения опускаются, поскольку их можно восстановить из предыдущего предложения или можно не упомянуть” (Ilyish 1971, с. 252). При эллипсе “коммуникатор выдвигает на первый план то, что исходит из потребностей говорящего и самой речи” (Джаукян 1974, с. 528). В настоящее время эллиптические конструкции широко используются в самых разных функциональных стилях и жанрах. Однако они особенно характерны для разговорной речи и художественной прозы, где проявляются их различные функциональные особенности.

В разных языках классификацию структурных типов эллиптических предложений проводят, в целом, по идентичным принципам. В современном языкознании выделяют два вида эллипса: *системный* и *ситуативный*, или контекстный. «Системный эллипс относится к системе языка и может быть восстановлен *парадигматическими* отношениями, в то время как ситуативный, или контекстный, эллипс относится к области речи и обусловлен *синтагматическими* отношениями» (Mkhitarian, Chubaryan 2008, с. 278). Во всех трех языках эллиптические предложения имеют свои структурные особенности, которые следует изучить в свете как системного, так и ситуативного эллипса.

В настоящей статье рассматриваются структурные особенности эллиптических предложений в английском, русском и армянском языках. Целью статьи является выявление изоморфных и алломорфных характеристик эллиптических предложений в данных языках.

Фактическим материалом для сопоставительного анализа структурных типов эллиптических предложений в трех языках послужили примеры, взятые из произведений англоязычных, русских и армянских писателей 20-века. Исходя из цели нашего анализа, мы применяли **сопоставительный и структурный методы**. Отметим также, что исходным языком сопоставления будет английский.

Во всех трех языках выделяются эллиптические предложения, в которых не получает своего морфологического выражения подлежащее. Как показывает наш фактический материал, подобные эллиптические предложения являются самыми распространенными и встречаются как в диалогической, так и в монологической речи. Данный структурный тип эллипса можно представить следующей моделью: [S] + P, где [S] означает опущенное подлежащее, а P – сказуемое. Например:

1. [S] Sounds very peculiar to me. (Fitzgerald, 183)
2. [S] Seems rather foolish to be unpleasant, Abe. (Fitzgerald, 166)
3. [S] Раком, а доползу! Али я не казак, Пантелевич? (Шолохов, 159)
4. – Поняла ты меня? – [S] Поняла! – вздохнув, ответила она. (Горький, 14)
5. – [S] Այսպիսի հարսիս եկերն է:
– [S] Չհասկացա: (Պետրոսյան, 384)
6. [S] Լավ եմ ճանաչում նրան: (Բալայան, 174)

Следует отметить, что в английском языке данный тип эллипса относится только к повествовательным предложениям. В отличие от английского, в русском и армянском языках данный тип эллипса встречается также в вопросительных предложениях. Например:

1. [S] Боишься? (Горький, 16)
2. [S] Ай заснули? (Пастернак, 17)
3. [S] Շատ կսկսե՞ս: (Մահիկյան, 437)
4. – [S] Հովտից իրո՞ք ոտքով ես եկել: (Մաթևոսյան, 79)

Следующий тип эллипса в английском языке относится к тем предложениям, в которых не находят своего морфологического выражения подлежащее и часть сказуемого – вспомогательный глагол. Данный тип эллипса особенно часто встречается в вопросительных предложениях и имеет различные структурные подтипы, а именно:

a. [Do/will + S] + infinitive. Например:

1. [Do you] See that boat out there? (Fitzgerald, 335)
2. [Did you] Have a good trip? (Fitzgerald, 91)

b. [Be + S] + Participle 1. Например:

[Are you] Having a good time? (Dreiser, 404)

c. [S+have+been] + Participle 1. Например:

Where have you been, my madcap? [Have you been] Scampering all over the mountains without breakfast? (Voynich, 26)

В отличие от английского, в русском и армянском языках данный тип с его тремя подтипами не выделяется. Подобный типологический алломорфизм можно объяснить тем очевидным фактом, что таким синтетическим языкам, какими являются армянский и особенно русский, не свойственно наличие вспомогательных глаголов, что и исключает наличие данной модели эллиптических предложений в этих языках.

Третий тип эллипса в английском языке относится к тем предложениям, в которых морфологически не реализуются подлежащее и глагол-связка составного именного сказуемого. Данный структурный тип эллипса можно представить следующей моделью: [S+be] + Noun/Adjective. Например:

1. «Then what was it I had almost found?» «[S+be] A great sickness». (Fitzgerald, 234)
2. «Wasn't it terrible?» he said. «[S+be] Terrible», she echoed obediently. (Fitzgerald, 158)

Как и в английском, в русском и армянском языках данный структурный тип эллипса также выделяется. Например:

1. – Как он сейчас? – Нормально (Шолохов, 237)
2. Какого цвета сарафан-то? – Зеленый. (Шолохов, 157)
3. – Մյուսին անունն ինչ է, - հարցրեց Սես Շիակը:
- Գրաստան: Ութունվեց տարեկան է: (Պետրոսյան, 518)

Следует отметить, что в русском языке, в отличие от английского и армянского, глагол-связка составного именного сказуемого в настоящем времени не реализуется.

К четвертому типу эллипса в английском языке относятся такие предложения, в которых отсутствуют оба главных члена предложения – подлежащее и сказуемое, что можно выразить следующей моделью: [S+P] + secondary member. Данный тип эллипса обычно называют “полный эллипс”. Например:

1. «When are you going to play for us yourself?» «[S+P] Some time» (Fitzgerald, 231)
2. «Do you often dance at St. James?» «[S+P] Never, sir» (Austen, 18)

Эллиптические предложения данного типа выделяются также в русском и армянском языках. Например:

- В субботу у меня будут гости из города. – [S+P] Из города? – повторила мать и вдруг всхлипнула (Горький, 16)
- Ուրեմն ե՞րբ պիտի գան:
- Ըստ Շեքսպիրի՝ [S+P] հոկտեմբերի վերջին: (Պետրոսյան, 116)

Как видим, данный структурный тип эллипса проявляет изоморфизм во всех трех языках.

В английском языке пятый вид эллипса относится к таким предложениям, где опущено сказуемое. Эллипс данного типа можно представить в виде следующей модели: **S + [predicate]**. Например:

Then came Dick. Then [predicate] her mother, forever perfect. (Fitzgerald, 103)

Как и в английском, в армянском и русском языках также находим предложения с опущенным сказуемым. Но в отличие от английского, в русском и армянском языках это обычное явление. Например:

1. – О, а я [predicate] туда не лодочке, быстро!.. – и сама вся светилась отраженной радостью подржки. (Леонов, 22)

2. – А ты как же? – на бегу спрашивал Гордон.

– Я потом [predicate]. (Пастернак, 103)

3. – Вы говорили – умерла?

– То – приемная умерла. А я [predicate] – о родной. (Горький, 19)

4. Կիևը շարունակեց ճանապարհը: Վարուժանն էլ [predicate]:
(Պետրոսյան, 485)

5. – Ո՞վ է վազել, - ասացի ես:

– Դե՛ ես [predicate], հոգոց քաշեց ևս: (Մաթևոսյան, 234,)

Шестой тип эллипса в английском языке относится к тем предложениям, в которых опущена именная часть составного именного сказуемого. Данный тип эллипса можно представить в виде следующей модели: **S + be + [predicative]**. Например:

1. I am not romantic you know. I never was [predicative]. (Austen, 87)

2. “Nevertheless Dick isn’t the only man with repose”

“Oh, yes, I am [predicative]” (Fitzgerald, 126)

Предложения с опущенным предикативом находим и в русском языке:

– Кто был подозреваемым?

– Я лично не был [predicative]. (Шолохов, 287)

В отличие от английского и русского языков, в армянском языке предложения с подобной структурой отсутствуют.

В английском языке можно выделить такие предложения, в которых отсутствует вспомогательный глагол. Данный тип эллипса редко встречается в английском языке, но тем не менее имеет подвиды – в зависимости от того, какой вспомогательный глагол опущен. Данные подвиды имеют можно представить разными моделями:

1. **S + [be] + participle 1**. Например:

My place [be] still standing. (Wideman, 16)

2. S +[be] + participle 2. Например:

Then they [be] supposed to come straight home (Wideman,16)

3.S +[have] +participle 2. Например:

I [have] seen you when you was looking at it yesterday. (Dreiser, 129)

Следует отметить, что подобные структурные типы на уровне языка являются отклонением от нормы. Однако на уровне речи, особенно в разговорном английском, они используются, так что их нельзя рассматривать абсолютным отклонением. Как правило, предложения с опущенным вспомогательным глаголом используются в афро-американском английском.

В русском языке данные подвиды эллипса отсутствуют.

В армянском языке встречаются предложения со следующей моделью, а именно:

S + infinitive +[be]. Например:

1. Եւ շինել է, թշնամիս քանդել: Եւ քաղաքել է, թշնամիս` կոտորել [be].
(Սահիճյան, 333)

Отметим, что в армянском языке подобный эллипс встречается в сложно-сочиненных предложениях. Следует также отметить, что эллипс вспомогательного глагола в данном случае является нормой как на уровне языка, так и на уровне речи, чего нельзя сказать об английском.

К следующему структурному типу эллиптических предложений английском языке относится те, в которых опущен глагол-связка составного именного сказуемого, что можно представить следующей моделью: S +[be]+ predicative. В зависимости от того, какой частью речи выражена именная часть составного именного сказуемого, можно выделить следующие подтипы данной модели:

1. S + [be] + noun: Например:

1. This [be] the church. This [be] the steeple. (Wideman,120)

2. Little Simnie [be] her son (Wideman,17)

2. S + [be] + numeral: Например:

And you [be] only the second (Austen,113)

3. S + [be] + prepositional phrase: Например:

You [be] in the resistance? (High,353)

4. S + [be] + adverb: Например:

That [be] enough, Carly. (Fitzgerald,249)

Как и в предыдущем случае, предложения подобного типа выходят за рамки нормативного английского языка.

Предложения с подобной конструкцией встречаются и в русском языке. Однако в отличие от английского, в русском языке подобные предложения не считаются

эллиптическими, а предложения с синтаксическим нулем (Камагина 2020, с. 26).
Например:

Дома вокруг многоэтажные, большие.

Так же, как и в английском, в армянском языке встречаются предложения с опущенным глаголом-связкой. Однако в отличие от английского языка, в армянском они имеют иное словорасположение, а именно: **S+predicative+[be]**. Например:

1. Ճանապարհները շատ են, կամքը՝ մեկ [be]. (Մաթևոսյան, 53)
2. Տառերը լատինական էին, բառերը՝ հայերեն [be] (Դեմիրոսյան, 211)
2. Արփիկն արդեն որոշել է. տղան ջուրակահար է դառնուի, աղջիկը՝
Դաշնակահար [be]: (Մահինյան, 346)

Как видим, в армянском языке эллипс данного типа главным образом встречается в сложно-сочиненных предложениях. Помимо того, в отличие от английского языка, где эллипс данного типа является отклонением от нормы и встречается довольно редко, в армянском языке он считается нормой как на уровне языка, так и на уровне речи.

Однако иногда встречаются предложения, где подобный эллипс используется и в простых предложениях, как например:

- Մեր գյուղը, ինքսմի ջան, հեռու, հեռու [be]: (Մաթևոսյան, 5)

Следует отметить, что подобные предложения в армянском языке встречаются, как правило, в просторечии.

Таким образом, для всех трех языков характерен эллипс с многочисленными и разнородными структурными типами, что говорит об изоморфизме эллиптических предложений во всех трех языках. Однако, как показывает фактический материал нашего сопоставительного анализа, в английском языке структурных типов эллиптических предложений по количеству больше. Данный алломорфизм можно объяснить прежде всего аналитическим строем английского языка, что предполагает наличие структурных элементов, в частности вспомогательных глаголов в разных видо-временных формах в структуре предложения.

References

1. Арнольд В. И. Стилистика. Современный английский язык. Москва, издательство «Наука», 1973 – 320 с.
2. Джаукян Г.Б. Теоретические основы современного армянского языка, Ереван, Национальная Академия Наук РА, 1974. – 586с.
3. Камагина И. О структуре простого эллиптического предложения, журнал *Litera*, # 11, 2020, сс. 97 – 104.

4. Blokh M. A Course in Theoretical English Grammar. M.: «Высшая школа», 1983. – 383 с.
5. Galperin I.R. Stylistics. M.: Higher School, 1977. – 335 p.
6. Ilyish B. The Structure of Modern English. – Л. Просвещение, 1971. – 365 с.
7. Kobrina N.A., Korneyeva E.A., Ossovskaya M.I., Guzeyeva K.A. An English Grammar. Syntax. – M.: Просвещение, 1986. – 158 p.
8. Longknife A, Sullivan K. The Art of Styling Sentences, Hauppauge, New York, Barron's Educational Series, Inc., 2012.
9. Mkhitarian Ye., Chubaryan A. Theoretical English Grammar (seminars), Yerevan, YSU Press, 2008. – 521 p.
10. Radford A. Transformational Grammar. A First Course. Cambridge University Press, 2002. – 626 p.

Список художественной литературы

1. Austin J. Pride and Prejudice, Great Britain, Wordsworth Editions Limited, 1999. - 265 p.
2. Dreiser Th. An American Tragedy, Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1951. – 605 p.
3. Fitzgerald F.S. Tender is the Night, London, Penguin Books, 1997. - 392 p.
4. High R.M. The Rock and The Flower, London, Corgi Books, 1988. – 411 p.
5. Wideman J. E. Philadelphia Fire, New York, Vintage Books, 1990. – 199 p.
6. Горький М. Мать, Москва, “Художественная литература”, 1985. – 398 с.
7. Леонов Л. Русский Лес, Москва, “Советский писатель”, 1970. – 711 с.
8. Пастернак Б. Доктор Живаго, Москва, “ Книжная палата”, 1989. – 431 с.
9. Բալայան Չ. Բարոյթյան Ծառը, Երևան, “Հայաստան”, 1986. – 512 с.
10. Մաթևոսյան Հ. Երկեր երկու հատորով, հ. 2, Երևան, “ Սովետական գրող”, 1985, - 616 с.
11. Սահինյան Ա. Ընտիր երկեր, հ. 1, Երևան, “Սովետական գրող”, 1987 – 616 с.
12. Պետրոսյան Վ. Կրակե շապիկ, Երևան, “Սովետական գրող”, 1986. – 590 с.

CONCLUSION

Issue No. 12(1) demonstrates a general focus on human-centered science, evidence-based research, and practical applicability. Research demonstrates how cultural practices support emotional recovery, how effective didactics and diagnostics enhance the quality of language training and inclusive education, and how organizational and technological solutions enhance employee well-being and process effectiveness. A diverse range of methods—from discourse analysis and validation studies to engineering and linguistic models—provides a comprehensive picture of contemporary scientific approaches.

The issues' materials will be useful to researchers and practitioners in education, management, healthcare, sports, logistics, IT, and linguistics. They offer proven tools, new methodologies, and conceptual frameworks for further research and implementation. We thank the authors and reviewers for their contributions to the development of professional scholarship and invite readers to continue the discussion, engage in interdisciplinary collaboration, and expand the empirical base of future work.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№12(1.2)/2025

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 7,5
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”